

9(с). (с163,1) 309822 63.3(2)5

Т30 Р. С. Тебуев

3 АРОЖДЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ в Карачаево-Черкесии

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Р. С. Тебуев

ЗАРОЖДЕНИЕ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ
(40-е годы XIX в.—1917 г.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОТДЕЛ
Карачаево-Черкесской
обл. библиотеки

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК — 1975

*Ответственный редактор
доктор исторических наук
профессор
В. П. НЕВСКАЯ*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.
ЗКОРТО — «Записки Кавказского отдела Русского технического общества».
ЗРГО — «Записки Русского географического общества».
ИОГИ — «Известия общества горных инженеров».
ИКОРГО — «Известия Кавказского отдела Русского горного общества».
КОВ — «Кубанские областные ведомости».
МГК — «Материалы для геологии Кавказа».
ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи».
СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа».
ТВЭО — «Труды Вольного экономического общества».
ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив.
ЦГИА ГрССР — Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР.
ЦГИА СССР — Центральный Государственный исторический архив СССР.

309822-Д

*Матери, Айшат Хаджи-
Мырзаевне Коркмазовой,
посвящаю.*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение вопроса о зарождении и развитии промышленности в дореволюционном Карачае и Черкесии имеет не только познавательное, но и большое политическое значение. Исторический путь, который прошли народы Карачая и Черкесии после объединения их с Россией, показывает, что, несмотря на колонизаторскую политику царизма, Россия, стоявшая на более высоком уровне развития, оказала огромное влияние на все стороны жизни карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев.

Прогрессивное значение России для развития народов Востока отмечал Ф. Энгельс: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹.

Вовлечение Карачая и Черкесии в общий с Россией процесс исторического развития способствовало ломке старых патриархально-феодальных производственных отношений, зарождению и становлению новых капиталистических отношений. При этом не только подвергалось буржуазным воздействиям традиционное занятие горцев — сельское хозяйство,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

но и возникла новая отрасль производства — капиталистическая промышленность. До начала 60-х гг. XIX в. промышленность Карачая и Черкесии находилась на стадии домашних промыслов и ремесла. Отмена крепостного права в России и на Кавказе способствовала развитию экономики и вместе с тем изменению социально-классовой структуры горского общества Баталпашинского отдела. Одной из существенных сторон этого объективного и закономерного процесса было возникновение и развитие капиталистической промышленности, послужившей материальной основой формирования национальных отрядов рабочего класса и национальной буржуазии. Развитие капиталистических производственных отношений и возникновение промышленности в Баталпашинском отделе имело в своей основе не местный, а привнесённый извне капитал: национальный капитал не участвовал в создании промышленности ввиду его отсутствия. В таких условиях национальные кадры пролетариата складывались только на базе развития промышленности, насаждавшейся русскими предпринимателями. Поэтому национальные кадры рабочего класса зарождались здесь раньше, чем национальная буржуазия.

Рабочие кадры из карачаевцев, осетин, черкесов, абазин и ногайцев формировались как часть многонационального российского пролетариата. Подобный же процесс развивался на всех окраинах Российской империи. Однако аграрный характер экономики Баталпашинского отдела, удалённость района от крупных промышленных центров, слабое развитие промышленности в крае — все это затрудняло формирование национального рабочего класса в Карачае и Черкесии. И все же на промышленных предприятиях Карачая и Черкесии трудились не только русские рабочие: росли и крепили кадры рабочего класса из коренных народностей. Они, как и русские пролетарии, познали тяжесть капиталистического гнета и приобщились к революционной идеологии рабочего класса.

Предпринимая свое исследование, автор и видел одну из его важнейших задач в том, чтобы, рассмотрев обстоятельства возникновения первых промышленных предприятий в Баталпашинском отделе, показать, как происходило формирование местного национального отряда рабочего класса.

К сожалению, архивные источники и литературные материалы дают очень мало сведений о численности представителей национального рабочего класса, занятых в тех или иных предприятиях. Чтобы представить себе значение, удельный вес пролетариата — хотя бы по косвенным данным, — автору пришлось, изучая особенности развития промышленности в крае, попытаться определить роль, которую играли промышленные предприятия в Баталпашинском отделе, а именно — в социальном развитии местного общества, среди коренного горского населения.

При написании работы были привлечены источники из Государственного архива Краснодарского края, Центрального Государственного исторического архива Грузинской ССР, Центрального Государственного военно-исторического архива и Центрального Государственного исторического архива СССР (Ленинград).

Важные сведения содержатся также в различных официальных и неофициальных изданиях, публикациях статистического характера, а также статьях, заметках и путевых заметках разных авторов.

Использованные в настоящей работе источники по их содержанию можно разделить на две группы: официально-документальные; неофициальные издания и периодическая печать.

К источникам первой группы, в свою очередь, относятся: законодательные акты, отчеты, донесения и статистические материалы.

Обширный архивный материал по рассматриваемой теме собран в Государственном архиве Краснодарского края. До Великой Октябрьской социалистической революции город Екатеринодар (ныне

Краснодар) был центром Кубанской области,¹ а потому сюда стекались официальные донесения и различные сообщения чиновников Баталпашинского отдела. Большую ценность, в частности, представляют официальные статистические отчеты, составленные чиновниками Баталпашинского отдела, содержащие сведения о числе кустарных и промышленных заведений и о их деятельности².

Эти документы позволяют проследить процесс возникновения новых капиталистических отношений, складывания рабочего класса из местного населения. Особый интерес в этом смысле представляют материалы из 449 фонда³. Здесь сохранились документы, раскрывающие тяжелое положение рабочих рудника «Эльбрус», показывающие борьбу рабочих — русских и карачаевцев против жестокой эксплуатации, а также содержащие сведения о забастовках на руднике. Материалы, хранящиеся в этом фонде под грифом «секретно», раскрывают борьбу рабочего класса за свои права и свидетельствуют о политической зрелости местного рабочего класса.

Немало ценных источников имеется в Центральном Государственном историческом архиве Грузинской ССР. Местопребывание наместника Кавказа в Тифлисе способствовало накоплению здесь огромного количества материалов, которые поступали из административных органов Кубанской области. Особенно большое значение имеют материалы Кавказского горного управления: именно в это управление поступали обобщенные сведения о промыш-

¹ Кубанская область того времени — это нынешние территории Краснодарского края, части Ставропольского края и Карачаево-Черкесской автономной области. Карачай и Черкесия входили в состав Баталпашинского отдела.

² ГАКК, ф. 460. «Кубанский областной статистический комитет», ф. 454. «Канцелярия начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска», ф. 49. «Кубанское областное правление».

³ ГАКК, ф. 449, оп. 12, ед. 4. «Расследование о причинах недостаточной продуктивности свинцово-цинкового рудника «Эльбрус».

ленных предприятиях Кубанской области. Сохранились отчеты о проводившихся горными инженерами исследованиях горных богатств Кавказского края и соответствующие рекомендации.

Архивные материалы дают возможность проследить с самого начала процесс организации предприятия «Эльбрус», ход той борьбы, которую вели всякого рода «владельцы рудных жил Карачая» за обладание столь ценными месторождениями. Сохранились договоры, заключенные представителями Карачая от имени карачаевского народа с инженером-технологом Томашевским¹. Из содержания договоров явствует, что горстка богачей, выступая от имени народа, отдавала рудные богатства за бесценок промышленникам, которые впоследствии не платили даже арендной платы.

Среди документов канцелярии наместника Кавказа весьма интересны те, которые указывают на необходимость секвестра рудника «Эльбрус». Они содержат сведения о тяжелом положении рабочего класса, его борьбе с эксплуататорами-промышленниками. Ценность этих источников заключается в том, что о трудностях жизни рабочего класса свидетельствуют самые высшие представители царской администрации².

В Центральном Государственном военно-историческом архиве в Москве хранятся документы, характеризующие договорные отношения Кубанского казачьего войска с арендаторами Баталпашинских горько-соленых озер и угольных копей³. Здесь же имеются документы, раскрывающие позицию пра-

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21. «Дело о месторождении серебро-свинцовой руды по верхнему течению реки Кубани и ее притоков: Доутом и Учкулана Кубанской области. Об отдале Карачаевским сельским обществом в аренду земель под горную разработку Томашевскому».

² ЦГИА ГрССР, ф. 13, оп. 12, ед. 375. «О секвестре серебро-свинцового и цинкового рудника и свинцово-плавильного завода «Эльбрус».

³ ЦГВИА, ф. 400. «Главный штаб. Азиатская часть», ф. 38. «Главное управление Генерального штаба».

вительственных учреждений при решении вопроса о необходимости возобновить деятельность акционерного общества «Эльбрус». Из отчета, представленного профессором П. Т. Ипатьевым, а также из заключения горного инженера при Главном управлении казачьих войск Н. Китаева видно, что царское правительство, не уделяя должного внимания развитию промышленности в России, охотно предоставляло свои рынки для иностранных товаров и что это приводило к искусственному торможению развития промышленности как в Центральной России, так и на ее «окраинах»¹.

Особо ценные источники обнаружены в Центральном Государственном историческом архиве СССР в Ленинграде. Здесь сохранились документы, освещающие процесс возникновения акционерного общества «Эльбрус», рисующие жестокое отношение администрации акционерного общества к рабочим, а также свидетельствующие о прочной классовой солидарности различных слоев эксплуататоров в деле защиты интересов капиталистов-предпринимателей². Многие документы этого архива позволяют проследить деятельность общества «Эльбрус» с момента его возникновения до кануна первой мировой войны (переписка администрации акционерного общества с правительственными учреждениями о необходимости увеличить основной капитал общества «Эльбрус», документы, содержащие сведения о привлечении иностранного капитала для возобновления работ на руднике и т. д.)³.

¹ ЦГВИА, ф. 330, оп. 69, ед. 37, кор. 4053. «Отчет экстраординарного профессора гв. капитана П. Т. Ипатьева об осмотре свинцовых месторождений и завода для выплавки свинца, принадлежащих обществу «Эльбрус».

² ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 24, ед. 148. «Об учреждении акционерного общества «Эльбрус».

³ ЦГИА СССР, ф. 31, оп. 66, ед. 2436. «Дело по ходатайству общества «Эльбрус» об увеличении основного капитала на 1800000 рублей»; ф. 37, оп. 77, ед. 382. «О выдаче ссуд владельцам предприятия «Эльбрус» в Кубанской области для увеличения выплавки свинца и цинка».

Архивные данные красноречиво рассказывают о том, как в процессе совместной работы происходило интернациональное сплочение русских рабочих с рабочими-горцами, как под влиянием русского пролетариата рабочие-горцы приняли участие в экономической и политической борьбе с представителями администрации рудника.

Определенную ценность для рассматриваемой темы имеют «Отчеты начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска», издававшиеся ежегодно, с привлечением разносторонних обзорных и статистических материалов по всем отделам области.

Каждый из «Отчетов» содержал раздел «Фабрично-заводская промышленность», где давался краткий анализ состояния фабрично-заводской промышленности в области. Особый интерес могли бы представлять статистические таблицы, в которых указаны виды и число мелких промышленных предприятий. К сожалению, эти статистические сведения весьма неточны, а нередко даже противоречивы, что не позволяет выявить закономерности роста или упадка мелких кустарных предприятий, развития предприятий нового типа и роста рабочего класса в Баталпашинском отделе. Главный недостаток этих таблиц — отсутствие четкой классификации предприятий, так что в некоторые годы давались сведения относительно мельчайших промышленных заведений, а в другие годы не публиковались данные даже о более крупных.

Некоторые сведения, касающиеся промышленности, имеются в «Кавказском календаре», где помещены обзорные статьи и статистические данные по Кавказскому краю¹. Однако материалы этого рода очень скудные и не раскрывают картины промышленного развития на Северном Кавказе, а на территории изучаемого отдела — и того менее.

¹ «Сведения о производительности горных заводов и промыслов Кавказского края за 1898–1900 гг.» «Кавказский календарь на 1902 год». Тифлис, 1901.

Развитию промышленности в Баталпащинском отделе до Великой Октябрьской революции не было посвящено ни одного специального исследования, если не считать статей инженеров и геологов, обследовавших Карачай и Черкесию, а также газетных материалов, посвященных отдельным видам промышленности. В какой-то мере это дополняет архивные данные и все вместе дает возможность попытаться проследить процесс развития промышленности и формирования рабочего класса в Баталпащинском отделе.

Для нашего исследования весьма полезным оказался «Горный журнал», издававшийся в Петербурге с начала XIX в. На его страницах печатались сведения о геологических исследованиях на территории Карачая и Черкесии, давалась оценка и описание ископаемых богатств и предлагались рекомендации относительно их промышленной эксплуатации¹. Журнал широко пропагандировал богатства Карачая и Черкесии.

Интересный материал содержится в сборниках «Материалы для геологии Кавказа», «Известия общества горных инженеров» и «Полезные ископаемые

¹ См. «Горный журнал»: «Отчет о произведенных разысканиях каменного угля в окрестностях Хумаринского укрепления на реке Кубани в конце 1846 г., 1847, № 6, ч. 2; Фон-Кошкуль. О Кубанском каменном угле, 1867, № 5; Заметка по поводу статьи г. Фон-Кошкуля «О кубанском каменном угле». 1868, ч. 1; «Записка об осмотре горной части на Кавказе горного инженера Штейнмана», 1869, № 10; «Глауберова соль в Кубанской области», 1886, № 8, т. 3; «Горнозаводской промысел на Кавказе в 1885 г.», 1866, № 12, т. 4; «Горнозаводской промысел на Кавказе в 1886 г.», 1887, № 7, т. 3; «Горный промысел на Кавказе в 1889 г.», 1890, № 12; «О серебро-свинцовых рудах в Карачае в долине р. Кубани на Северном Кавказе, 1891 г., №№ 4—6, т. 2; Д. А. Кондратьев. Месторождения серебро-свинцовых медных руд на Кавказе в Карачае, 1892, № 8—9, т. 3; Об утверждении устава общества «Эльбрус», № 11, т. 4; Е. Житнев. Очерк обогащения свинцовых, цинковых руд и других руд, 1897, № 7, т. 3.

Кавказского края»¹. В этих изданиях были опубликованы результаты геологического исследования в Карачае и Черкесии, произведенного крупными инженерами-геологами, которые подчеркивали необходимость промышленной эксплуатации полезных ископаемых.

Много данных (главным образом статистического характера) о добывающей промышленности в Баталпашинском отделе было помещено в разделе «Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом» в издававшихся с 1866 по 1915 г. «Отчетах о деятельности управления горной частью Кавказского края» и «Отчетах Кавказского горного управления». В них даны сведения о добытом угле в Хумаринских угольных копях, соли в Баталпашинских горько-соленых озерах и руды на руднике «Эльбрус»².

Данные этих сборников позволяют сравнить материалы за многие отчетные годы. Отдельные сведения удалось почерпнуть и в других сборниках, также освещающих состояние и производительность

¹ См. МГК (Тифлис): А. Кошин. Исследование Баталпашинских горько-соленых озер. 1888, сер. 2, кн. 2, вып. 2; Н. Барбот-де-Марни. Карачаевские серебро-свинцовые месторождения в Кубанской области, 1895, сер. 2, кн. 9; См. ИОГИ (СПб): Н. Зуев. О серебро-свинцовых и цинковых месторождениях в верховьях Кубани, № 6, 1899; там же, Н. В. Экк. О технико-экономических условиях разработки серебро-свинцовых и цинковых месторождений в верховьях Кубани.

² «Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом». Тифлис, 1870; «Отчет министру государственных имуществ о деятельности управления горной частью на Кавказе и за Кавказом в 1885 г.». Тифлис, 1886; «Отчет о деятельности управления горной частью Кавказского края за 1886 г.». Тифлис, 1887; «Отчет о деятельности управления горной частью Кавказского края за 1888». Тифлис, 1889; «Отчет Кавказского горного управления за 1907 г.». Тифлис, 1908. С 1906 по 1915 г. «Отчеты» выходили ежегодно.

добывающей промышленности в Баталпашинском отделе¹.

В начале XX столетия более детальные сообщения о месторождениях Баталпашинского отдела были опубликованы в брошюрах горного инженера Кубанской области Е. Юшкина «Горные богатства Кубанской области» и в «Отчете о состоянии горного промысла Кубанской области»². В них подробно освещалось состояние всех отраслей добывающей промышленности в Баталпашинском отделе.

Интересной для изучаемой темы представляется и небольшая книга, написанная инженером рудника «Эльбрус» М. Кохом³. В ней автор коротко знакомит читателя с историей рудника и попутно рассматривает технические и экономические условия разработок.

Большую помощь в изучении вопроса оказали

¹ См. «Кубанский сборник» (Екатеринодар): «Извлечение из отчета начальника Кубанской области», 1910, т. 15; «Исследование глин, доставленных из станций и аулов между р. Кубанью и Кавказским хребтом», 1910, т. 15; «Баталпашинский отдел», 1914, т. 19; «Значение рек Кубанской области в лесном хозяйстве», 1898, т. 4. «Извлечение из отчета начальника Кубанской области за 1906 г.», «Кубанский календарь» (Екатеринодар), 1908; «Техническая беседа 15 февраля по сообщению В. И. Богачева о кубанском камешном угле». ЗКОРТО (Тифлис), 1871, т. 6; Об открытии каменного угля на Кавказе. «Вестник горного дела и орошения на Кавказе» (Тифлис), 1901, № 19; О. Карапетян. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. «Кавказский вестник» (Тифлис), 1901, № 11; «Баталпашинские горько-соленые озера и железнодорожный тариф», «Труды Кубанского отделения Русского технического общества» (Екатеринодар), 1914, вып. 1.

² Е. Юшкин. Горные богатства Кубанской области. Екатеринодар, 1909; он же: Горные богатства Кубанской области, вып. 2. Екатеринодар, 1912; «Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горной части Кубанского областного правления за 1910 г.» Екатеринодар, 1911.

³ М. Кох. Горные месторождения Баталпашинского отдела Кубанской области (технические и экономические условия их разработок). «Издание горнопромышленного товарищества «Карачай», 1911.

статьи, опубликованные в периодической печати¹, дополняющие картину промышленного развития Баталпашинского отдела. В статье горного инженера при Главном управлении казачьих войск Н. Китаева, опубликованной в газете «Новое время», рассказывается, например, как царское правительство, предоставляя свои рынки иностранным предпринимателям, тормозит промышленное развитие страны. Об этом же говорится и в статье известного кавказоведа-этнографа Г. Ф. Чурсина².

К большому сожалению, нет статей, которые освещали бы начальный период становления рабочего класса из местных горцев; отдельные сведения об этом приводят историки, в разное время посещавшие Карачай и Черкессию³.

Проблема зарождения промышленности и становления рабочего класса в Баталпашинском отделе не получила должного освещения и в советской историографии. По этой тематике нет специальных работ и исследований, за исключением («Ремесло и возникновение промышленных очагов») в книге В. П. Невской, а также написанных ею разделов о развитии промышленности в «Очерках истории Карачаево-Черкесии»⁴, где эти вопросы затронуты впервые.

¹ «Ученая экспедиция к Эльбрусу в 1829 г.». «Москвитянин», 1844, № 11; Н. Китаев. Пужды свищовой промышленности. «Новое время», 4/17 декабря 1902 г.; «Горный промысел и дороги в Кубанской области». КОВ, 1900, № 288; Е. Житнев. Рудобогатительный завод на Индыше. КОВ, № 115, 1895; Е. Фелицин. По поводу статьи А. Экзархонцло о Хумаринских месторождениях каменного угля, КОВ, 1893, № 68; «Работа сыроварен, маслоделен и ферм Северного Кавказа в 1906 г.». «Юго-Восточный хозяин», 1907, № 10.

² Г. Ф. Чурсин. Свищовые миллионы Карачая. «Кавказ», 1901, № 12.

³ А. П. Дьячков-Тарасов. В горах Большого и Малого Карачая. СМОМПК, вып. 28. Тифлис, 1900; В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях. СМОМПК, вып. 43. Тифлис, 1913.

⁴ В. П. Невская. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964; «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. 1. Ставрополь, 1967.

Г Л А В А I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЯ И ЧЕРКЕСИИ

1. Влияние российского капитализма на экономическое развитие Карачая и Черкесии

Русское государство проявляло большой интерес к Кавказу, начиная с XV в. После того, как в Москву были направлены несколько черкесских и кабардинских посольств, в состав России в 1557 г. добровольно вошли Черкесия и Кабарда. По утверждению многих историков, тогда же вошли в состав России¹ карачаевцы и балкарцы, заселявшие в то время верховья Баксана и Кубани и имевшие непосредственные связи с Кабардой.

Добровольный переход Черкесии и Карачая в российское подданство был исторически прогрессивным шагом. Однако вследствие сложной внутренней и внешнеполитической обстановки окончательное присоединение затянулось на столетия. Как отмечается в «Очерках истории Карачаево-Черкесии», «местные князья и правители выбирали себе политическую ориентировку и часто с легкостью ее меняли, исходя не из интересов своего народа, а из корыстных побуждений, рассчитывая таким образом получить новые блага и привилегии и одержать победу в междуусобной феодальной борьбе»².

¹ Е. П. Алексеева, И. Х. Калмыков, В. П. Невская. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957, стр. 15.

² «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. 1, Ставрополь, 1967, стр. 232

Пользуясь такими ситуациями, турецкие султаны и их вассалы, крымские ханы, стремились оторвать народы Северного Кавказа от России и тем самым закрыть путь к присоединению. Турецкая империя, проводя колонизаторскую политику, имела целью завоевать народы Кавказа и установить над ними свою власть. Народы Черкесии в течение 300 лет неоднократно с помощью России защищали свои территории от турецкого и крымского нашествия. В совместной борьбе крепла дружба и братство русского и кавказского народов. Окончательное присоединение современной территории Карачаево-Черкесии к России произошло в 1829 г. по Андрианопольскому мирному договору.

Присоединение Черкесии и Карачая к России имело огромное прогрессивное значение. Россия по уровню своего социально-экономического, культурного и политического развития стояла выше, чем Турция. Укрепление экономических связей с Россией и проникновение товарно-денежных отношений в недра кавказского хозяйства разлагало патриархально-феодальный строй и способствовало проникновению капиталистических отношений.

Несмотря на то, что проводимая царизмом политика была колонизаторской, присоединение Карачая и Черкесии к России дало огромный толчок развитию производительных сил. Хозяйство карачаевцев, черкесов, ногайцев и абазин стало втягиваться в орбиту единого всероссийского рынка. В 1840-е годы были открыты меновые дворы в станицах Баталпашинская, Боргустанская и Невинномысская¹, затем стали устраиваться ярмарки. Карачаевцы, черкесы, абазинцы, ногайцы поняли необходимость и выгоду производить продукцию для обмена и продажи и постепенно в натуральное хозяйство горцев начали проникать элементы товарно-денежных отношений. Этот процесс в свою очередь способствовал росту

¹ «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. 1. Ставрополь, 1967, стр. 327.

капиталистических отношений в экономике горских аулов.

С развитием торговли отдельные продукты скотоводства, такие как овчины, кожи, бурки, шерсть, использовавшиеся в прошлом для удовлетворения внутренних потребностей семьи, становились товаром. Развитию торговли в пореформенную эпоху способствовало проведение колесной дороги в Карачай и постройка железной дороги Ростов—Владикавказ. В результате усилился приток фабрично-заводских товаров из центральных районов России, а горцы получили возможность продавать продукты скотоводства не только на рынках всего Северного Кавказа, но и Москвы, Петербурга, Харькова и др. Только Карачай в конце 70-х годов XIX в. ежегодно вывозил шерсти на 300 тыс. рублей¹. Развитие торговли способствовало быстрому обогащению феодальной знати, в руках которой находилась большая часть скота. Это повлекло за собой превращение некоторых кругов феодально-родовой знати в купцов и ростовщиков.

Разложение натурального хозяйства, расширение рынка, развитие транспорта и техники земледелия в Карачае и Черкесии способствовали сосредоточению сравнительно крупных средств в руках части горцев. Однако сильные пережитки феодально-патриархальных отношений тормозили создание национального капитала. Поэтому разработка природных богатств и развитие промышленности в Карачае и Черкесии были начаты средствами правительства, русских промышленников и иностранного капитала. Таким образом, зарождению первых очагов промышленности способствовал привозной капитал, а национальный (местный) капитал вплоть до первого десятилетия XX в. не принимал участия в их становлении.

¹ В. П. Невская. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964, стр. 140.

7
Богатства недр Карачая и Черкесии стали известны после похода генерала Г. А. Емануеля в Карачай (октябрь 1828 г.). Ознакомившись с обширными природными богатствами верхнего течения Кубани, Емануель, будучи командующим войсками Кавказской линии, обратился к начальнику главного штаба генералу И. И. Дибичу с предложением организовать научную экспедицию «в ближайшие окрестности Эльбруса и Кинжал-горы на Малке, содержащей большое количество свинца, находимого горским пародом в виде самородков и употребляемого ими на военные потребности»¹.

В 1829 г. для обследования окрестностей горы Эльбрус была организована первая научная экспедиция Российской Академии наук во главе с академиком А. Я. Купфером, основателем главной физической обсерватории в Петербурге. Членами экспедиции были Э. К. Ленц, Э. Менетрие, И. Вознесенский; в ней участвовал и видный венгерский ученый Янош Бессе, который интересовался этнографией Карачая. Работы по изучению флоры были поручены К. А. Мейеру.

В результате этой научной экспедиции Карачай впервые был исследован в географическом, геологическом, ботаническом, зоологическом, археологическом и этнографическом отношениях. Здесь были обнаружены многие полезные ископаемые, в частности «свинец, каменный уголь во множестве и гипс...»². Таким образом, в конце 20-х годов XIX в. о горных богатствах Карачая стало известно довольно широким слоям русского общества.

Изучение полезных ископаемых в верховьях Кубани продолжалось в последующие годы. Так, осенью 1829 г. архитектор Кавказских Минеральных Вод И. Бернадацци по заданию Г. А. Емануеля предпринял специальную поездку в Карачай с целью более детального осмотра месторождения каменного угля.

¹ К. Сивков. Кавказская экспедиция Академии наук в 1829 г. «Вестник Академии наук», 1835, № 7-8, стр. 62.

² «Тифлисские ведомости», 1829, № 31.

Обнаружив очаги разработки и многие выходы каменноугольных пластов, он сообщил о возможности организовать добычу угля.

Местные мастера издревле употребляли каменный уголь в своих примитивных кузницах для изготовления холодного оружия и предметов бытового обихода. В конце XVIII в., по утверждению В. П. Невской, русские солдаты с помощью местных жителей использовали уголь при ковке лошадей и варке пищи¹.

Разведка и разработка природных богатств Карачая и началась с каменного угля.

В 1834 г. начальник Кавказской области генерал-лейтенант А. А. Вельяминов официально сообщил Министерству финансов, а также главноуправляющему гражданской частью на Кавказе барону Г. В. Розену о каменноугольных богатствах, обнаруженных на берегу Кубани близ укрепления Хумары². Для обследования залежей был направлен чиновник восьмого класса Фолендорф, который в окрестностях Хумаринского укрепления (ныне пос. Новый Карачай) обнаружил обнаженные пласты каменного угля в шести местах. Первое месторождение находилось на правом берегу Кубани, в 250 саженях выше Хумаринского укрепления; другие два пласта — на левом берегу реки в шести верстах южнее укрепления; на левом берегу Мары, в восьми верстах от укрепления, было открыто четвертое; пятое размещалось на правом берегу р. Хумары и шестое — в четырех верстах на северо-восток от укрепления³.

Большая площадь залежей, обилие огнеупорной глины недалеко от угольных месторождений создавали благоприятные условия для развития местной промышленности. Отмечая необходимость разработ-

¹ В. П. Невская. Карачай в пореформенный период, стр. 102.

² ЦГИА ГрССР, ф. 1083, оп. 6, л. 1164, л. 2.

³ В. П. Невская. Карачай в пореформенный период, стр. 102.

ки угля и огнеупорной глины, коллежский ассессор Гайворонский писал начальнику Кубанской области: «Недалекое расстояние всех этих урочищ от Ставрополя — середины степных мест Кавказской области, необходимость со дня на день увеличения оного для могущих устроить в крае винокуренных, селитряных, квасцовых и других заводов вынудили меня представить как образцы угля, так глины на рассмотрение Вашего превосходительства»¹.

Но результаты проведенного Фолендорфом исследования о масштабах залегания угля, как и рекомендации Гайворонского, были положены под сукно. Только по прошествии пяти лет вопрос о каменноугольных месторождениях в верховьях Кубани вновь был поднят кавказским гражданским губернатором Семеновым. Для обследования местности был направлен инженер Глинский, который представил обстоятельный отчет о возможности промышленной эксплуатации каменного угля с экономическим обоснованием. По утверждению Глинского, «угля близ укрепления Хумаринского весьма изобильно и доставка сего минерала в г. Ставрополь обойдется от 45 до 50 коп. с пуда»².

Кавказская администрация была заинтересована в эксплуатации угля для удовлетворения нужд действующей армии на Кавказе. Поэтому было решено отдать месторождения без арендной платы любому промышленнику, который захотел бы эксплуатировать их в своих интересах. Однако, желающих заняться разработкой каменноугольных залежей не оказалось. Предприниматели боялись вкладывать свои капиталы на Кавказе, где еще продолжалась война. Отсутствие благоустроенных колесных дорог, отдаленность месторождения от городов и многие другие причины не способствовали началу разработки каменного угля. Но главной причиной, препятствовавшей развитию промышленного производ-

¹ Цит. по кн.: В. П. Невская. Карачай в пореформенный период, стр. 102—103.

² ЦГИА ГрССР, ф. 1083, оп. 6, л. 1164, л. 2.

ства в Карачае, были феодально-крепостнические производственные отношения, тормозившие зарождение промышленной буржуазии. Молодая промышленная буржуазия России делала свои первые шаги, и поэтому, несмотря на покровительство Кавказской администрации, не решалась разрабатывать предложенные на столь льготных условиях месторождения.

Убедившись в невозможности привлечь промышленников, кавказская администрация обратилась к самому царю с просьбой содействовать началу разработки месторождений. Вопрос долго решался в царских министерствах. После долгой переписки между различными ведомствами было решено заново детально обследовать месторождения и при положительном результате проверки качества угля в Горном ведомстве начать разработку¹. Образцы каменного угля были испытаны в петербургском Горном ведомстве, и месторождения признаны годными к промышленной эксплуатации. Вскоре, при обязательном содействии властей, в частности, в детальном технико-экономическом обследовании залежей, эксплуатировать их изъявил желание комисонер Серов.

Несмотря на заинтересованность местной администрации в быстрейшей разработке Хумаринских угольных залежей, царское правительство не спешило открывать на «окраинах» империи промышленные заведения. Так, в течение многих лет велась по инстанциям переписка о направлении для всестороннего обследования месторождений горного инженера. Долгое время Кавказская администрация не могла направить горного инженера к залежам, и поэтому предприниматель отказался от своего первоначального замысла.

Лишь в 1845 г. для обследования каменноугольных богатств были направлены сначала титулярный советник Кочубей, а потом, «с нужным инструмен-

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 1083, оп. 3, л. 1164, л. 3.

том». — инженер Гурьев. Он осмотрел ранее известные угольные пласты, открытые Фолендорфом, и сделал вывод о возможности промышленной эксплуатации угля «дешево и с большой пользой для края».

2. Промышленная разработка угольных залежей и их значение для местного населения

В июне 1846 г., по разрешению наместника Кавказа М. С. Воронцова, была начата разработка каменноугольных залежей за счет казны. Первоначально на организацию производства выделялось 4 тыс. руб. Эта сумма впоследствии должна была пополняться средствами, полученными от продажи добытого угля¹. Первые шахты были заложены в трех местах: две шахты — на правом берегу Кубани, в двух и трех верстах от Хумаринского укрепления, и по реке Марс, в четырех верстах от укрепления².

Во всех шахтах трудилось около 60 рабочих, из них непосредственной добычей угля в штольнях было занято 47 шахтеров. Разработка угля велась крайне примитивными орудиями труда: клиньями, молотками и лопатами. Для перетаскивания угля из штольни использовались плетеные корзины и тачки.

Одновременно с разработкой угля производилась разведка новых угленосных пластов и подготовка их к добыче. К концу первого года эксплуатации в окрестностях шахт под руководством горного инженера Рейнекса были обнаружены 18 новых угольных пластов³.

Таким образом, угольные месторождения Карачая, открытые в конце 20-х годов XIX в., начали эксплуатироваться лишь во второй половине 40-х годов.

Первоначально уголь использовался только для отопления казенных зданий ближайших городов:

¹ «Горный журнал», 1867, № 5, стр. 240.

² Там же, 1847, кн. 6, ч. 11, стр. 286—288.

³ «Горный журнал», 1847, кн. 6, ч. 2, стр. 293.

Ставрополя, Пятигорска, Кисловодска, Георгиевска и Екатеринодара. Из-за отсутствия фабрик и заводов на Северном Кавказе, которые могли бы употреблять кубанский уголь, он иного применения не находил. В последующие годы, чтобы использовать уголь для отопления жилищ в аулах и станицах Кубанской и Терской областей, были приглашены печники из Ростова, которые показывали жителям, как надо закладывать печь для топки углем. Это постепенно способствовало увеличению добычи и продажи угля. В течение первых двух лет на Хумаринском месторождении было добыто около 290,3 тыс. пудов угля¹. Однако в целом потребность в нем оставалась низкой. Это было вызвано узостью внутреннего рынка, отсутствием промышленности на Северном Кавказе и высокой стоимостью угля.

Главным препятствием в развитии угольной промышленности были крепостнические производственные отношения, которые обуславливали низкую производительность и плохую организацию труда, а также недостаток рабочей силы. Добыча угля в Хумаринских копях была нерентабельной для казны, поэтому было решено отдать копи на откуп частным лицам.

В 1849 г. право разработки и доставки в разные пункты Северного Кавказа каменного угля было предоставлено ставропольскому купцу Крутицкому и К^о на 12 лет, с тем чтобы все казенные здания Кубанской области получали от компании уголь в первой половине арендного срока по цене 19 коп., а во второй — по 18 коп. за пуд².

Компания Крутицкого эксплуатировала кубанские месторождения в течение срока откупа и добыла за это время приблизительно 1 млн. 80 тыс. пудов угля³.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. 386, л. 77.

² В. П. Невская Карачай в пореформенный период, стр. 104.

³ Там же.

В конце откупного срока компания натолкнулась на непредвиденные трудности. После частичного выселения в Турцию и переселения на новые места ногайцев, проживающих недалеко от угольных копей, острее встал вопрос транспортировки угля. Компания обратилась к кавказской администрации с просьбой разрешить при дальнейших разработках копей повысить цену на уголь, но не получив согласия, прекратила работу.

Кавказская администрация объявила о продаже угольных копей с торгов. Отсутствие достаточной свободной рабочей силы, отдаленность от копей станиц и аулов, жители которых могли бы там работать, тяжелые геологические условия, высокая плата за доставку угля к клиентам создавали плохую репутацию месторождениям. После безуспешных попыток найти арендатора-капиталиста, с разрешения наместника Кавказа генерала А. И. Барятинского, добыча угля была продолжена с 1860 г. на средства казны. Работы начались на новом месте, по левому берегу Кубани. Там были заложены четыре разведочные шахты, вскоре заброшенные из-за бедности пластов. Уголь стал добываться на левом берегу р. Каракент, где угленосные пласты были более мощными; в дальнейшем добыча угля на средства казны велась только в этом районе.

Для работы в шахтах была выделена воинская команда в составе 90 солдат и ассигновано из государственного казначейства почти 26 тыс. рублей¹. Эксплуатация подневольного солдатского труда была непроизводительна, однако казне это было выгодно: несмотря на тяжелые условия труда и примитивность орудий, себестоимость одного пуда угля составляла всего 5 коп. Учитывая трудности транспортировки, доставка угля была оценена казной в 22 коп. за пуд. Повышение цены за перевозку угля вызвало конкуренцию между многими предпринимателями, которые стремились приобрести исклю-

¹ «Горный журнал», 1867, № 5, стр. 241.

чительное право доставки угля потребителям. Это право было представлено офицеру Рыбаковскому и уряднику Сидорову, которые обязывались в течение 1861 -- 1865 гг. доставлять уголь потребителям¹.

Таким образом, при эксплуатации каменноугольных залежей крепостнические производственные отношения сочетались с капиталистическими, которые развивались в Карачае крайне медленно.

Подневольный труд солдат не способствовал подъему угольной промышленности: наоборот, с каждым годом добыча угля сокращалась: если в 1862 г. было добыто 200 тыс. пудов угля, то в 1864 г. — всего 140 тыс. пудов².

Отмена крепостного права в России способствовала развитию капитализма. Освобожденные крестьяне составляли свободную рабочую силу, которая использовалась растущей промышленностью. Многие крестьяне шли на Кавказ, где становились рабочими на промышленных предприятиях.

Широко разворачивалось железнодорожное строительство, банковое и кредитное дело. По выражению В. И. Ленина, в это время «развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»³.

Однако в огромной Российской империи капитализм развивался не везде одинаковыми темпами. Господство полунатурального хозяйства в условиях преобладания феодальных пережитков препятствовало развитию в Карачае и Черкесии новых экономических и общественных отношений. Этот процесс протекал там крайне медленно и противоречиво.

Постепенно крепились экономические связи центральных районов с окраинами империи. По определению В. И. Ленина, шло «развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства

¹ «Горный журнал», 1867, № 5, стр. 242.

² Там же, стр. 228.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

капитализма на новые территории¹. В результате этого развитие Карачая и Черкесии стало неотделимо от процесса капиталистических преобразований России в целом. Отмечая проникновение капиталистических отношений на Кавказ, В. И. Ленин писал: «русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик»². Для Карачая и Черкесии это означало колониальное закабаление и превращение в сырьевую базу, рынок сбыта товаров и дешевой рабочей силы для капиталистической промышленности метрополии. Это тормозило экономическое развитие Карачая и Черкесии, задерживало рост производительных сил и формирование национального рабочего класса.

Экономическое освоение Северного Кавказа³, связанное с развитием капитализма «вширь», растянулось на многие десятилетия и не было завершено даже к началу XX в. Обилие феодальных пережитков, сохранение феодальной собственности на землю тормозили развитие новых, капиталистических отношений. Наряду с появлением капиталистической аренды главенствующую роль продолжала играть крепостническая кабальная испольщина. Феодальный характер имело не только помещичье, но и крестьянское надельное землевладение: вместо свободного найма рабочей силы сохранялись завуалированные формы батрачества, прикрытые патриархальными пережитками в виде родственной и соседской «взаимопомощи».

Вместе с тем проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство способствовало расчленению крестьянства, концентрации земли в руках сельской верхушки, растущему обезземеливанию массы крестьян. Горское крестьянство, страдавшее как от развития капитализма, так и от его неразви-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594.

тости, вынуждено было все чаще работать по найму. Однако большинство наемных рабочих-горцев не порывали окончательно с прошлым: они продолжали вести самостоятельное небольшое хозяйство.

Расслоение крестьянства в горских аулах не дошло до его разложения, становление классов пролетариата и капиталистов только началось, и тем не менее эти процессы сыграли огромную роль в развитии социальной и политической жизни горцев Карачая и Черкесии. Малоземельные и безземельные крестьяне составляли основной резерв пролетариата.

Развитие промышленности в пореформенный период коренным образом отличалось от дореформенного, основанного на откупе и других крепостнических формах ведения хозяйства. Реформа расчистила путь для проникновения в горные районы Кавказа российского капитализма.

Учитывая новые тенденции и большие выгоды при правильной постановке дела, инженер Пиленко, руководитель кубанских угольных разработок, попытался эксплуатировать шахты капиталистическим способом. Казна, которая давно искала предпринимателя, способного самостоятельно осваивать каменноугольные копи, передала Пиленко все шахты, исходя из того, что «использование каменноугольной операции на предложенных Пиленко условиях принесет для Кубанского края больше выгоды, чем казенная разработка»¹.

Кубанская администрация не только отдала копи, но и наделадила предпринимателя большим количеством покосной и пастбищной земли. Согласно контракту Пиленко принял все шахты, расположенные по правой стороне Кубани и на Каракенте сроком на 10 лет (до 1876 г.). Ему было выделено 100 десятин покосной земли по р. Кумыш; кроме того, он получил 400 десятин пастбищной земли на левой стороне Кубани, выше впадения Каракента, лес,

¹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 21, ед. 87, л. 10—11.

расположенный на р. Шоане. Арендатору разрешалось производить рубку леса только для нужд производства.

По контракту все казенные здания и административные учреждения в Ставрополе, Георгиевске и Пятигорске должны были отапливаться только кубанским углем. Пиленко обязывался добывать до 175 тыс. пудов угля в год. Первые годы ему разрешалось продавать уголь в Пятигорске и Георгиевске по 26—27 коп. за пуд. При добыче в шахтах более 200 тыс. пудов угля арендатор обязывался продавать пуд угля в Ставрополе по 26 коп., а в Пятигорске и Георгиевске — по 25 коп.¹ Согласно условиям договора по истечении арендного срока каменноугольные копи со всеми сооружениями и постройками, кроме машинных устройств, должны были быть возвращены правительству. По просьбе Пиленко, первое время команда солдат, добывавших уголь, была оставлена. Но в 1866 г. они были заменены вольнонаемными шахтерами.

Наряду с разработками в старых шахтах, арендатор начал вести изыскательские работы поблизости от копей. В начале 70-х годов выходы каменноугольных пластов были обнаружены еще в 11 местах на правом берегу Кубани между Верхне-Николаевской станицей и башней у Каменного моста: на р. Большая Шугора, между устьем Малый Шубшурук и Хумарой, по ущелью Хумары, в верховьях Хумары, между реками Большой и Малый Шубшурук, между реками Малый Шубшурук и Мара, вдоль р. Мары, по обеим сторонам Каракента при впадении ее в Кубань и в других местах².

Впоследствии на этих месторождениях были основаны новые шахты: Каракентская, Макаревская и Хумаринская. Первые две были расположены на казенной земле, последняя — на земле Хумаринского аула.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 59.

² В. П. Невская. Карачай в пореформенный период, стр. 107.

С переходом угольных шахт в руки капиталиста изменений в методе добычи не произошло. Продолжалась добыча угля примитивным способом, без применения механизмов: кайлами, клиньями и молотками.

Обследовав угольные копи, разрабатывавшиеся Пилленко, инженер Фон-Кушкуль отмечал тяжелые условия труда в шахтах и писал, что «выработки в копи были до того сдавлены, что взойти в них, для изучения условий залегания угольного пласта, не было никакой возможности». По его утверждению, высота выработок «делалась сообразно толщиной пласта, т. е. 12 вершков (32 см), вследствие чего все добычи ведутся... лежа»¹. За 10—12 часов столь изнурительного труда шахтеры получали 35 коп., а откатчики — 15 коп. Добытый уголь из лавы выносили в плетеных корзинах на определенное расстояние для перегрузки в вагонетки. Вагонетки возили по деревянным настилам лошади.

О беззащитной эксплуатации шахтеров свидетельствует то, что при тогдашнем примитивном способе добывания угля себестоимость пуда его составляла почти 2 коп.² Число шахтеров в шахтах достигало 70. Первые годы добыча не превышала 165 тыс. пудов. Из этого количества 100 тыс. пудов покупались казной для отопления казенных зданий, 40 тыс. пудов реализовались в Батапашинском отделе, оставшиеся 25 тыс. пудов продавались частным лицам³.

Добыча каменного угля в основном оставалась на одном уровне. Она стала возрастать, лишь начиная со второй половины 70-х годов.

Об этом свидетельствуют следующие данные о среднегодовой добыче угля и числе работающих⁴.

¹ Фон-Кушкуль. О кубанском каменном угле. «Горный журнал», 1867, № 5, стр. 227.

² Фон-Кушкуль. Указ. ст., стр. 228.

³ ЗКОРТО, т. III. Тифлис, 1871, стр. 65—66.

⁴ По данным архивов и литературных источников.

	1846— 1848 гг.	1849— 1860 гг.	1861 г.	1870 г.	1875 г.	1879— 1880 гг.
Добыто угля тыс. пудов	290	108	170	145	300	640
Число рабо- чих	47	90	40	45	80	220

Рост добычи угля был вызван тем, что в 70-х годах в России началось бурное железнодорожное и заводское строительство, и потребность в угле возросла. В. И. Ленин отмечал, что развитие крупной горной промышленности происходило в тесной связи с развитием транспорта и фабрично-заводской промышленности: «Каждая новая верста жел.-дорожной сети, каждая новая мастерская, каждый плуг, заведенный сельским буржуа, *повышают* размер спроса на продукты горнопромышленности»¹.

Строительство железной дороги Ростов—Владикавказ способствовало резкому повышению спроса на уголь. Указывая на это, наместник Кавказа писал: «Очевидным делается, что для кубанских каменноугольных копей вообще, и для каракентского рудника, разрабатываемого г. Пиленко, в особенности, наступило весьма благоприятное время, и ныне представляется полная возможность предоставить дальнейшее развитие там каменноугольной промышленности частной предприимчивости»².

В период строительства железной дороги, с 1875 по 1881 г. включительно, добыча угля возросла в два раза. В эти годы помимо Хумаринских и Каракентских копей было открыто много новых шахт. Однако подъем продолжался недолго. Хотя кубанский уголь стал применяться все шире, большой популярностью на рынках Северного Кавказа пользовался донецкий антрацит (грушевский антрацит уже

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стлб. 495.

² Цит. по кн.: В. П. Невская. Карачай в пореформенный период, стр. 107.

в 60-х годах XIX в. имел большую славу в России). Главной причиной сокращения добычи кубанского угля была его «неконкурентоспособность» по сравнению с донецким антрацитом; низкая калорийность, большая смолистость и непригодность для топки паровозов. Кубанский уголь, даже при его дешевизне (пуд его стоил на 10—15 коп. дешевле антрацита), не находил сбыта.

Конкуренция донецкого угля подавляла развитие кубанского угольного месторождения, как и других местных копий. Донецкий и Домбровский угольные бассейны давали в 1897 г. 91% всей добычи угля в России, причем добыча в донецких шахтах составляла 59%, т. е. больше половины всей добычи угля в стране¹. Это объяснялось не только более высоким качеством угля, но и нежеланием царизма разрабатывать новые месторождения. Правительство предпочитало ввозить недостающий уголь из-за границы, и несмотря на богатейшие месторождения угля, Россия стояла на одном из последних мест в мире (1%) по его добыче².

Добычу угля можно было увеличить путем механизации производственных процессов, но уголь по-прежнему добывался вручную. Все это создавало дополнительные трудности: в результате по истечении арендного срока Пиленко отказался производить дальнейшие разработки и возвратил казне все шахты с постройками.

Одной из причин низкой производительности угольных шахт были хищнические методы добычи. Капиталистов-арендаторов интересовала только прибыль, потребности страны в создании собственной промышленной базы их не волновали.

В начальный период эксплуатации угольных копей причиной низкой производительности была откупная система. Владельцы шахт старались за ко-

¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1956, стр. 159.

² Там же.

роткий откупной срок «выжать» как можно больше прибыли. По этому поводу В. П. Невская писала, что «промышленники, уплатив за откуп незначительную сумму, старались выжать из взятого на откуп объекта как можно больше доходов, чтобы не только покрыть уплаченную сумму, но и получить прибыль. Они не были заинтересованы в нормальной работе предприятия и его дальнейшем росте... Вся задача сводилась к тому, чтобы как можно меньше вложить капиталов в дело и получить как можно больше доходов»¹.

В 1877 г. купец второй гильдии, ставропольский губернский секретарь Утяков изъявил желание эксплуатировать угольные месторождения. Первоначально Кубанская администрация разрешила ему арендовать на 12 лет Хумаринские угольные копи. Эти копи были расположены на аульской земле, поэтому Утяков обязывался платить арендную плату аульчанам в сумме 600 руб. в год.

Кубанская администрация, чтобы избавиться от угольных шахт, создавала Утякову благоприятные условия; она не только разрешила дешево арендовать копи, но и наделила его большим участком земли (50 десятин), хотя горские народы задыхались от безземелья.

Через год Кубанское казачье войско продало тому же Утякову Каракентские и Макарьевские копи в «потомственное владение».

К Каракентским копиям было прирезано 104 десятины земли. Макарьевские копи переходили к Утякову на посессионном праве². Таким образом, к 1878 г. все угольные копи Карачая перешли в руки губернского секретаря Утякова. Однако это не оживило работы на угольных шахтах: добыча угля сократилась.

¹ В. П. Невская. Карачай в пореформенный период, стр. 108.

² ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 1, ед. 1030, л. 35—36. (Указом 1825 г. все фабрики и заводы, получившие от казны пособие, были названы посессионными).

Об этом свидетельствуют следующие данные о годовой добыче (в тыс. пуд.)¹:

1881 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
175	52	52	100	83	118	121	117

Особенно резкое снижение добычи произошло в 1883—1884 гг. В эти годы были закрыты некоторые штольни: в 1883 г. в Каракентской шахте из четырех штолен эксплуатировалась только одна; на Хумаринской копи из десяти штолен действовали только три².

Как и прежние владельцы, Утяков шел по пути хищнической эксплуатации месторождений и стремился, вложив как можно меньше средств, получить максимум доходов. Чтобы не вкладывать больших капиталов в оснащение угольных шахт, арендатор открывал все новые и новые штольни, примитивно разрабатывая только легкодоступные пласты угля.

В 1889 г. Хумаринские угольные копи после окончания срока аренды перешли в ведение Хумаринского аульного общества. Оно не могло своими силами эксплуатировать месторождения и поэтому решило вновь отдать их в аренду. После безуспешных торгов оно было вынуждено оставить Хумаринские угольные копи наследникам Утякова.

По новому договору копи переходили малолетним детям Утякова сроком на пять лет. При этом наследники были обязаны платить арендную плату на 200 руб. меньше, чем в первый период аренды³. При наследниках Утякова добыча угля еще более упала. На Хумаринском угольном месторождении действовали только четыре штольни из десяти, на

¹ По данным архивов и литературных источников.

² ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 1, ед. 5732, л. 121—122.

³ «Отчет о деятельности управления горною частью Кавказского края в 1889 г.», Тифлис, 1890, стр. 152.

Макарьевских копиях — одна из пяти. В Каракентских копиях действовала одна штольня из пяти, в Богословских — одна из трех. Во всех этих штольнях работали всего 19 шахтеров¹. В основном разрабатывались верхние слои, многие штольни были завалены и затоплены.

Наследники Утякова не стремились увеличить добычу угля путем новых капиталовложений. Шахты оставались примитивно оборудованными, совершенно не было механизации. О тяжелых условиях труда и об отсутствии элементарной механизации в Карачаевских угольных шахтах говорится в «Отчете о деятельности управления горною частью Кавказского края» в 1887 г. следующим образом: «незначительная высота выработок обуславливает самый ход работы, ведущийся таким образом, при подобе рабочий ложится на правый бок, на подушку, набитую сеном, почти навзничь и подбивает уголь кайлою справа налево, причем забой освещается сальной свечой в высоком подсвечнике, поставленном на почву выработки. От забоя до откаточной штольни уголь вывозится в вагончиках, вмещающих 5—7 пудов угля. Такой вагончик рабочий захватывает железным крючком за кольцо и тащит ползком за собой»². Во время аренды шахт наследниками Утякова условия не изменились.

В конце 70-х годов XIX в. в Баталпашинском отделе были открыты предприятия, которые потребляли кубанский уголь. Однако чтобы иметь дешевый уголь, предприниматели, с разрешения Кавказской администрации, стали сами разрабатывать новые угольные пласты. Для содового завода, находящегося на Баталпашинских горько-соленых озерах, французским подданным графом Монжене были заложены ряд штолен³, впоследствии перешедших

¹ «Отчет о деятельности управления горною частью Кавказского края в 1889 г.». Тифлис, 1890, стр. 152—153.

² «Отчет о деятельности управления горною частью Кавказского края в 1887 г.» Тифлис, 1888, стр. 127.

³ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 1, ед. 1311, л. 122.

французскому акционерному обществу по разработке каменной соли и натуральной соды в Южной России. Это общество добывало уголь до начала 90-х годов. В конце XIX в. добыча угля резко сокращается во всех шахтах. В 1898 г. было добыто всего 16,2 тыс. пудов угля. Это было связано с дальнейшим интенсивным ввозом донецкого антрацита в города Северного Кавказа. Теперь кубанским углем пользовались только окружающие станицы, аулы, многочисленные кузницы, мельницы и т. д.

Вступление России в эпоху империализма не внесло существенных изменений в развитие угольной промышленности Карачая. Добыча угля оставалась мизерной, а в годы русско-японской войны и первые годы буржуазно-демократической революции угольные шахты вообще не разрабатывались. Добыча угля возобновилась в 1906 г. В последующие годы происходит медленный рост добычи: в 1913 г. она достигла 101 тыс. пудов¹, т. е. была меньше, чем в 1888 г.

Начиная с 1912 г. разработкой угля занялось акционерное общество «Эльбрус». Большие обязательства рудника перед военным министерством требовали быстрее налаживания производства свинца. Покупать уголь у углепромышленников было дорого, поэтому общество стало разрабатывать угольные пласты, находившиеся в непосредственной близости от рудника, в местности Кой-баула. В 1916 г. добыча угля здесь достигла 141 тыс. пудов². Близкое соседство угольных шахт рудника «Эльбрус» с аулами Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук способствовало привлечению местных жителей в угольную промышленность, в основном на подсобные работы.

В годы первой мировой войны добыча угля прогрессирует очень медленно. В 1916 г. всеми шах-

¹ «Отчет Кавказского горного управления за 1913 г.», Тифлис, 1914, стр. 79.

² ЦГИА ГрССР, ф. 264 экз. 1, л. 5328, л. 218.

тами было добыто 221 тыс. пудов угля¹. Как и прежде, в годы первой мировой войны месторождения разрабатывались для удовлетворения потребностей промышленных предприятий и нужд жителей отдела. Уголь, как и раньше, вывозился на арбах и телегах на паровые мельницы, кузницы и для отопления жилых помещений отдела и области.

В годы империалистической войны капиталисты-шахтовладельцы резко повысили цены на уголь. Если перед первой мировой войной пуд угля на шахтах продавался по 10 коп., то в годы войны — по 35 коп.² Таким образом, первая мировая война способствовала обогащению эксплуататоров. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что, несмотря на многочисленные переходы угольных шахт от одного владельца к другому, в дореволюционный период не произошло особых изменений ни в методах добычи, ни в росте производства. Поэтому угольная промышленность на территории Карачая не получила широкого развития.

3. Участие иностранного капитала в эксплуатации горько-соленых озер и попытка разработки залежей огнеупорной глины

Первое предприятие добывающей промышленности возникло на территории Черкесии в конце 70-х г. XIX в. на Баталпашинских соляных озерах (Большое озеро занимало 840 десятин, а Малое — 158).

В 1879 г. по контракту, заключенному на 20 лет Кубанским казачьим войском с бароном Фитингофом, озера были отданы ему в аренду. Он обязывался платить за первые пять лет аренды по 1000 руб. в год, за следующие пять лет по 1500 и за остальные десять лет по 2000 руб. в год³.

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 1, ед. 5328, л. 62.

² «Отчет Кавказского горного управления за 1915 г.». Тифлис, 1916, стр. 114.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 188, л. 78.

После безуспешных попыток наладить эксплуатацию богатств озер Фитингоф передал свои права графу Монжене. Однако, как и его предшественник, он, не имевший опыта капиталистического хозяйствования, передал озера французскому акционерному обществу для разработки каменной соли и натуральной соды в Южной России¹.

Царское правительство поощряло проникновение иностранного капитала в экономику России. Особенно беспрепятственно отдавались в эксплуатацию богатые природные месторождения на окраинах империи. Как бы оправдывая эту политику, Министр финансов И. А. Вишняградский в 1887 г. писал: «При слабом развитии у нас частной предприимчивости и нерешительности, с которой отечественные капиталисты приступают к новым, неукоренившимся еще и потому сопряженным с неизбежным риском и не обещающим верного получения прибылей предприятиям и привлечение к ним иностранных капиталов представляется одним из необходимых условий для развития отечественной промышленности...»²

Такая позиция царского правительства открывала иностранным капиталистам большую возможность для хищнической эксплуатации природных богатств России. Иностранные акционерные общества при малейших затруднениях прекращали свою деятельность и тем самым создавали дальнейшие трудности для развития промышленности в России (Французское акционерное «Общество для разработки каменной соли и натуральной соды в Южной России поступило так же в отношении Баталпашинских горько-соленых озер).

Акционерное общество вначале развернуло большую работу. В 1881 г. было завершено строительство заводских зданий, состоящих из двухэтажных корпусов, соединенных одноэтажным зданием. В первом

¹ ЦГВИА, ф. 330, оп. 70, ед. 61, кор. 4175, л. 2.

² Цит. по кн.: А. Е. Шелелева «Акционерные компании в России». Л., 1973, стр. 127—128.

заводском корпусе была установлена центробежная машина, четыре железных чана для варки соли, три деревянных бочкообразных холодильника и другое необходимое оборудование.

Во втором корпусе была установлена чугунная мельница для размола соли. Там же находилась тара для хранения готового продукта. В одноэтажном здании, соединившем оба корпуса, помещался локомобиль в 8 л. с., приводивший в движение мельницы.

Было построено также здание для получения соли второго сорта, там были установлены паровой котел мощностью 16 л. с. и другое оборудование. Кроме того, были построены дом для водокачки на сваях, кирпичное здание для мастерской и кухни, три каменных здания для хранения соли, 12-комнатный дом и 20 землянок для рабочих и др.¹

Желание предпринимателей путем форсирования строительства за короткий срок получить большие прибыли влияло на качество строительства и монтажа оборудования. Хотя заводские помещения и оборудование были полностью, на первый взгляд, готовы, многочисленные мелкие дефекты не позволяли пустить завод в действие. Серьезные недостатки в оборудовании не давали возможности выпускать среднесуточно 600 пудов: производилось только 75 пудов соли². В процессе варки соли чаны (котлы) приходили в негодность. Железо быстро разъедалось, в котлах образовывались трещины и течи. Рабочие в течение процесса варки соли счищали железными скребками дно и стены чана, чтобы удалить образовавшийся на них осадок. Такая система варки требовала от рабочих огромного внимания и физического напряжения. Они не имели возможности ни на миг отойти от котла. Однако администрация завода, считая, что образование течи в котлах проис-

¹ «Баталнашские горько-соленые озера». Екатеринбург, 1909, стр. 7—12.

² А. Коппин. Исследование Баталнашских горько-соленых озер. МГК, вып. 2, серия 2. Тифлис, 1888, стр. 249.

ходит из-за недобросовестного отношения рабочих к своим обязанностям, создала специальный заводской надзор, который должен был контролировать действия рабочих. Но котлы продолжали течь. Техническое несовершенство устройства и оборудования невозможно было устранить путем грубого подгона рабочих. После безуспешных попыток администрация была вынуждена отказаться от варки глауберовой соли в котлах. Был применен новый метод — приготовление глауберовой соли путем нагревания ее паром. Этот процесс был несложным. Кристаллический осадок соли растворялся в кристаллизационной воде с помощью вдуваемой струи водяного пара, при повышении температуры выше 45°C. Такой метод добычи глауберовой соли на Баталпашинских горько-соленых озерах применялся вплоть до Октябрьской революции.

На первых порах добыча соли осуществлялась двумя путями: путем «выволочки» со дна озер кристаллического осадка; посредством перекачивания рассола из озер в искусственные бассейны и образования в них осадка глауберовой соли.

Первый способ добычи соли был довольно тяжелым и трудоемким. Рабочие входили в озера, погружаясь в воду и грязь, ломали на дне озера куски кирги (соли). Добытая при этом соль была очень грязной и не могла обеспечить заводское производство. Такой примитивный способ позволял добывать соль только у берегов озера, хотя здесь кирги было меньше, чем в середине; кроме того, на эту операцию тратилось много рабочей силы, и она тяжело отражалась на здоровье рабочих.

Чтобы получить больше соли далеко от берегов, общество применило новую систему — «драгаже». Для сборки соли по этой системе на разных участках Большого озера были вбиты сваи. По ним на канатной тяге перемещался плот, куда нагружалась добываемая соль. Однако и такой способ добычи и транспортировки соли имел свои неудобства. Добыча была возможна лишь в том случае, если на

озере было не менее 6 дюймов воды. Иначе не могли плыть плоты с грузом. Соль вынималась с грязью, что требовало дополнительных затрат на очистку. Это поднимало себестоимость соли. Затратив до 25 тыс. руб. на устройство системы «драгаже», французское акционерное общество вынуждено было признать ее непригодной¹.

Добыча соли по второму методу заключалась в том, что из Большого озера соляная вода перекачивалась в бассейны, где после осадки глауберовой соли вода выпускалась. На дне бассейнов оставались совершенно чистые соли. Соль вырубалась и без какой-либо предварительной очистки шла на завод.

Первые четыре бассейна размером 25×15 сажени при глубине 0,75 сажени были устроены в 1882 г. По теоретическим расчетам в следующем году в бассейнах должно было осесть 300 тыс. пудов, однако было получено только 50 тыс. Для того чтобы получить достаточное количество соли, были устроены еще четыре новых бассейна в 1,5 раза больше объемом, чем первые².

Все бассейны заполнялись в течение 1,5 месяца насосом в 16 л. с. Самым удобным временем для заполнения бассейнов был июль, когда концентрация рассола достигала максимума. Сборка соли в бассейнах начиналась с февраля, после спуска маточного раствора³. Соль вырубалась кирками, ломанами и отбрасывалась в сторону, где складывалась в треугольные формы. После двух-трехмесячной сушки на открытом воздухе она превращалась в снежно-белый порошок. Такой способ добычи глауберовой соли из озер обходился обществу всего 1,5 коп. за пуд, причем соль получалась чистой.

¹ А. Кошшии. Указ. ст., стр. 237.

² Глауберовая соль Баталпашиинских озер. «Вестник финансов, промышленности и торговли», т. 1, № 8. СПб., 1889, стр. 594.

³ «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», т. 32. СПб., 1901, стр. 41.

В течение зимы 1885—1886 г. в бассейнах осело до 800 тыс. пудов кирги. В 1887 г. общество имело в запасе 1 млн. 300 тыс. пудов сырья¹.

Гауберова соль с содержанием воды (кирга) применялась весьма ограниченно: для корма скота и в фармакологии.

Безводная глауберова соль (ангидрид) применялась для изготовления едкой и углекислой соды по способу Ле Блана, а также для приготовления стекла разных сортов и зеркал. Безводная глауберова соль, полученная на местном заводе, по свидетельству Коншина, обладала прекрасными качествами и превосходила заграничную².

Приготовленная соль сбывалась на рынках Ростова, Харькова и Москвы. В первых двух городах соль использовалась для приготовления всевозможных сортов стекла, а в Москве — для производства зеркального стекла. Непереработанная соль продавалась жителям соседних станиц и аулов. Ранее они пользовались солью бесплатно, а теперь покупали 40 пудов грязной соли за 50 коп. И эта операция позволяла арендатору без каких-либо затрат получать большие прибыли³.

Наладив производство, французское акционерное общество получало от эксплуатации Баталпашинских горько-соленых озер огромные барыши. За приготовление одного пуда готовой продукции рабочему платили всего 8 коп. — $\frac{1}{6}$ себестоимости продукции⁴.

За каторжный труд в самые длинные дни года рабочий в месяц получал до 25 руб., а в остальное время — до 10—12 руб. в месяц на «хозяйских харчах». Рабочие, не выдерживая тяжелого труда, часто уходили с промыслов. Показателем жестокой эксплуатации служат такие данные: работу 15 чернорабо-

¹ А. Коншин. Указ. ст., стр. 239.

² Там же, стр. 252.

³ «Врач», 1904. № 4, стр. 101.

⁴ А. Коншин. Указ. ст., стр. 254.

чих и 2 машинистов контролировали 2 приказчика, т. е. 8 рабочих подгонялись одним приказчиком¹.

Развитие капитализма в России сопровождалось проникновением иностранной продукции на ее рынки. В конце 80-х годов начинает, в частности, ввозиться дешевая соль из Германии; спрос на баталпашинскую соль падает. Кроме того, появляются конкурирующие предприятия и в России: организуется добыча соли в Карабугазском заливе, где залежи по своему качеству и мощности далеко превосходили баталпашинские. Доходность разработки запасов глауберовой соли в озерах падает. Не получая ожидаемых выгод, французское акционерное общество в 1891 г. расторгло контракт². Озера со всем находившимся при них имуществом перешли в собственность Кубанского казачьего войска.

В течение многих лет Кубанская казачья администрация не находила арендатора, который мог бы эксплуатировать озера. Лишь в начале 1898 г. озера были отданы Колосову, который, не возобновляя работы на озерах, в конце года передал свои права Ступину³. Новый владелец озер не спешил наладить производство глауберовой соли. Он ждал подходящего момента для получения больших прибылей. Однако казачья администрация требовала арендную плату, и после долгих судебных разбирательств озера были возвращены казне.

В начале XX в. администрация Кубанского Казачьего войска несколько раз пыталась отдать озера в аренду. Однако на неоднократно назначавшиеся торги никто не являлся. Только в 1904 г. озера были арендованы купцом первой гильдии Малышевым на период до 1 октября 1918 г.; арендная плата составляла 700 руб. в год⁴. Арендатор взялся за дело с

¹ А. Кошкин. Указ ст., стр. 254.

² «Горные богатства Кубанской области». Екатеринодаз, 1909, стр. 17.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 18.

большим размахом. Добываемая соль шла на Кавказский стеклянный завод при станции Минеральные Воды, отправлялась, как и прежде, в Харьков и Москву. Часть добытой соли (до 100 вагонов) Малышев ежегодно отправлял на Мальцевские заводы в Брянск Орловской губернии¹.

Несмотря на огромные запасы глауберовой соли, работа шла медленно, рост продукции был минимальным. За шесть лет добыча соли росла в среднем на 3 тыс. пудов в год: в 1905 г. добывалось 20 тыс., а в 1910 г. — 30 тыс. пудов². Столь небольшие масштабы производства глауберовой соли объяснялись прежде всего отсутствием удобных шоссейных дорог и транспорта. Отдаленность озер от железной дороги удорожала себестоимость продукции: перевозка одного пуда соли гужом до станции Невинномысской стоила 5 коп.

Кроме того, предприниматели, желая за короткий срок получить больше прибыли, эксплуатировали богатства хищнически. Залежи разрабатывались неравномерно: интенсивные работы велись только на самых богатых месторождениях, остальным внимания не уделялось. Такой метод добычи соли через определенное время приводил к остановке производства.

Даже в начале XX в., когда техника шагнула далеко вперед, заводское оборудование оставалось примитивным (кайло, лом, носилки и т. п.). Все это увеличивало себестоимость продукции и снижало ее конкурентоспособность, а в итоге мешало дальнейшему развитию соляного производства в отделе.

С конца первого десятилетия XX в. в связи с развитием химической промышленности в России увеличился спрос на глауберову соль. Начинает оживляться и работа Баталпашинских промыслов.

¹ Баталпашинские горько-соленые озера. «Бюллетень Тифлисского общества любителей природы», 1913, № 1, стр. 64.

² «Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области за 1910 г.». Екатеринодар, 1911, стр. 54.

В 1911 г. приступило к работе в качестве субарендатора товарищество «Кубань», которое в 1912 г. построило завод по производству сульфата у Большого озера и отпиривляло свою продукцию в Брянск¹. Этот маленький завод, на котором было всего 15 рабочих, готовил обезвоженную соль для Мальцевских заводов.

Дальнейшее развитие соляного дела зависело от степени уверенности предпринимателей в получении больших прибылей на вложенный капитал. В 1912 г. Малышев ходатайствовал перед правлением Кубанского казачьего войска о продлении срока аренды до 1 сентября 1932 г., ссылаясь увеличить арендную плату до 2500 руб. Конкурентами Малышева выступили торговый дом «Шокин и К^о», субарендатор горько-соленых озер — содовый завод товарищества «Кубань»².

Борьба между ними была весьма острой. Правление казачьего войска вначале не могло решить спор между конкурентами. После долгих колебаний Войсковой совет казачьих войск разрешил кавказскому начальству оставить Баталпашинские озера купцу Малышеву без торгов.

Получив озера в аренду на длительный срок, Малышев в 1914 г. построил новый завод производительностью до 1000 пудов соли в сутки. Но после этого Малышев перестал форсировать увеличение добычи. Он обратился к властям с ходатайством о снижении тарифов за провоз соли по железной дороге на любое расстояние. Просьбу свою он аргументировал тем, что чрезмерно высокая плата за перевозку увеличивает себестоимость соли. В это время, несмотря на расширение импорта глауберовой соли в Россию, спрос на нее был большим: в 1910 г., например, на рынках России было продано 191 тыс. пудов. Пуд соли в Москве продавался по 62—63 коп.

¹ «Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области за 1912 г.». Екатеринодар, 1913, стр. 41.

² «Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области за 1912 г.». Екатеринодар, 1913, стр. 41.

А соль, доставляемая из Баталпашинских озер, имела себестоимость 69,5 коп., т. е. превышала рыночную на 6—7 коп.¹ Просьба арендатора не была удовлетворена, и ему пришлось добывать глауберову соль на прежних условиях. Убытки возмещались усилением эксплуатации рабочих. Им приходилось работать, погружаясь в воду, не только летом, но и зимой, получая при этом минимальную заработную плату. Жили рабочие в землянках. Тяжелые условия труда, штрафы, даже физическое насилие над рабочими были обыденным явлением. Численность рабочих, непосредственно занятых добычей соли, колебалась от 40 до 50 человек. Много рабочих было занято на подвозке глауберовой соли: временами их число достигало 400 человек — иногородние из станиц, абазинцы, карачаевцы, черкесы и погайцы из близлежащих аулов. Возили глауберову соль на ст. Невинномысскую и в Минеральные Воды на арбах. За изнурительно длинный путь с несколькими ночевками рабочие получали ничтожно малую оплату².

Баталпашинская глауберова соль использовалась в промышленности, а грязи озер — в медицинских целях. В 1904 г. журнал «Врач» писал о баталпашинских грязях: «Грязь Баталпашинских озер по ее качествам превосходит известную всем лечущуюся на минеральных водах Пятигорья. Баталпашинские грязи по своим лечебным качествам уступают только грязям в лимане Хаджибейском и озер Чокракского, Сакского»³.

Лечебные свойства баталпашинских грязей были давно известны местному населению, которое пользовалось ими для лечения простудных заболеваний. Больные обмазывали себя слоем грязи, доставленной со дна озера, температура которой достигала

¹ «Труды Кубанского отделения русского технического общества», вып. 1. Екатеринодар, 1914, стр. 18.

² П. Я. Федоров. Природные богатства Северного Кавказа и их использование. Пятигорск, 1935, стр. 83.

³ «Врач», 1904, № 4, стр. 102.

40°C и более¹. Но такое лечение приводило к осложнениям. В 1899 г., по ходатайству Баталпашинского войскового врача Попова, было возбуждено ходатайство об открытии при Баталпашинской больнице грязелечебницы. Под грязелечебницу было выделено здание аптеки. Первоначально были устроены четыре ванны, а в последующие годы их стало 12. Грязелечебницей пользовались как стационарно, так и амбулаторно. Лечение больных баталпашинскими грязями давало положительные результаты. Согласно отчетным данным, за 14 лет (1900—1914 гг.) услугами лечебницы воспользовались 1034 больных, из них выздоровление и облегчение получили 877 человек, т. е. более 77% всех больных².

Природные богатства территории нынешней Карачаево-Черкесской автономной области не ограничивались углем и солью. Близ станции Красногорской, на правом берегу Кубани, были обнаружены богатые залежи огнеупорной глины. Земли, где залегали огнеупорные глины, принадлежали Кубанскому казачьему войску. Его попытки сдать красногорские месторождения огнеупорной глины в аренду капиталистам долгое время не имели успеха.

Красногорские глины по качеству не уступали разрабатывавшимся в то время в России огнеупорным глинам. Лабораторные исследования показали, что из этой глины можно получать каолин для приготовления высших сортов фарфора, а также кафеля, изразцов, фриз и огнеупорного кирпича³.

После ряда публикаций сведений о красногорской огнеупорной глине ее высокие качества стали известны промышленникам. Учитывая большое практическое значение глины, капиталист Леман в 1899 г. заключил договор об аренде с Кубанским казачьим войском. Согласно договору Красногор-

¹ Г. С. Демьянов. Баталпашинские минеральные грязи. Баталпашинск, 1915, стр. 5.

² Г. С. Демьянов. Баталпашинские минеральные грязи. Баталпашинск, 1915, стр. 14.

³ «Кубанский сборник», 1910, т. 15, стр. 483.

ские месторождения отдавались Леману в аренду на 19 лет, по 24 июля 1918 г. При этом он обязывался добывать в год 200 куб. сажень огнеупорной глины и платить за каждую кубическую сажень по 10 коп.¹ Кроме месторождений огнеупорной глины, казачье войско прирезало ему 18 десятин земли в районе станции Красногорской.

В таких условиях Леман начал разрабатывать месторождения огнеупорной глины. Однако через несколько лет он передал красногорские огнеупорные глины товариществу «Атлас», которое с большими перерывами разрабатывало залежи до Великой Октябрьской революции, реализуя добытую глину в Баку². Добыча производилась в небольшом количестве, примитивным способом, нерегулярно. Такое состояние добычи было связано с дороговизной транспортировки глины.

Красногорская огнеупорная глина находила применение и в местной промышленности. Кирпичные заводы и заводы по выработке глауберовой соли на Баталашинских горько-соленых озерах, а также рудник «Эльбрус» пользовались огнеупорной глиной из Красногорска. Значительная часть ее вывозилась местными жителями на железнодорожную станцию Невинномысская. Однако в целом спрос был невелик. Это обстоятельство, а также дороговизна перевозки, примитивные способы добычи определили минимальную эксплуатацию залежей.

В начале XX в. в Джегутинском ущелье началась разработка строительного камня на промышленной основе. Он применялся в местном строительстве и вывозился в города кавказских Минеральных Вод. Хотя открытие каменоломни не имело широкого значения, оно способствовало привлечению местных жителей на это производство. Таким образом, ог-

¹ «Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горной части Кубанского областного управления за 1910 г.». Екатеринбург, 1911, стр. 53.

² «Отчет Нач. Кубанской области за 1904 г.». Екатеринбург, 1905, стр. 133.

ромные природные богатства, имевшиеся на территории Карачая и Черкесии, до Великой Октябрьской социалистической революции разрабатывались не в полную меру. Отсталые горнодобывающие предприятия производили мало продукции, недра эксплуатировались хищнически, без применения новой для того времени техники. Природные богатства использовались не в интересах народа и страны, а в интересах кучки владельцев.

Успешному развитию промышленных предприятий Карачая и Черкесии мешали отсталые производственные отношения и слабое развитие там капитализма.

Но несмотря ни на что, капиталистическое развитие втянуло в свою орбиту и хозяйства Карачая и Черкесии. Со второй половины XIX в. здесь возникли такие промышленные очаги, как угольные шахты, завод по выработке глауберовой соли, разработка огнеупорных глин и серебро-свинцовый рудник «Эльбрус». Создание этих промышленных предприятий имело важное значение и для экономики Карачая и Черкесии, и для формирования рабочего класса из коренных народностей. Разработка угля, глауберовой соли, огнеупорной глины, свинца и цинка способствовала более тесному общению русского рабочего класса с местным населением. Трудовое горское крестьянство не только воочию видело подневольный труд русских рабочих, но и само становилось объектом жестокой капиталистической эксплуатации. Горцы были главным образом подсобными рабочими. Местные жители на своих арбах вывозили продукцию добывающей промышленности в города Северного Кавказа: Екатеринодар, Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Георгиевск и др. Тесное общение с русскими рабочими способствовало формированию пролетарской психологии. Традиционно знавшие лишь скотоводство и земледелие, горцы, постепенно приобщаясь к промышленному производству, проходили школу классовой борьбы.

Развитие капиталистических отношений в Карачае и Черкесии приводило к расслоению крестьянства. Чтобы прокормить семью, бедняки шли на фабрики и заводы, шахты и рудники. Выделились первые капиталисты-промышленники и среди горцев.

Одним из характерных представителей нарождающейся горской буржуазии был житель с. Георгиевско-Осетинского Темболат Кулаев. Обладая значительным капиталом, он приобрел угольные шахты и большой участок земли между Каракентом и Георгиевско-Осетинским. Став крупным собственником, он нещадно эксплуатировал шахтеров. За жестокое отношение, за отказ платить заработную плату рабочие не раз выступали против него, требуя улучшения их экономического положения и своевременной оплаты труда.

Нередко экономические требования перерастали в политические. В 1915 г. администратор Кулаева выстрелом из пистолета ранил шахтера Ф. Баранника, который, обратившись к рабочим со словами: «Идите, товарищи, уже настало время», — призывал на борьбу с хозяевами¹.

Таким образом, первые предприятия добывающей промышленности, хотя не превратились в крупные промышленные заведения, имели огромное значение в жизни коренного населения Карачая и Черкесии. Они были первыми очагами, где горское крестьянство, приобщаясь к общественному производству под руководством русского рабочего класса, стало познавать закономерности исторического развития.

¹ «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I. Ставрополь, 1967. стр. 543.

Г Л А В А 2

ЗАРОЖДЕНИЕ КРУПНОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В КАРАЧАЕ

1. Борьба за право эксплуатации серебро-свинцовых месторождений в верховьях Кубани и создание акционерного общества «Эльбрус»

ОДНИМ из наиболее крупных предприятий добывающей промышленности был рудник «Эльбрус». Возникновение этого предприятия в горных теснинах Карачая имело большое прогрессивное значение: способствовало формированию национального отряда рабочего класса, из карачаевцев, осетин и других народностей, приобщило их к великой русской культуре. Трудящиеся Карачая и Черкесии впервые непосредственно познакомились с русским рабочим классом, рабочими традициями, рабочей идеологией и революционной борьбой.

Эксплуатация серебро-свинцовых месторождений Карачая, в частности Кубано-Худесского участка, по свидетельству известного геолога П. Барбот-де-Марни, производилась в отдаленной древности, и в доисторические времена¹. Исследуя месторождения, он обнаружил следы древних разработок. Ученый писал: «...во многих местах на так называемом Кубано-Худесском рудном участке можно и теперь видеть древние неправильного вида и неглубокие выработ-

¹ П. Барбот-де-Марни. Карачаевские серебро-свинцовые месторождения в Кубанской области. МГК, сер. 2, кн. IX. Тифлис, 1895.

ки, заложенные на выходах рудных жил. При расчистке, в них были находимы, в массе отвалов, содержащих куски оставленной бедной руды, многочисленные каменные топоры и обломки глиняной посуды. Горные работы производились, по-видимому, огненным способом, так как стены выработок всюду несут следы обжига их, после которого уже и производилась отбивка растрескавшейся породы с помощью каменных топоров»¹. По мнению автора, непосредственная плавка производилась не на месте добычи руды, а где-то в стороне. К такому выводу он приходит, не обнаружив вокруг рудных жил шлаков и следов плавки.

Другой автор, О. Карапетян, указывает, что «карачаевский серебро-свинцовый рудник, находящийся в Баталпашинском отделе, разрабатывался также в очень древние времена, доказательством этому служат старинные раскопки... Давным-давно сюда приходили полудикие народы и каменными молотками откалывали куски руды, выплавляли в особо приготовленных глиняных горшках и уносили с собой добытый металл. Каменные молотки и осколки глиняных горшков до сих пор находят в этих разработках. С тех пор прошли века, богатства, даруемые человеку природой, были преданы забвению и никто даже не подозревал, что в этих местах хранятся ископаемые сокровища»².

В результате разведок во многих месторождениях были обнаружены следы древних разработок. После расчистки древней разработки в балке Тохтаул-Чалган были найдены следы эксплуатации месторождения в далеком прошлом с помощью огня. Древние разработки сохранились и в балке Орта-кулак, где обнаружена штольня длиной в 3,5 сажени со следами копоти от огня, с помощью которого велась добыча металла. По мнению инженера Д. А. Кондратьева, разработки были заброшены

¹ Н. Барбот-де-Мари. Указ. ст., стр. 177—178.

² О. Карапетян. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. «Кавказский вестник», 1901, стр. 100.

не из-за бедности недр, а вследствие отсутствия необходимой вентиляции в длинной штольне: «огненная работа» там шла безуспешно.

Древние жители использовали в этих местностях также меднорудные месторождения. Инженер Кондратьев обнаружил между Карт-Джуртом и Дуутом «два пункта, где существовали некогда горны, один на склоне к Дууту, другой на узкой вершине водораздельного хребта между Кубанью и Дуутом»¹. Плавка меди велась и в балке Багыр-кулак (покарачаевски — «медное ущелье»), где были найдены 3 медные жилы. Там существовали штольни от трех до десяти аршин длиной². Инженер Кондратьев не обнаружил медных разработок в других местах и сделал вывод, что в древности медь добывалась в незначительном количестве.

Многие авторы, признавая, что природные богатства Карачая и Черкесии были известны еще в глубокой древности, ошибочно утверждают, что их вновь открыла только в конце 20-х годов XIX в. по счастливой случайности экспедиция генерала Емануеля. Такое утверждение не выдерживает критики. Еще до официального объявления в России о месторождении серебро-свинцовых руд в Карачае, эти месторождения были известны местному населению и эксплуатировались примитивным способом. По этому поводу рудопромышленник С. Чекалин сообщал, что «свинец Урусов с другими добывал прежде и ныне добывает в кузнях, продает металл»³.

После экспедиции Емануеля серебро-свинцовые месторождения Карачая стали известны в России. В тех условиях даже при огромном желании ни один предприниматель не мог взяться за разработку месторождения. Это было связано с тем, что месторождения находились глубоко в горах, где до конца

¹ Д. А. Кондратьев. Месторождения серебро-свинцовых медных руд на Кавказе, в Карачае. «Горный журнал», 1892, т. III, стр. 295.

² Там же, стр. 296.

³ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 1, ед. 144, стр. 33.

60-годов не было даже колесной дороги. Тем не менее известие о богатых месторождениях серебро-свинцовых руд не оставило равнодушными многих предпринимателей.

Рудные месторождения Верхней Кубани привлекли особое внимание после постройки колесной дороги между станцией Баталпашинской и Большим Карачаем. Этому способствовали отмена крепостного права и начало бурного развития капитализма в России. Началось массовое предпринимательство, аренда различных месторождений, в частности на Кавказе.

Одним из первых обратил внимание на карачаевские месторождения серебро-свинцовых руд подпоручик С. Чекалин. В 1861 г. для детального обследования местонахождения серебро-свинцовых руд он послал в Карачай К. Шам-Оглы. Обнаружив месторождения в Карачае, Шам-Оглы сообщил в управление горной частью на Кавказе и Закавказье: «в Карачае, в верстах 80-ти от Кисловодска, я нашел верные признаки серебряной руды на пустопорожней казенной земле, никакому заводу не принадлежащей»¹. Далее он извещал, что взял для исследования образец руд. Убедившись, что промышленная разработка серебро-свинцовых руд возможна, Шам-Оглы обратился к местному начальству с прошением разрешить ему и подпоручику Чекалину в товариществе вести разработки. Образцы серебро-свинцовых руд им были доставлены в Тифлис. В Главном управлении горной частью на Кавказе и Закавказье было проведено исследование образцов на содержание благородных металлов. Произведенная сухим путем проба показала, что в одном пуде руды имеется 18,6 фунта свинца и 4,9 золотника серебра.² После этого Шам-Оглы было официально разрешено вести «исследования открытого им в Карачае месторождения серебро-свинцовых руд с доз-

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 1, ед. 144, л. 1.

² ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 1, ед. 144, л. 4.

волеишем вести розыск вообще разных руд на казенных землях в Кубанской области»¹.

В специальном отношении наместника Кавказа командующему казачьим войском Кубанской области предписывалось покровительствовать рудопромышленнику К. Шам-Оглы в его промышленной деятельности. Изыскательские работы должны были контролироваться приставом верхне-кубанских народов капитаном Англинцовым². Товарищество К. Шам-Оглы и С. Чекалина начало обследовать рудосытный район. Однако, приступив к изыскательским работам, Шам-Оглы наткнулся на непредвиденные трудности. Оказалось, что земли, где были обнаружены серебро-свинцовые месторождения, принадлежали карачаевцу Урусову. В результате рудопромышленник должен был прекратить работу. Выяснение истинного хозяина земель затянулось. Местная администрация не могла конкретно установить, кому принадлежат земли: казне или Урусову. Поэтому через год начальник штаба войск Кубанской области информировал управляющего горной частью на Кавказе о том, что месторождения находятся не на казенной земле, а на земле жителя аула Учкулан — Урусова. Сообщая это, он заявлял, что «если руда и оказалась достойною разработки, то заявившим ее лицам не представляется возможным отвести в Карачае достаточного количества для операции земли и леса, так как в этом крае каждый шаг земли в счету»³. Теперь месторождениями заинтересовались местные власти.

Наказной атаман Кубанской области направил горного инженера Пиленко обследовать месторождения в Карачае. Пиленко пришел к следующему выводу; залежи «так незначительны, что они не могут служить основанием при устройстве среднего завода»⁴. По его мнению, земля, где были обнаружены

¹ ЦГИА ГрСССР, ф. 264, оп. 1, ед. 144, л. 5.

² Там же, л. 7.

³ ЦГИА ГрСССР, ф. 264, оп. 1, ед. 144, л. 24.

⁴ Там же, л. 25.

залежи руды, принадлежала не казне, а Урусову, а леса — всему Карачаевскому обществу. В результате начальство Кубанской области запретило К. Шам-Оглы и С. Чекалину производить изыскания на этих землях. Рудопромышленное товарищество отказалось выполнить решение атамана Кубанского казачьего войска. С. Чекалин обратился к управляющему горной частью на Кавказе и Закавказье с прошением разрешить ему в дальнейшем вести изыскания или взыскать с Урусова причиненный ущерб. Свои требования он подкрепил тем, что земля, где находятся полезные ископаемые, принадлежит «дезертиру Урусову». Ложные аргументы сводились к версии о том, что Урусов когда-то был русским солдатом и дезертировал из армии. Найдя убежище в горных ущельях Карачая, он скрылся от наказания и стал карачаевцем, основав фамилию Урусовых. Чекалин требовал расследования прав Урусова на владение землей в Карачае.

Борьба за владение богатыми месторождениями Карачая шла долго и упорно. Хотя Кавказская администрация в 1861 г. и отдала на посессионном праве недра Карачая рудопромышленнику С. Чекалину, она была вынуждена отказаться от своего первого решения. Это объяснялось тем, что царское правительство на первых порах не желало противопоставить целому обществу, которое считало эти земли своим достоянием, рудопромышленника С. Чекалина. С другой стороны, согласно прокламации графа Евдокимова (1861 г.), все земли, в те времена занятые карачаевцами, считались собственностью карачаевского народа. Все это заставляло начальника штаба войск Кубанской области сообщить в Управление горною частью на Кавказе и Закавказье, что «месторождения серебро-свинцовых руд действительно принадлежат карачаевцам и составляют их общественную собственность»¹.

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 1, ед. 144, л. 35.

Царское правительство, чтобы обмануть карачаевский народ, лицемерно заявило, что земли принадлежат целому обществу, что рудопромышленники могут распоряжаться ею только с разрешения Карачаевского общества, выплачивая определенное вознаграждение. Однако на практике происходило другое. Местные власти долгое время не могли определить, сколько десятин необходимо отвести для сдачи в аренду. Для полного обследования рудоносных жил и определения количества десятин, отдаваемых в аренду, была создана специальная комиссия. В нее вошли горный инженер Пиленко и представители рудопромышленника С. Чекалина. Однако обследование и отвод рудоносных земель не производились из-за отсутствия представителей Чекалина. Отвод земель под организацию промышленного предприятия так и не состоялся. Вопрос о принадлежности земли, в недрах которой хранятся огромные природные богатства, долгое время был поводом для ожесточенных споров. Только в 1885 г. Кавказская администрация официально заявила, что карачаевские земли отводиться не будут. В чем крылась причина «ревностной» охраны царской администрацией карачаевских земель от посягательства промышленников?

Во-первых, как уже отмечалось выше, согласно прокламации графа Евдокимова, все земли, где в те годы жили и которыми пользовались карачаевцы, считались собственностью карачаевского общества. Но расплывчатая формулировка этого документа давала возможность толковать его содержание по-разному. В результате долгие годы вопрос о принадлежности земель карачаевскому обществу не находил окончательного решения. Но главной причиной было то, что царское правительство и феодално-казачья система не желали в глухих ущельях Кавказа иметь рабочий класс с его передовыми взглядами, не желали приобщать горцев к великой русской культуре. Царскому правительству было

выгоднее держать горские народы в темноте и невежестве, чтобы легче ими управлять.

С 70-х годов XIX в. в связи со строительством Владикавказской железной дороги интерес к естественным богатствам Северного Кавказа вырос. Купцы, дворяне, офицеры лихорадочно искали эти богатства. На Кавказ хлынула масса предпринимателей, желающих разбогатеть. Так появилась некая госпожа Е. М. Соломон, которая предъявила свои права на некоторые участки серебро-свинцовых месторождений Карачая. За ней появились и другие «хозяева». Они успели захватить рудоносные жилы и даже дать им свои названия.

В газетах и журналах сообщалось о все новых открытиях природных богатств на Северном Кавказе. Так, газеты «Кавказ» (Тифлис) и «Новое время» (Петербург) в 1888 г. печатали статьи об открытии новых месторождений серебро-свинцовой руды в Карачае. Газета «Горнозаводской листок» первого августа 1888 г. писала о богатых месторождениях Карачая, сообщала местонахождение рудоносных жил. Перечисляя открытые месторождения, автор статьи утверждал, что они составляют, вероятно, 1/10, а быть может 1/100 части всех месторождений¹. Из этой же статьи мы узнаем, что дворянка Соломон успела заарендовать месторождения серебро-свинцового блеска, находящиеся в урочище Индыш, и что она думает начать там добычу руды.

Аналогичные сведения появились и в официальных изданиях. В «Отчете о деятельности управления горною частью Кавказского края за 1888 г.» указывалось, что госпожа Соломон взяла в аренду значительный участок земли в верховьях Кубани, в Карачае, с целью разрабатывать серебро-свинцовые месторождения. Из этого же документа видно, что для подробного обследования месторождений образовано товарищество во главе с горным инженером

¹ С. Н. Сучков. Месторождения серебро-свинцовой руды на Кавказе. «Горнозаводской листок», 1888, № 15

Томашевским, который заключил договор об аренде месторождений¹. Однако все это оказалось лишь своеобразной рекламой.

Производить добычу руды в те времена было невозможно, ввиду того что чуть ли не каждая рудопосная жила принадлежала разным лицам, которые считались (даже имели свидетельство) открывателями этих месторождений. Началась борьба между «первооткрывателями». К 1888 г. у пяти лиц имелось более 25 заявок: у петербургского купца первой гильдии Е. В. Остолопа, петербургского доктора медицины Н. Экка и его жены, губернского секретаря П. П. Меркулова и дочери некоего майора Л. В. Горленко². Каждый из них не хотел уступить месторождение другому.

Захвату богатых недр Карачая в конце XIX в. способствовала и позиция некоторых чиновников Управления государственных имуществ Кубанской области и Черноморского округа. В отношении, адресованном Управлению горною частью на Кавказе, указывалось, что принадлежность указанных земель карачаевскому обществу «не заслуживает никакого уважения», что карачаевское общество следует рассматривать как общество государственных крестьян, не получившее установленного надела³. Такая позиция гарантировала право захватчиков, получивших заявки, считать себя собственниками «открытых» ими серебро-свинцовых жил.

Чтобы выяснить принадлежность этих земель карачаевцам, Управление горною частью вновь в официальном письме обратилось к Управлению государственных имуществ Кубанской области и Черноморского округа, а впоследствии к уполномоченному Министерства государственных имуществ на Кавказе тайному советнику Тихееву с просьбой разрешить вопрос, кому в действительности принад-

¹ «Отчет о деятельности Управления горною частью Кавказского края в 1888 г.». Тифлис, 1889, стр. 91.

² ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 59.

³ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 5.

лежит земля, на которой Томашевский по договору с карачаевским обществом приступил к разведке серебро-свинцовых руд.

Уже в 1889 г. Тихеев «не встретил препятствия дозволению Томашевскому производить разведочные работы при условии обязательства его стороны не иметь к казне никаких претензий в том случае, если он на исследованных им месторождениях не получит рудных отводов»¹. Министерство государственных имуществ, разрешая вести разработки, земельный вопрос оставляя открытым. Иначе оно не могло поступить. Имея в виду такой документ, как прокламация Евдокимова, формально невозможно было лишить карачаевцев занимаемой ими земли. С другой стороны, Министерство государственных имуществ считало, что вопрос о принадлежности недр карачаевских земель карачаевскому обществу еще не решен.

Так как новые, капиталистические производственные отношения властно проникали во все сферы жизни и горцев, и казаков, стало невозможно препятствовать зарождению промышленности в отделе. Поэтому было официально разрешено вести промышленную разработку серебро-свинцовых руд. После этого В. В. Томашевский обратился в Управление горною частью на Кавказе с прошением выдать ему свидетельство на производство горных работ в карачаевских землях. Он дал обязательство, что если земли окажутся принадлежащими казне и казна не отведет землю ему для разработки, то он не предъявит никаких претензий². В 1889 г. Томашевскому было выдано свидетельство с разрешением производить «разведочные работы серебро-свинцовых руд, залегающих в заарендованных землях, в течение одного года»³.

¹ «Отчет о деятельности Управления горною частью Кавказского края в 1889 г.». Тифлис, 1889, стр. 144; ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 50.

³ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 12.

² Там же, стр. 14.

Годом раньше он заключил арендный договор с Карачаевским обществом, предварительно скупив все заявки на разработку определенных рудных жил у многочисленных предпринимателей. Для заключения этого договора еще в 1887 г. в каждом карачаевском селении были выбраны по два представителя, уполномоченные 9 карачаевских аулов. От имени карачаевского народа 21 июля 1888 г. они заключили с отставным поручиком Томашевским договор, по которому он получал право вести на общественных землях изыскания и добычу свинцовых руд¹. Ему разрешалось строить заводы и разного рода сооружения для добычи и переработки руды, пользоваться строительными материалами — углем и общественным лесом. Для этого был выделен участок в местности Минги-кёпюр на притоке Индыша. За строительный лес Томашевский платил по особому соглашению. За пользование каменным углем он был обязан платить ежегодно по 1000 рублей. Количество каменного угля не ограничивалось. Другими строительными материалами Томашевский мог пользоваться бесплатно.

Он наделялся правом проводить дороги, строить мосты, плотины, пользоваться источниками воды на арендуемой земле для промышленных целей. Строить дома и сооружения для других целей не разрешалось. При строительстве заводов и разных сооружений нельзя было занимать существующие дороги, сенокосные и общественные угодья. В необходимых случаях Томашевский обязан был проложить другую дорогу и заплатить обществу одновременно по обоюдному соглашению.

После окончания срока аренды все постройки и сооружения, рудники должны были остаться обществу.

Карачаевское общество обязывалось в течение 24 лет, начиная с года подписания договора, не сда-

¹ Текст договора см.: ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, лл. 89—93.

вать недр другим лицам для добычи свинца, если даже эти месторождения будут открыты ими и заявлены в течение первых 8 лет аренды.

Арендатору разрешалось без согласия карачаевского общества принимать к себе товарищей, компаньонов, передавать договор без всяких изменений другому лицу.

За проведение разведок, изыскание и разработку свинцовых руд Томашевский обязывался уплатить карачаевскому обществу 3 тыс. руб. при подписании договора и по 10 тыс. руб. за аренду ежегодно со дня начала разработки руд.

За количество свинца, превышающее 200 тыс. пудов, арендатор должен был платить кроме 10 тыс. руб. еще по 4,5 коп. за пуд. Серебро, входившее в свинцовые руды, в количестве не более 10 золотников на пуд руды, оставалось Томашевскому, а если доля серебра была больше, то цена пуда руды должна была устанавливаться по соглашению с обществом.

Арендатору разрешалось производить разведки и изыскания в течение двух лет и четырех месяцев со дня подписания договора. При нежелании производить разработки арендатор имел право расторгнуть договор без всяких неустоек. Арендную плату Томашевский должен был платить с дня начала заводского производства.

Томашевскому запрещалось строить заводы на территории аулов, открывать питейные заведения, держать свиней. Но он имел право разрабатывать природные богатства на территории всех аулов Большого Карачая.

В обязанность арендатора входил ремонт половины дороги от Хумаринского укрепления до крайнего пункта добычи руды.

Арендные деньги Томашевский должен был вносить за три месяца до истечения срока платежа общекарачаевскому казначею или лицу, выбранному для этих целей. Для обеспечения неустойки при производстве первой арендной платы, он обязан был

внести по указанию общества залог в размере 40 тыс. руб. любимыми государственными процентными бумагами или ценностями. При этом он имел право получать купоны, срок которых истек, и проценты в любое время. За сохранность залога отвечали все жители карачаевских аулов «круговою друг за друга порукой»¹.

При нарушении какого-либо пункта договора виновная сторона была обязана платить неустойку в 40 тыс. руб., а арендатор (если была его вина) кроме этого обязывался снести все постройки. Томашевский имел право производить любые операции, связанные с рудными богатствами от имени жителей Карачая.

В случае объявления земель казенными карачаевское общество не должно было возвращать Томашевскому полученные от него 3 тыс. рублей.

Томашевскому не разрешалось производить разведку и искать другие руды, кроме свинца. Промышленную переработку их могло разрешить только карачаевское общество. Для разведки и изысканий этих руд общество могло привлечь других арендаторов.

Согласно договору земли, где имелись природные богатства, отдавались Томашевскому на 8 лет. Ему разрешалось после истечения срока действия договора возобновить его без малейших изменений на срок до 16 лет. А карачаевцы не имели права ни под каким предлогом отказываться от возобновления договора.

После заключения договора Томашевский начал вести изыскательские работы. Первые изыскания не дали результатов, на которые так надеялся арендатор.

Для дальнейшей разведки в 1889 г. был приглашен крупный инженер, действительный член Минералогического общества Российской империи А. Д. Кондратьев. После предварительного осмотра

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 93.

он дал мотивированное заключение, подтверждающее ценность месторождений. Было установлено 17 рудоносных жил. Детальные разведки производились в четырех пунктах, где были заложены штольни; одна в урочище Джаланкол и три в местности Тохтаул-Чалган.

Разведка установила, что здесь находится 95 тыс. куб. саженьей руды по 200 пудов свинца и по 0,17% серебра в каждой, т. е. около 6,5 золотников серебра на пуд свинца¹. Разведка производилась в большом масштабе во всех известных рудоносных районах. Только на разведочные работы Томашевский израсходовал 52 тыс. руб.² Убедившись в возможности начать на базе месторождений промышленную добычу руд, арендатор предпринял меры, чтобы арендовать их на более длительный срок. Такая аренда позволила бы Томашевскому без риска вложить значительные капиталы и получить максимальную прибыль. С другой стороны, капиталисты охотно вложили бы свои средства в предприятие, арендованное на продолжительный срок. Все это толкало арендатора на заключение нового договора.

Договор был заключен в 1891 г.³ Согласно договору Томашевский получил право владеть месторождениями в течение 29 лет. Содержание нового договора было идентично первому договору. Изменения касались только нескольких пунктов. При заключении договора арендатор единовременно уплачивал 1500 руб., после начала разработки серебро-свинцовых руд за первый год обязывался платить 13 тыс. руб., а затем — по 10 тыс. руб. ежегодно. Уплата должна была производиться в начале каждого года и вноситься в Баталпашинское уездное казначейство. Гарантия обеспечивалась залогом в сумме 10 тыс. руб. Неуплата арендных денег возмещалась без судебного решения обществом из залога,

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 2.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 4.

³ Текст договора см.: ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 177—182.

который в таком случае должен был пополняться арендатором. При неуплате (или непополнении) залога в течение трех месяцев договор терял силу, и арендатор был обязан очистить арендованные земли от возведенных им строений и сооружений.

За добычу свинца в количестве, превышающем 200 тыс. пудов, арендатор обязывался платить не 4,5 коп. за пуд выплавленного свинца, а 5 коп. Добываемые попутно из тех же серебро-свинцовых руд металлы не подлежали оплате, за исключением серебра, если количество окажется более 10 золотников в расчете на пуд добытой и поступившей в переработку руды. В таком случае арендатор должен был уступить карачасвскому обществу 20% избыточного серебра натурой или кредитными билетами (из расчета 1200 руб. за пуд) — по желанию общества.

Томашевский обязывался в течение трех первых месяцев каждого года представлять уполномоченным карачаевского общества выписку из заводских книг о количестве поступившей в течение истекшего года в переработку руды, выплавленного свинца и серебра, а также расчет содержания серебра в руде. Уполномоченным от карачаевцев предоставлялось право сверять выписку с заводскими книгами в течение одного месяца. Только после этого выписка могла быть утверждена представителями карачаевского общества. Уполномоченным карачаевского народа в числе четырех человек давалось право контролировать, какое количество руды, свинца и серебра добыто.

К промышленной эксплуатации месторождений арендатор должен был приступить не позже, чем через два года со дня заключения договора. Первые два года ему разрешалось вести разведки и изыскания, а в дальнейшем пользоваться их результатами.

Заклучив «формальный», как утверждал впоследствии Томашевский, договор на более длительный срок, арендатор получил исключительное право

на разведку и эксплуатацию природных богатств Карачая.

Сразу же после заключения договора Томашевский сообщил в Управление горною частью Кавказского края, что он приобрел исключительное право поисков и разработки серебро-свинцовых месторождений в Карачае и просил разрешить ему приступить к разработкам¹. При этом Томашевский обязывался впредь, до выяснения принадлежности этих месторождений казне, исправно выполнять условия договора с карачаевцами, а в случае признания недр казенными обязывался не иметь никаких претензий к администрации области.

Горное управление выдало Томашевскому свидетельство, позволяющее в течение года производить разведочные работы, с предупреждением, что при признании правительством этих земель казенными он не будет иметь права на претензии.

Однако это было еще не окончательное решение. Управление горною частью на Кавказе сообщило об этом в Горный департамент. В августе 1892 г. Горный департамент «признал возможным разрешить Управлению горною частью Кавказского края не препятствовать Томашевскому производить разработки ископаемого на землях Карачаевского общества в пределах договора этого лица с названным обществом»².

Получив официальное разрешение Горного департамента, Томашевский расширил изыскательские и подготовительные работы. К сентябрю 1891 г. были открыты и исследованы 44 жилы, а к весне следующего года стало известно 58 рудоносных жил³.

К этому времени были проведены большие работы по подготовке местности к добыче руды и сооружены многочисленные здания. Был очищен лес, проведено 3 тыс. сажен дороги по склонам, сооружена

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 95.

² Там же, л. 101.

³ Записка о начале эксплуатации карачаевских серебро-свинцовых месторождений, СПб., 1892, стр. 2.

21 землянка, 2 больших деревянных барака, 3 кладовые. Для пробной плавки были построены 2 шахтные печи, для выделения серебра один трейбофен и для выплавления свинца из галет — один круммофен¹. Наряду с большими стройками велись и рекламные работы, популяризирующие богатства этих мест и грандиозное строительство, ведущееся в горном крае.

В 1891 г. в «Горном журнале» была напечатана большая статья о месторождениях. Непосредственный участник изыскательских работ, действительный член Русского минералогического общества инженер А. Д. Кондратьев сообщал о богатствах Кубано-Худесского участка². Разделив эти богатства на пять групп, он детально описывал каждую. В 1892 г. журнал поместил его вторую статью «О месторождениях серебро-свинцовых, медных руд на Кавказе, в Карачае»³, где автор более детально рассматривал каждую жилу и их промышленные возможности. Кондратьев отмечал наличие в Карачае и других природных богатств, кроме серебро-свинцовых руд, в частности графита, мышьяка, медных руд, бурого угля, огнеупорной глины.

Сведения о богатствах Карачая всполюшили не только капиталистов, но и научный мир. Сообщения были настолько ошеломляющими, что известный геолог профессор И. В. Мушкетов сделал специальный доклад об этих месторождениях в Русском минералогическом обществе⁴.

В статьях, а также в докладе И. В. Мушкетова подчеркивалось, что на Верхней Кубани имеются большие природные богатства, которые, как тогда

¹ М. Кох. Горные месторождения Баталпаинского отдела Кубанской области, СПб., 1911. Изд. горно-промышленного товарищества «Карачай», стр. 4.

² «О серебро-свинцовых рудах в Карачае в долине реки Кубани, на Северном Кавказе». «Горный журнал», 1891, т. 2, № 4—5.

³ «Горный журнал», 1892, № 8.

⁴ И. Зуев. О серебро-свинцовом и цинковом месторождениях в верховьях р. Кубани. ИОГИ, 1899, № 6, стр. 2.

казалось, по своему значению занимали не только в России, но и в мире одно из ведущих мест.

В том же году в широко известном иллюстрированном журнале «Север» была напечатана статья «Виды большого Карачая и нарождающийся в Карачае горный промысел». Анонимный автор, описывая красоту природы горного края, перечислял богатства, которые таят в себе эти красивые горы. Статья была иллюстрирована рисунками великого осетинского революционного демократа Косты Хетагурова. В это время Коста работал конторщиком на руднике. По сообщению автора, к тому времени был построен завод, который мог переплавлять до 10 тыс. пудов руды в месяц.

Пользуясь слабостью российского капитализма, в русскую промышленность все больше начинает проникать иностранный капитал. Поэтому автор статьи беспокоится, «чтобы это предприятие, начатое русскими людьми, не погнбло или не попало в руки иностранцев, чтобы на нем не повторилась история многих других русских предприятий, когда после двух-трех разорившихся русских предпринимателей за дело берутся иностранцы с большими капиталами и быстро наживаются»¹ (забегая вперед, скажем, что опасения автора были не напрасны).

В результате ширококонтрастных публикаций о богатых серебро-свинцовых рудах Карачай стал известен российской общественности, усилился интерес капиталистов к его месторождениям. Тогда Томашевский решил застраховать себя на длительный срок от возможных конкурентов.

13 апреля 1892 г. он заключил дополнительный договор с карачаевским обществом². Для заключения договора карачаевское общество избрало своих доверенных. По договору Томашевский получил дополнительные льготы. Ему разрешалось «для возведения для разных его нужд» занять бесплатно

¹ «Север», 1892, № 24.

² Текст договора см.: ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 130—133.

кроме занятой им местности по Кубани обширные общественные земли¹.

Карачаевское общество разрешило Томашевскому бесплатно занимать удобные для него «в половинном размере поляны», которые лежат при впадении в Кубань Худеса и Джаланкола, а также близ балки Тохтаул-Чалган по правому берегу реки. За эти уступки общества арендатор обязывался производить ремонт дорог от Кадох-Кеткена до Каменного моста. Для строительства моста разрешалось безвозмездно пользоваться общественным лесом. По договору Томашевскому разрешалось строить заводские печи в балке Тохтаул-Чалган для плавки свинца и серебра; разрешалось до 9 апреля 1899 г. не платить за аренду. Взамен ему предлагалось добыть 40 тыс. пудов свинца и за каждый пуд уплатить по 5 коп.²

Промышленная разработка руды на руднике «Эльбрус» началась с августа 1891 г. К этому времени уже были проведены подготовительные работы, сооружены необходимые постройки. Для плавки свинца был построен завод, состоящий из двух шахтных печей, одного трейбофена, одного круммофена и водяное колесо мощностью 15 л. с. Завод должен был производить 200 тыс. пудов в год³.

Руда на завод доставлялась из Тохтаул-Чалгана в вагонетках, для которых были проложены рельсы на протяжении 110 сажен, а из более дальних штолен руда доставлялась выюками на лошадях и ослах. Добыча руды производилась первоначально из шести жил. За короткий срок было пройдено 110,5 погонных саженей и вынута 48,3 куб. саженей руды⁴.

В 1891—1892 гг. из рудных жил в Тохтаул-Чалгане было подготовлено к очистной обработке

¹ Текст договора см.: ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 130.

² Там же, л. 130—133.

³ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 4.

⁴ Там же

2 млн. 300 тыс. пудов руды, содержащей до 40% свинца и до 0,17% серебра¹. За этот же период было подготовлено к выемке до 500 куб. саженей жильной массы, содержавшей до 100 тыс. пудов свинца и 160 пудов серебра. Разведкой было определено, что в остальных частях отдела находятся до 195 тыс. куб. саженей жильной массы, где, по расчетам, должно было содержаться 39 млн. пудов свинца и 62 тыс. пудов серебра².

В августе 1892 г. была произведена первая плавка, и в первый же день получено 130 пудов свинца³.

Томашевский надеялся продавать свинец в виде глета сурика и металла, так как глет стоил дороже, чем металлический свинец. К концу 1892 г. Томашевский рассчитывал продать на станции Невинномысской 28 тыс. пудов глета на 61 тыс. руб., 27 тыс. пудов свинца на 40 тыс. 620 руб.⁴ По расчету арендатора, серебро должно было быть переработано в монету рублями или четвертаками. За 95 пудов серебра, которые предполагалось получить в течение 1892 г., Томашевский наметил выручить 86 тыс. рублей⁵.

Как видно из этих расчетов арендатора, он надеялся наладить выработку свинца и серебра и получать большие прибыли, позволяющие расширить производство.

Однако на практике вышло иначе. Томашевский затратил большие средства на подготовку жил и на сооружение завода. Из «своего» кармана он потратил только на разведку 52 тыс. руб., более 100 тыс. руб. из денег «некоторых лиц» ушло на опытную эксплуатацию. В итоге Томашевский был не в состоянии продолжать дело. После безуспеш-

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 91.

² Там же, л. 101.

³ Записка о начале эксплуатации карачаевских серебряно-свинцовых месторождений, стр. 4.

⁴ Записка о начале эксплуатации Карачаевских серебряно-свинцовых месторождений, СПб., 1892, стр. 15.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 61.

ных попыток найти коммерческий кредит он осенью 1892 г. прекратил работу.

Арендный договор, заключенный карачаевским обществом, разрешал Томашевскому приглашать себе компаньонов и создавать общества. Учитывая сложившуюся ситуацию, он был принужден образовать акционерное общество. Был выработан проект устава общества. Согласно проекту, общество, названное «Эльбрус», ставило своей главной задачей эксплуатацию уже разведанного, а частично и подготовленного к выработке месторождения серебро-свинцовой руды. При этом акционерное общество сохраняло за собой право вести горнопромышленные работы и в других местностях Российской империи. Томашевский передавал акционерному обществу территорию, полученную им по основному договору. Капитал общества предполагалось образовать посредством выпуска акций на сумму 1 млн. 800 тыс. руб., размещенных между учредителем и приглашенными к участию в предприятии лицами, и облигаций на сумму, не превышающую 1/2 акционерного капитала¹.

В январе 1893 г. Томашевский через своего поверенного, статского советника Экка, обратился в Министерство государственных имуществ с просьбой разрешить учредить акционерное общество «Эльбрус» для эксплуатации карачаевских серебро-свинцовых месторождений. В прошении указывалось, что для успешной эксплуатации обследованного и подготовленного им месторождения в широких размерах необходим значительный капитал, превышающий его личные сбережения. Кроме того, он просил, чтобы учреждаемому обществу был разрешен беспошлинный ввоз из-за границы некоторых машин и другого необходимого оборудования, которое невозможно было приобрести в России и на ввоз которого существовали высокие пошлины.

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 102.

Экк просил разрешить беспошлинный ввоз трех перфораторов с компрессорами, оборудования обогатительного завода для переработки 5—6 млн. пудов руды в год, до 1000 пудов проволочного каната для подвесной дороги, 6 динамомашин и т. д. Автор записки указывал, что «просимая льгота по ввозу некоторых принадлежностей серебро-свинцового промысла незначительна и что новая промышленность оживит целый край, а может быть, приобретет и государственную важность в случае войны, когда ввоз иностранного свинца будет затруднительным»¹. Он доказывал, что рудник, при достаточном оборотном капитале, способен вырабатывать 2—3 млн. пудов свинца и от 3,5 до 5 тыс. пудов серебра². Экк утверждал, что на руднике можно добывать свинец, серебро и медь в большом количестве по самым низким ценам. Приведя в записке аргументы в пользу самого благоприятного будущего разработок, доктор Экк отмечал, что по своему природному богатству рудные месторождения Карачая, арендованные Томашевским, могут конкурировать с богатейшими серебро-свинцовыми месторождениями Европы и Америки и что развитие разработки их до такой степени, чтобы они могли своими изделиями занять положение на мировом рынке, желательно в интересах России...³

Прошение поверенного Томашевского Н. Экка с проектом устава общества «Эльбрус» Министерством государственных имуществ было передано на предварительное заключение в Министерство финансов, а также главноначальствующему гражданской частью на Кавказе и начальнику Кубанской области.

Министерство вместо того, чтобы изыскать средства для развития российской промышленности, само давало рекомендации о передаче разработок в руки иностранных капиталистов. Оно сообщило,

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 5.

² Там же, стр. 92.

³ Там же.

что находит желательным образование именно таких промышленных предприятий, особенно на Кавказе, где, несмотря на ископаемые богатства, горно-промышленное дело, за исключением нефтяного, находится еще в зачаточном состоянии. Однако в заключении отмечалось, что при новизне дела, «предпринимаемого притом на Кавказе, донныне избегаемом русскими капиталистами», общество могло встретить затруднения в привлечении капиталов отечественных коммерсантов и поэтому считало целесообразным в случае необходимости обратиться к иностранному капиталу¹.

Таким образом, министр финансов не верил в самостоятельное существование общества «Эльбрус», без помощи иностранного капитала, а поэтому не удовлетворил просьбы о беспошлинном ввозе из-за границы оборудования для рудника. Министерство финансов, разрешив образовать акционерное общество «Эльбрус», не желало оказать ему помощь.

Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и начальник Кубанской области отмечали необходимость образовать акционерное общество, считали это «весьма полезным» для развития промышленности в Кавказском крае.

Специальная комиссия во главе с начальником Кубанской области генерал-лейтенантом Маламой, обследовав рудники, пришла к такому заключению: «В распоряжении общества «Эльбрус» имеется широкий рудоносный округ, многочисленные месторождения которого неисчерпаемы, это доказано обширными разведками и признано нашими представителями науки; природные условия во всех отношениях благоприятствуют осуществлению производства в самых широких размерах»².

Кавказское горное управление, по требованию Горного департамента, направило на рудник инже-

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 90.

² Г. М. Гречишкин. Теберда, горная климатическая станция и дачная местность. Станица Лабинская, 1912, стр. 134.

нера IV горного округа М. М. Омарова. Обследовав рудник, он сообщил об исключительном богатстве новых месторождений.

Развитие серебро-свинцовой промышленности на Кавказе диктовалось необходимостью создать собственную серебро-свинцовую базу на юге страны. В то время в России было всего четыре серебро-свинцовых завода. Два из них, Нерченский и Алтайский, принадлежали кабинету его величества, а третий, Алагирский — казне. Четвертый завод, в Киргизии, принадлежал частному лицу — Попову. Кроме того, функционировал небольшой Питкорадский завод в Финляндии¹.

О состоянии свинцово-серебряного дела в России можно судить по следующим данным. На всех этих заводах России за 1889—1891 гг. выплавлялось в среднем в год 45 тыс. пудов свинца, в том числе на заводе Попова — 16 тыс. пудов. За это же время на всех заводах России было выплавлено 886 пудов серебра, из них на заводе Попова — 106 пудов. За этот же период Россия ввозила из-за границы ежегодно на 1245 т пудов свинца и на 8,9 млн. руб. серебра².

И хотя Министерство государственных имуществ считало, что «несмотря на давно уже доказанные богатства России в месторождениях сих металлов (особенно же в киргизских степях и на Кавказе) разведки столь ничтожны, что могут считаться как бы не существующими»³. Учтя возможность разработки обнаруженных 195 тыс. куб. саженей рудоносной массы, содержащей до 39 млн. пудов свинца и 62 тыс. пудов серебра, оно определило, что эти запасы могут обеспечить существование предприятий на 60 лет. Ежегодная производительность их оценивалась в 400 тыс. пудов свинца и свыше 800 пудов серебра⁴.

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 104.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 105.

Министерство государственных имуществ считало, что «договорные отношения предпринимателя к собственнику месторождений в действительности являются достаточным обеспечением самому предприятию... и невыясненность прав карачаевского народа на состоящие в их владении земли в данном случае не меняет договора, заключенного с ним Томашевским, в той же степени прочности, какая принадлежит договорам, с собственниками земель заключенным, ибо если карачаевцы не будут признаны собственниками недр своих земель, то недра эти должны будут отойти в пользование Томашевского или его правопреемников по отводу от правительства»¹.

Учитывая все эти обстоятельства, Министерство государственных имуществ разрешило инженер-технологу Томашевскому учредить горнопромышленное акционерное общество «Эльбрус». Решение было представлено на рассмотрение Комитета министров, который согласился разрешить учреждение общества «Эльбрус» на основании устава и в свою очередь представил дело на рассмотрение царю. Александр III 9 июля 1893 г. утвердил образование акционерного общества².

Таким образом, в июле 1893 г. было организовано акционерное общество «Эльбрус». В его функции входила разработка недр, сооружение заводов не только в Карачае, но и в других местностях Российской империи. Обществу разрешалось сбывать руду в любом виде. Основной капитал общества был утвержден в 18 млн. руб. Было выпущено 7 тыс. 200 акций по 250 руб. каждая³.

Развернувшаяся в 90-х годах XIX в. бурная деятельность акционерного общества «Эльбрус» отражала общее состояние русской промышленности в период подъема. Подчиняясь закону неравномер-

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 105.

² Там же, л. 119.

³ Об утверждении устава общества «Эльбрус». «Горный журнал», 1893, № 11, т. 4.

ного развития капитализма, русская промышленность, как и все народное хозяйство, переживала периоды подъема и упадка. В 90-х годах бурно росла техническая оснащенность промышленности, началась концентрация ее в руках крупных компаний.

Русские капиталисты ринулись на новые, неразработанные богатства окраин империи, в том числе на земли Северного Кавказа. Но здесь они столкнулись с непредвиденными трудностями: свободному развитию капиталистической промышленности мешали пережитки феодализма, крепостнические методы эксплуатации, колониальная политика царизма, полное бездорожье, косность царской администрации и многое другое.

Все это препятствовало развитию промышленности, усложняло процесс эксплуатации богатейших недр Кавказа. Сохранение феодальных прав на землю, запутанность поземельных отношений тормозили разработку серебро-свинцовой руды в Карачае. Отсутствие местного капитала вынуждало организаторов акционерного общества искать деньги на стороне, в том числе привлекать иностранные капиталы.

Первой заботой администрации акционерного общества было привлечение капиталистов-акционеров. Это делалось путем рекламы в газетах, публикаций рисунков рудника в центральных, богато иллюстрированных журналах, в частности в «Ниве». В результате месторождениями заинтересовались официальные инстанции. Геологический комитет направил для осмотра нового месторождения и рудничных построек профессора Петербургского университета А. А. Иностранцева и геолога Каракаша. На профессора Иностранцева Кубано-Худесские месторождения произвели чрезвычайно сильное впечатление. Он писал: «Мне удалось уделить несколько дней на осмотр знаменитого, по моему мнению, Кубано-Худесского месторождения, отличающегося как обилием рудных жил, так и их

мощностью и значительным простиранием, а равно и качеством самой руды»¹.

Месторождением заинтересовался и Государственный банк. Для подробного обследования осенью 1893 г. на рудник был направлен начальник Кавказского горного управления Дэви и Н. Барбот-де-Марни, который детально изучил геологическое строение местности и дал подробное описание, опубликованное в «Материалах для геологии Кавказа».

Н. Барбот-де-Марни, отмечая большое значение Кубано-Худесских месторождений, писал: «факт этот имеет большой промышленный интерес, если припомнить, что потребность свинца в России, резко опускавшейся за последние десятилетия ниже 1 млн. пудов, почти всецело удовлетворяется иностранным, привозным продуктом. Отечественное производство, давшее когда-то максимум 100 000 пудов (10 лет тому назад) сократилось в 1890 году до 51 тыс. 131 пуда свинца, который получается как побочный продукт на серебро-плавильных заводах, едва ли имеющих тенденцию к расширению производства вследствие падения цены на серебро»².

По расчетам Барбот-де-Марни, в рудных жилах Кубани среднее содержание свинцового блеска в 1 куб. сажени равнялось 275 пудам, а содержание серебра в свинце — 0,1487% золотников на пуд. Далее он указывает, что «желательность и своевременность развития отечественного свинцового производства и многообещающие результаты разведочных работ в Карачае, а также другие, благоприятствующие эксплуатации условия представляют собою главные данные, внушающие серьезный интерес к карачаевским месторождениям»³.

Детальные обследования и положительные отзывы крупных специалистов способствовали прив-

¹ Цит. по ст.: Г. Ф. Чурсин. Свинцовые миллионы Карачая. «Кавказ», 1901, № 12.

² Н. Барбот-де-Марни. Указ. ст., стр. 178.

³ Н. Барбот-де-Марни. Указ. ст., стр. 179.

лечению внимания к кубанским месторождениям капиталистов, что дало возможность получить крупные суммы от Государственного банка, который заинтересовался рудником и просил Департамент торговли и мануфактуры дать заключение «об одной разведочной части месторождения». Департамент в январе 1894 г. известил Государственный банк, что оценивает разведочные части четырех жил в 5 млн. 400 тыс. руб. и утверждает, что здесь возможно развитие чрезвычайно широкого дела¹. Такое заключение Департамента торговли и мануфактуры позволяло акционерному обществу получать большие суммы для эксплуатации месторождений от Государственного банка.

Но до начала 1894 г. акционерное общество не могло проводить промышленные разработки. Еще шел процесс организационного становления рудника. Задача привлечения новых капиталистов-акционеров решалась успешно. Именно в таких условиях, стремясь получить больше средств от акционерного общества и желая показать возможность эксплуатировать месторождение долгие десятилетия, Томашевский заключил 22 февраля 1894 г. новый дополнительный договор с карачаевским народом.

По этому договору карачаевское общество изъявило полное согласие на продление срока договора на девяносто лет, т. е. до 9 апреля 1981 г., при условии признания этих земель собственностью карачаевцев². В случае признания карачаевских земель казенными Томашевский прекращал арендную плату в размере 10 тыс. руб., взамен в «помощь карачаевскому обществу» принимал на себя содержание карачаевской школы. Однако это содержание не должно было обходиться более 6 тыс. руб. Карачаевское общество уступило в бесплатное пользование на все время аренды удобные места и

¹ М. Кох. Горные месторождения Баталпашинского отдела Кубанской области. СПб, 1911, стр. 6.

² Текст договора см.: ГАКК. ф. 449, оп. 1, ед. 1686, св. 19. л. 16—18.

поляны «на пространстве от рудничного моста до моста Джаланколского».

Договор мог вступить в силу после утверждения его царем. Это было обусловлено тем, что согласно закону недра, хранящиеся в частнособственных землях могли сдаваться в аренду только на срок до 60 лет, а договор на более длительное время должен был утверждаться монархом. Томашевскому было ясно, что в любом случае он получал право бесплатно пользоваться всеми удобными местами и полянами от рудничного моста до Джаланкола без разрешения карачаевцев, чего не было в других договорах. Получив разрешение на продление договора на 90 лет, Томашевский сделал еще один важный шаг по привлечению капиталистов-акционеров: вкладывать капиталы в предприятие, с помощью которого можно было беззастенчиво эксплуатировать в течение 90 лет недра Карачая, было делом надежным и перспективным. Томашевский наконец-то добился своего. Напряженная долголетняя работа по популяризации месторождений, а также настойчивые просьбы о поддержке нового предприятия на Кавказе перед министерствами увенчались успехом. Нашлись капиталисты, которые хотели вложить свои капиталы в эксплуатацию карачаевских месторождений.

7 апреля 1894 г. состоялось первое учредительное собрание акционерного общества «Эльбрус». Акционерами было собрано 960 тыс. руб. (половина основного капитала) и продано 3840 акций.

Председателем акционерного общества был избран генерал-майор Д. А. Цинкельн. Рудник Томашевского со всем оборудованием был оценен в 1 млн. 500 тыс. руб.; из них 1 млн. 200 тыс. руб. акциями и 300 тыс. руб. наличными переходило в собственность Томашевского в уплату за уступаемое им акционерному обществу «Эльбрус» право эксплуатации прииска¹.

¹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 35, ед. 1569, л. 1.

На этом же собрании был поставлен вопрос о том, чтобы ходатайствовать у правительства ссуду в размере 500 тыс. руб.¹ Это было вызвано тем, что у акционерного общества «Эльбрус» после уплаты владельцу Томашевскому стоимости заводов не оставалось средств для эксплуатации рудников. Взносы акционеров поступали очень медленно. По меткому выражению этнографа — кавказоведа Г. Ф. Чурсина — акционеры размышляли «с достаточной медленностью, предаваясь меланхолическим размышлениям — ежели взаправду в Карачае почивают свинцовые миллионы, они не убегут, а ежели их нет, тогда чем позже загубить деньги, тем лучше»².

Хотя Г. Ф. Чурсин не раскрывал природы капиталистического метода хозяйствования, он описывал капиталистический принцип ведения производства очень точно. Несмотря на меланхолические размышления капиталистов, желание нажиться на заманчивых месторождениях не давало им покоя. К весне 1894 г. акционерное общество «Эльбрус» приобрело все рудники Томашевского. К осени того же года в обществе «Эльбрус» уже участвовало более 150 акционеров, владеющих 7200 акциями, из них 4800 акций были оплачены полностью, а 2400 — наполовину³.

Реализация акций шла медленно. Несмотря на это, правление общества развило бурную деятельность. От английской фирмы «Виллингтон и К^о» было выписано пять ручных станков на 3 тыс. руб. и доставлены на пароходе «Аланзо» в Новороссийск⁴. Из Парижа был выписан обогатительный завод системы «Кастельно» за 80 тыс. руб.⁵ Завод был рассчитан на обогащение до 1 млн. 200 тыс. пудов руды в год. Доставка обогатительного завода

¹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 35, ед. 1569, л. 1.

² Г. Ф. Чурсин. Указ. ст.

³ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2244, л. 86.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2244, л. 86.

⁵ Там же, л. 87.

и его установка должны были закончиться в начале 1895 г.

Правление общества «Эльбрус» заботилось о том, как и куда сбывать продукцию. Спрос на свинец в России был большим. Каждый год из-за границы ввозилось 1 млн. 200 тыс. пудов свинца и 300 тыс. пудов свинцовых изделий, тогда как в России вырабатывалось менее 50 тыс. пудов в год¹.

В потребителях не было недостатка. Петербургский присяжный маклер П. Эльфонт обязывался продавать 75 тыс. пудов свинца в Петербурге, 400 тыс. пудов в Ярославле, 300 тыс. пудов в Москве и других городах по существующим на торговой бирже ценам. Кроме свинца он рассчитывал продать 200 тыс. пудов меди. Общество «Кальб и К^о» хотело купить 10 тыс. пудов свинца любого качества². На эльбрусский свинец и цинк были получены заказы из-за границы, в частности фирма «Кастельно» просила предоставить ей всю продукцию³.

Таким образом, с весны 1895 г. акционерное общество «Эльбрус» энергично приступило к эксплуатации карачаевских месторождений свинца и цинка. Одним из важных вопросов эксплуатации рудника был вопрос доставки добываемой руды до железнодорожной линии. Расстояние от рудника до ближайшей станции (Невинномысской) составляло более 130 верст. От решения транспортного вопроса зависела судьба рудника.

Еще в начале 90-х годов был поднят вопрос о необходимости провести железнодорожную линию от Невинномысской в Карачай и на Сухум. Однако все проекты остались на бумаге.

Акционерное общество организовало перевозку свинца и цинка по Карачаевскому почтовому тракту, построенному еще в конце 60-х годов XIX в. Тракт находился не в лучшем состоянии, и в каж-

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2244, л. 89.

² Там же, л. 39—40.

³ Там же, л. 89.

дом договоре, заключенном с карачаевским обществом, в одном из пунктов неизменно шла речь о ее ремонте. При таком состоянии и значительной протяженности дороги, себестоимость рудничной продукции сильно повышалась. Учитывая это, администрация общества «Эльбрус» предлагала представителю Владикавказской железной дороги провести ветку от Невинномысской до рудника «Эльбрус». По проекту железнодорожное полотно на Сухум предполагалось проложить по Тебердинской долине, а рудник «Эльбрус» соединить с дорогой отдельной веткой. Автор предварительного проекта указывал, что одни только предприятия инженера Томашевского с образованием общества «Эльбрус» смогут доставлять не менее 5 млн. пудов груза в год, а кроме того, карачаевцы сбывают в Баталпашинске, Невинномысске и Сухуме бурки, шерсть и скот большими партиями, десятки тысяч голов скота¹.

Обосновывая необходимость постройки железной дороги, автор предлагал проложить железнодорожное полотно по Военно-Сухумскому тракту. Из Невинномысской до Беломечетской линия должна была проходить по правой стороне Кубани (25 верст). Далее дорога переходила на левый берег и тянулась до ст. Красногорской. А дальше, чтобы избежать постройки двух мостов, требовалось соорудить небольшой туннель. Таким образом, железнодорожное полотно прокладывалось по левой стороне Кубани до слияния с ней Теберды. По Тебердинскому ущелью дорога должна была выйти на побережье Черного моря. По мнению автора, постройка такой линии особых затруднений в техническом отношении не сулила.

Труднее было бы строить ветку на Карачай по скалистому Кубанскому ущелью. Предлагалось построить линию по левому берегу, так как, заняв «рельсами существующую дорогу... загородили бы

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 121.

путь для всякого иного движения, поэтому железную дорогу необходимо вести по левому берегу Кубани»¹. Железнодорожная линия должна была дойти только до Индыша, где были фабрики рудника «Эльбрус». А дальше между Индышом и Тохтаул-Чалганом на протяжении 13 верст и выше до Учкулана на протяжении 13 верст проектировался проволочно-канатный (Блейхентовский) путь, который должен был функционировать при помощи водяных колес. Предлагая такой вариант постройки железнодорожной линии, автор указывал, что «богатства северного склона, обнаруженные Томашевским в Карачае, дают полное основание рассчитывать, что южный склон Кавказа окажется не менее богатым, если на нем будут произведены такие изыскания, какие Томашевский произвел в Карачае, а несомненно, что долина Кодора найдет себе не одного исследователя, как только будет решен вопрос о сооружении железной дороги на Сухум»².

Технически прокладка такой линии в то время была возможна. Но царское правительство и капиталисты-предприниматели не спешили начать строительство. Разговоры о необходимости прокладки железнодорожной линии не прекращались. Составлялись инженерные расчеты, экономические обоснования и определялись расходы на строительство. Убедившись в невозможности построить такую линию, администрация рудника искала более близкий путь к существующим железнодорожным станциям. При наличии дороги самой близкой железнодорожной станцией становилась Кисловодская станция. Было решено соединить колесной дорогой Индыш и Кисловодск через Кумское ущелье. Эта дорога сокращала расстояние от рудника до Кисловодска в два раза. В 1895 г. администрация рудника начала строительство дороги. Дорога была продолжена. Однако крутизна и постоянные заносы

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 122.

² ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 122.

дорожного полотна после дождя не позволили пользоваться ею впоследствии, и она была заброшена. Для перевозки продукции рудника по-прежнему использовался карачаевский тракт. Только этот путь позволял вывозить продукцию рудника на ближайшую железнодорожную станцию Невинномысская.

Как уже отмечалось, в 1895 г. администрация проводила большие работы по эксплуатации рудника «Эльбрус». Велось также строительство обогатительного завода. Строился он на Индышской поляне. Были приглашены французские инженеры, хорошо знакомые с монтажом рудообогатительного завода системы «Кастельно». Завод состоял из дробильного станка с сортировочными щитами, сортировочного подвижного стола, двух цилиндрических дробильных вальцев, двух сортировочных барабанов и трех крупных отсадочных решет, одного аппарата для обогащения песков и шлаков и др¹.

Принцип работы завода заключался в следующем. Жильную массу на тачках подвозили на рудоразборные площадки, устроенные при жилах. Здесь же производилась первичная сортировка рудной массы при помощи молотков. Пустая порода отбрасывалась в сторону. Отобранная руда делилась на три сорта. Породы, содержащие от 64 до 74% свинца, шли на продажу. Те куски, от которых было трудно отделить породу, составляли второй и третий сорта и складывались отдельными штабелями. Во втором сорте содержание свинца должно было доходить до 30%, в третьей — до 4—5%. В результате сортировки образовывалось много рудной мелочи, которая вместе с мелочью, вывезенной из штолен, обогащалась на специально устроенном заводе, причем более крупные куски подвергались ручной сортировке, а мелкие сортировались и обогащались машинами. Второй и третий сорта сначала дробились машинами на заводе, а затем обогащались. Процесс обогащения на заводе происходил

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 178.

следующим образом. Руду сбрасывали на решето, через которое проскакивали куски, не нуждающиеся в дроблении. Крупные куски поступали в дробильную машину. Раздробленная руда попадала во вращающийся грохот, который имел отверстия диаметром в 13 мм, откуда высыпалась в валки, а более крупные куски выбрасывались на медленно движущийся разборный стол, где производилась ручная разборка. Затем начиналась ручная сортировка с измельчением руды. На сортировке кроме рабочих были заняты и мальчики из близлежащих аулов. Они отбирали пустую породу, а породу с рудой дробили и сортировали. Куски, в которых руда была в виде мелких зерен или в виде тонких прожилок, поступали на дробилку, где рудная масса окончательно измельчалась. Далее руда поступала на щит, на котором рассортировывалась по объему. То, что не просеивалось через первое сито, поступало через элеватор во вторую дробилку, в которой рудные частицы отделялись от породы. Рудная мелочь вместе с водой после этого поступала в бассейн, где осаживалась в виде грязи. Эта грязь обрабатывалась в специальных движущихся каучуковых столах. Водой смывали пустую породу, а рудные частицы оставались на столе. Вода с мелкой измельченной рудой проходила через систему неглубоких ям-лабиринтов и в них осаждалась «грязь» (свинец, цинк, серебро). Эту же «грязь» повторно обрабатывали на каучуковых столах¹. Так происходил процесс обогащения на заводе.

Сортировка руды производилась вручную, самими опытными рабочими. Были устроены вращающиеся столы и транспортер. Рабочие трудились стоя. Это было очень утомительно и требовало большого напряжения. В результате сортировки получалась шурфная руда, промежуточный продукт,

¹ Описание процесса работы рудообогатительного завода см.: Е. Житнев. Очерк обогащения свинцовых, цинковых и других руд. «Горный журнал», 1897, т. 3, № 7, стр. 1—11.

идуший на новую сортировку, и продукт, подлежащий измельчению.

Во многих процессах обогащения руды на заводах рудника «Эльбрус» трудились рядом с опытными русскими рабочими и жители Баталпашинского отдела, особенно мальчики из близлежащих аулов Карачая. Это сыграло большую роль в процессе становления национальных кадров рабочего класса.

В 1895 г. акционерное общество «Эльбрус» продолжило строительство обогатительного завода на Индыше. На руднике был построен завод для механического обогащения рудной мелочи производительностью до 4 тыс. пудов в сутки. В трех балках были построены желоба для спуска руды, во Франции была приобретена турбина мощностью 125 л. с. и для нее прорыт канал длиной в две версты с таким расчетом, чтобы напор воды был достаточен для получения 600 квт.-час. электроэнергии.

На руднике в общей сложности было сооружено 80, а на Индыше 50 больших и малых жилых и хозяйственных построек. В Худесе была построена лесопильня, вверх по Индышу кирпичный завод. Началась также разработка угольных месторождений на Индыше¹. Была построена химическая лаборатория, создан геодезический кабинет, сооружена больница на 10 кроватей и аптека.

Увеличилось число рабочих на руднике, непосредственно занятых на разработках и на заводах,— со 155 в 1891 г. оно выросло до 588 к началу 1895 г. Кроме того, 200 человек занимались возкой руды и леса². На руднике работали четыре инженера и много приказчиков.

Добыча руды производилась вручную и механическими способами. В 1895 г. на руднике было переработано 38,4 тыс. пудов руды³. Обогащенная руда продавалась на рынках России и за границей: в

¹ ЦГИА СССР, ф. 31, оп. 66, ед. 2436, л. 8—9.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 162.

³ Известия общества горных инженеров, СПб, 1893, № 6, стр. 20.

Антверпен было отправлено 150 т¹, 7 т реализовано в Польше, много руды было продано германскому обществу «Мехерник»². Подготовленная к продаже руда вывозилась на арбах и лошадях до ст. Невинномысской. За перевозку руды на собственном транспорте каждый извозчик получал 1³/₄ копейки с пуда³. Вереница арб, груженных рудой, совершала рейсы протяженностью в оба конца 300 км в течение недели. Если даже допустить, что каждый извозчик за один раз мог перевозить 500 кг (31 пуд) руды, то за неделю он зарабатывал около 60 коп. Таким образом, владельцы рудника жестоко эксплуатировали труд горцев-извозчиков.

Горцы, познавая тяжесть капиталистической эксплуатации, постепенно приобщались к борьбе рабочего класса против капиталистов.

На руднике за короткий срок было добыто 1 млн. 200 тыс. пудов сырой руды; из нее отсортировано 413 тыс. пудов⁴. В 1896 г. было пройдено разведкой 260, 39 погонных сажень и из вновь добытой руды отсортировано около 180 пудов⁵. Председатель правления акционерного общества «Эльбрус» Николай Экк для привлечения иностранных фирм отправил на 6 иностранных заводов пробную руду, содержащую 74% свинца и 0,12% серебра⁶. По договору руда и металл в неограниченном количестве должны были поставляться в торговый дом Грольмана в Дюссельдорфе на Рейне, а в России — многочисленным предприятиям, потреблявшим в совокупности 700 млн. пудов свинца⁷.

В 1896 г. в результате резкого понижения цен на свинец рудники Испании, вырабатывавшие более 10 млн. пудов руды в год для плавильных заводов

¹ Известия общества горных инженеров, СПб, 1899, № 6, стр. 28.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 65, ед. 2875, л. 34.

³ Там же.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2436, л. 8.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2436, л. 8.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 162.

⁷ Там же, л. 162.

Англии, Бельгии, Германии, не выдержав конкуренции со стороны Австрии, прекратили работу¹. Предлагая большое количество свинца торговому дому Грольмана, акционерное общество «Эльбрус» решило использовать трудное положение, создавшееся на международном рынке. Для быстрой доставки руды иностранным фирмам оно развернуло большую работу. В результате были израсходованы все средства, и для продолжения работ их не осталось. Чтобы выйти из создавшегося положения, акционерное общество обратилось в Екатеринодарский отдел Государственного банка с просьбой открыть кредит на 300 тыс. руб. Однако это ходатайство было отклонено.

Для привлечения капитала общество участвовало во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, где образцы руд, планы и описание рудника должны были привлечь внимание капиталистов². Однако все было безрезультатно. Тогда общее собрание акционеров решило обратиться к правительству с просьбой увеличить основной капитал общества путем выпуска акций дополнительно на 1 млн. 800 тыс. руб., разделенных на 14,4 тыс. акций по 125 руб. каждая³. Такая сумма требовалась для сооружения дополнительных штолен и шахт, расширения обогатительного завода, сооружения свинцово-плавильного и цинкового заводов и для других целей⁴.

Акционерное общество для продолжения работ на руднике пыталось привлечь и иностранный капитал. Оно предполагало реализовать акции не только в России, но и за границей. В этих целях велись переговоры с Бельгийским обществом «Виел Монтагне», немецкой фирмой «Артур Коппель» в Берлине, а также с французскими фирмами⁵. Иностран-

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 162.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 209.

³ ЦГИА СССР, ф. 31, оп. 66, ед. 2436, л. 1.

⁴ Там же, л. 3.

⁵ Там же, л. 38, 39.

ные фирмы обязывались построить более мощный обогатительный завод, соорудить узкоколейную и проволочную линию.

Как сказано выше, акционерное общество ходатайствовало перед Министерством финансов, Министерствами земледелия и государственных имуществ и Горным департаментом разрешить увеличить основной капитал общества путем выпуска новых акций. После преодоления бесчисленных министерских рогаток выпуск акций был разрешен. С целью расширить предприятие и образовать оборотный капитал разрешался выпуск 7 200 акций по 250 руб. каждая¹.

После получения разрешения на выпуск акций возникли новые непредвиденные трудности: администрация акционерного общества не находила желающих приобрести их. Иностранные фирмы, которые обещали за акции строить заводы на руднике, отказались принять участие в деятельности акционерного общества. Это был обычный прием иностранных фирм, которые, затрудняя положение русских предприятий, постепенно прибирали их к рукам. Переговоры с иностранными капиталистами велись в течение 1898—1899 гг., но не дали результатов.

Одно время рудники хотел приобрести владелец Нижне-Тагильского горного округа, крупнейший в России горнозаводчик и землевладелец П. П. Демидов, но сделка не состоялась².

В результате таких осложнений выпуск акций откладывали несколько раз и в конечном счете их так и не выпустили. Этому способствовали распространявшиеся слухи о том, что запасы руды бедны и наладить широкое промышленное производство на долгие годы невозможно. В разгар больших работ рудник посетил инженер А. Коншин, который, осмотрев рудные жилы, пришел к выводу, что многие

¹ «Сборник узаконений и распоряжений правительства», 1897, № 90, стр. 1175.

² Г. Ф. Чурсин. Указ. ст.

жилы, считавшиеся самостоятельными, «представляются ничем иным, как наружными выходами боковых отпрысков сравнительно немногих жил...»¹. По его мнению, в Кубано-Худесских месторождениях рудоносность «весьма богатая в верхних наружных частях жилы», а далее перемешки свинцового блеска «либо исчезают в пустой породе, либо в лучшем случае заменяются цинковой обманкой»².

Появление таких отзывов привело к тому, что капиталисты, желавшие получать максимальные прибыли как можно скорее, отказывались вкладывать средства в рудник. В 1897 г. рудник «Эльбрус» был закрыт. С прекращением работ на руднике была учреждена администрация, которая продолжала изыскивать средства для их возобновления.

Главной причиной «замораживания» рудника было желание капиталистов-акционеров, вкладывая мизерную сумму в новое дело, быстро получить большую прибыль.

Царское правительство, игнорируя национальные интересы страны, продолжало закупать свинец за границей, тормозя тем самым создание своей свинцово-цинковой промышленности. По сведениям Департамента таможенных сборов, в 1899—1901 гг. за границей было закуплено 7 млн. 296 тыс. пудов свинца на 16 млн. 952 тыс. руб.³

Затрачивая огромные деньги на покупку свинца за рубежом, царское правительство не могло выделить мизерную сумму для поддержки рудника «Эльбрус». Администрация рудника продолжала искать средства для возобновления начатого дела. Она просила Министерство финансов выделить ссуду в размере 1 млн. руб.

Между тем период промышленного подъема в России кончился, началась полоса упадка. Сократился приток капиталов в промышленность, снижались цены на промышленную продукцию. Упала

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 170.

² Там же, л. 175.

³ ЦГИА, ф. 330, оп. 81, ед. 61, л. 11.

добыча руды, сократилось число действующих рудников и доменных печей. В этих условиях крупные монополистические предприятия сохранялись и даже расширяли производство, а мелкие разорялись. Тем более сложно было в этих условиях добиваться субсидий у правительства на поддержание рудника, удаленного от промышленных центров и средств сообщения.

В 1902 г. дворянин Е. М. Соковнин обратился к военному министру с прошением оказать содействие в выдаче казенной субсидии акционерному обществу «Эльбрус». По распоряжению военного министра, Главное артиллерийское управление для выяснения «благонадежности» рудника «Эльбрус» направило туда горного инженера Н. Китаева и экстраординарного профессора артиллерийской академии капитана Ипатьева. После детального осмотра рудника Н. Китаев и Ипатьев представили обстоятельные доклады о состоянии и перспективах разработки рудника в Кубанской области. В своем отчете Н. Китаев отмечает, «что хотя эти месторождения и не производят впечатления колоссальной мощности, тем не менее по количеству жил и их развитию эта рудоносная площадь представляет неисчерпаемый запас цинка и отличного качества свинца. Этот запас давал бы возможность, при умелом ведении дела работать выгодно не только одному обществу, но и многим другим предприятиям»¹.

Отмечая необходимость оказать денежную помощь акционерному обществу, Н. Китаев писал что «Очевидно, Министерство финансов для сохранения 5—6 миллионов рублей, уплачиваемых за заграничный свинец, представляется серьезный повод подумать о водворении свинцового производства в России. Что касается Военного министерства, то для него также безразлично, откуда получается свинец, идущий на потребление армии»².

¹ ЦГВИА, ф. 330, оп. 81, ед. 61, л. 9.

² ЦГВИА, ф. 330, оп. 81, ед. 61, л. 11.

Профессор Ипатьев также высоко оценил рудные месторождения акционерного общества и предлагал Военному министерству содействовать выдаче денег. Профессор в своем докладе Военному министерству писал, что «Правительству следовало бы обратить внимание на эти месторождения и способствовать восстановлению выплавки свинца и серебра, обществу «Эльбрус» следовало бы оказать денежную поддержку, так как оно затратило уже на это дело 950 000 руб., открыло и подготовило около 4 200 кв. саженей свинцовых руд для добычи свинца и цинка»¹.

В заключение профессор Ипатьев делал вывод, что для поощрения свинцового производства в России следует поддержать общество «Эльбрус» единовременной ссудой в 241 тыс. руб. «под залог инвентаря и рудников, которые представляются благонадежными и подготовленными к добыче»². Доклады Китаева и Ипатьева были представлены в Военное министерство. Военный министр А. И. Куропаткин энергично поддержал просьбу администрации акционерного общества о выделении средств в размере 500 тыс. руб.³ Однако министр финансов С. Ю. Витте отказал в выделении ссуды.

Между тем производство свинца в России с каждым годом падало. К этому времени из шести свинцово-цинковых предприятий пять не работали⁴. Если в 1892 г. в России было выплавлено около 54 тыс. пудов, то в 1899 г. — всего около 20 тыс. пудов. В конце XIX в. мировая добыча свинца составляла почти 49 млн. пудов, но на долю России приходилось 0,05% этого количества, несмотря на многие богатые месторождения⁵.

Царское правительство свободно открывало все рынки страны иностранным промышленникам,

¹ ЦГВИА, ф. 330, оп. 69, ед. 37, кор. 4053, л. 21.

² ЦГВИА, ф. 330, оп. 69, ед. 37, кор. 4053, л. 22 об.

³ ЦГВИА, ф. 330, оп. 69, ед. 37, кор. 4053, л. 23.

⁴ «Новое время», 4 декабря 1902 г.

⁵ ЦГВИА, ф. 330, оп. 69, ед. 37, кор. 4053, л. 26 об.

способствуя их обогащению. По тогдашнему тарифу доставка свинцовых изделий из-за границы на главные рынки России (в Москву и Поволжье) стоила дешевле, чем кавказских продуктов из отдаленных от центральных рынков месторождений, не связанных путями сообщений с общей железнодорожной сетью.

В 1905 г. грянула первая русская революция, пошатнувшая основы царизма, все средства были брошены на разгром революционного движения русского пролетариата.

Администрация рудника, убедившись в невозможности получить ссуду от правительства, решила передать рудник иностранным капиталистам. В 1907 г. акционерное общество передало свои права английскому промышленнику Георгу Вильсону. Однако, не приступая к эксплуатации рудника, он уступил свои права присяжному поверенному Е. М. Виновчу и петербургскому купцу Харламову. Вскоре и они, не возобновляя работы, вернули рудник обратно акционерному обществу «Эльбрус»¹.

Наконец, администрации удалось сдать рудник английским промышленникам. Администрация и специально созданная ликвидационная комиссия передали все сооружения, заводы и рудные жилы английскому акционерному обществу «Горное общество горы Эльбрус» (Mount Elbrus limited mines), правление которого находилось в Лондоне.

Условия деятельности этого акционерного общества в России были утверждены 18 ноября 1909 г. царем². Для производства операций обществу был определен основной капитал в 250 тыс. ф. ст.³ Английское акционерное общество было обязано назначить особого ответственного аген-

¹ «Горные богатства Кубанской области», вып. 2. Екатеринодар, 1912, стр. 92; «Поверхность и недра», 1927, т. V, № 2, стр. 17.

² ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 24, ед. 148, л. 198.

³ ПСЗ, т. XXIX, СПб, 1912, стр. 922.

та, который мог отвечать от его имени на все возникавшие вопросы¹.

Все условия договора с карачаевским обществом английские акционеры должны были выполнять в обязательном порядке.

Договор был утвержден, но разработка не начиналась. Попытка возобновить работы на руднике и расширить его деятельность при содействии английского «Горного общества горы Эльбрус» не удалась. Не приступая к работе в Карачае, оно передало в августе 1911 г. рудник предпринимательнице В. Ф. Романовой, действовавшей от имени администрации бывшего акционерного общества «Эльбрус»². В результате, после трехлетнего перерыва рудники и все постройки вновь оказались в его руках.

Общество «Эльбрус» возвратило себе рудник, заручившись на этот раз помощью правительственных кругов. Царское правительство знало о приближении войны, однако не спешило оказать помощь акционерному обществу. Первоначально Романова, которая выступала от имени общества, провела восстановительные и подготовительные работы. В течение 1912 г. на руднике «Тохтаул-Чалган» были отремонтированы обогатительная фабрика, ремонтно-механическая мастерская и все хозяйственные помещения, построены мосты. Все ранее разрабатывавшиеся шахты были расчищены от завалов, расчищены и установлены новые шлюзы на канале и т. д.

В том же году акционерное общество начало вести частичную плавку неочищенного свинца. Для выявления его качества 10 вагонов было отправлено на заводы Москвы³. По отзывам потребителей, качество свинца оказалось высоким, а содержание серебра в свинце — значительным⁴. Такие

¹ ПСЗ, т. XXIX, стр. 922.

² ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 24, ед. 148, л. 178.

³ Там же, л. 199.

⁴ Там же.

отзывы давали Романовой возможность энергично налаживать производство.

Она приняла некоторые меры по оздоровлению рудника «Эльбрус», в частности реорганизацию финансовых дел. Романова добилась от акционеров и кредиторов замены старых акций новыми, списания убытков, образовавшихся в течение 15 лет. По представлению Министерства торговли и промышленности Комитет Министров империи разрешил списать с разных статей актива баланса общества на 1 января 1913 г. 1 млн. 350 тыс. руб. и соответственно уменьшить основной капитал предприятия с 1 млн. 800 тыс. руб. до 450 тыс. руб. Это было сделано путем понижения нарицательного достоинства акций с 250 руб. до 125 руб. с выдачей владельцу за каждые две прежние акции, стоимостью 250 руб. каждая, по одной новой в 125 руб.¹

В. Ф. Романова, чтобы иметь гарантию эксплуатации рудника в течение многих десятилетий, урегулировала правовые отношения с карачаевским обществом. Министерство торговли и промышленности обратилось к наместнику Кавказа с просьбой продлить срок аренды рудника на 90 лет. Наместник Кавказа в свою очередь не видел препятствий к продлению договора². Впоследствии договор с карачаевским обществом об отдаче залежей, находящихся на территории Карачая, в аренду на 90 лет был отклонен Комитетом Министров³, но 9 января 1915 г. был утвержден царем⁴. Согласно новому договору, все условия ранее заключенного договора оставались неизменными, но передача рудника третьим лицам не разрешалась без согласия министра торговли и промышленности.

Наладив организационные дела, Романова обратилась к правительству с просьбой выделить

¹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 24, ед. 148, л. 228.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 2.

³ Там же, л. 38.

⁴ ЦГИА ГрССР, ф. 264, оп. 3, ед. 21, л. 201.

средства на расширение работ на руднике. Первая мировая война ускорила процесс оказания помощи руднику «Эльбрус». Царской армии требовались свинец, цинк, медь, которые могли поступить с рудника. Комитет Министров разрешил временно, до окончания войны, выдавать частным предприятиям, выполняющим заказы Комитета государственной обороны, ссуду в размере 65% годовой производительности предприятий¹.

В марте 1915 г. Романовой была выделена правительственная ссуда в размере 257 тыс. руб.² Для наблюдения за расходом ссуды Министерство торговли и промышленности назначило правительственным контролером горного инженера И. А. Корзухина.

В. Ф. Романова должна была доставлять свинец военному и морскому министерствам. Она обязывалась довести его производство до 12 тыс. пудов в месяц. Поставки свинца должны были начаться с 12 сентября 1915 г., а цинка — с 7 августа 1916 г.³

Для этих целей В. Ф. Романова обязывалась построить и пустить свинцовоплавильный завод к сентябрю 1915 г.⁴ За короткое время было налажено производство свинца, которого вырабатывалось в месяц не 12 тыс. пудов, как намечалось обязательством, а от 20 до 25 тыс. пудов⁵. Таким образом, предприятие «Эльбрус», по определению Министерства торговли и промышленности, стало «первым и единственным в России производителем свинца»⁶.

Империалистическая война требовала все больше свинца и цинка, что определило отношение правительства к руднику. Пользуясь этим, В. Ф. Ро-

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 33.

² Там же, л. 90.

³ Там же, л. 167.

⁴ Там же, л. 91.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 91.

⁶ Там же, л. 91.

манова продолжала вести большие работы по расширению производства. В 1914—1915 гг. была подготовлена к очистной выемке руда на площади 20 тыс. кв. саженей, было введено компрессорное бурение. Для переработки и сортировки оборудовали два новых здания, для получения электроэнергии до 140 л. с. установили два дизеля; было закончено оборудование свинцовоплавильного завода.

Для служащих были построены 7 новых жилых домов на 45 квартир, для рабочих — 16 жилых помещений, из них два больших, на 500 человек каждое¹. К 1916 г. завершилось строительство двух обогатительных фабрик, свинцово-цинкоплавильного завода и цинкоплавильного завода с устройством для изготовления труб. Обоганительные фабрики были оборудованы по последнему слову техники того времени. Пропускная способность Северной фабрики составляла около 27 тыс. пудов руды в сутки. В то время она выпускала более 2 тыс. пудов готовой продукции в сутки². Южная фабрика была менее мощной, чем Северная. Она могла дать 400—500 пудов готовой к выплавке цинковой и свинцовой руды³.

Свинцовоплавильный завод имел пять плавильных печей, три новые печи могли плавить одновременно по 80 пудов, остальные — от 40 до 60 пудов. Максимальная производительность за 8—12 часов достигала 350 пудов руды⁴, а при двухсменной работе — в два раза больше. В 1914 г. на руднике было добыто 129 тыс. пудов серебро-свинцовых и цинковых руд⁵.

Критическое положение на фронтах империалистической войны щедрым сделало царское правительство в отношении рудника. До войны основная

¹ «Отчет Кавказского горного управления за 1915 г.» Тифлис, 1916, стр. 78—79.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 186.

³ Там же, л. 187.

⁴ Там же, л. 188.

⁵ «Горная промышленность на Северном Кавказе». НКОРГО, Тифлис, 1915, т. 23, № 2, стр. 229.

масса цинка в России производилась в Царстве Польском. После его занятия австро-германскими войсками потребность в цинке резко увеличилась. Тогда в сентябре 1915 г. правительство выделило руднику «Эльбрус» вторую ссуду в размере 600 тыс. руб¹. Новая ссуда была предназначена для постройки большого цинкоплавильного завода: рудопромышленница В. Ф. Романова должна была до августа 1916 г. построить завод производительностью 18 тыс. пудов в месяц.

Правительственный контролер И. А. Корзухин был командирован в Швецию для ознакомления с цинкоплавильным делом и получения патента на строительство цинкоплавильных заводов, подобных тем, что имелись в Швеции². По проекту, завод должен был иметь 20 цинкоплавильных, две обжигательных, две рафинированных печи, формовочную для приготовления труб и горн для их обжига³. Однако завод так и не был полностью построен.

Романова направила все средства на подготовку рудника к расширению производства. Кроме упомянутых заводов Романова в целях получения электроэнергии приобрела два дизеля общей мощностью 80 л. с., несколько паровых машин-компаунд и локомотивов. Общая мощность выработываемой электроэнергии составляла 358 квт.-час.⁴

К середине 1916 г. Романова истратила на оборудование и подготовительные работы около 949 тыс. руб.; таким образом, общая сумма затрат превзошла размеры правительственных ссуд (857 тыс.) более чем на 91 тыс. руб.⁵ Несмотря на огромные вложения, рудник «Эльбрус» продолжал фактически бездействовать. Оборудованные за счет

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 48.

² Там же, л. 96.

³ Там же, л. 190.

⁴ Там же, л. 192.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 123.

казенной ссуды заводы не давали продукции, хотя были готовы к пуску.

Согласно контракту, заключенному с Морским министерством, Романова обязывалась начиная с сентября 1915 г. ежемесячно поставлять Ижорскому, Обуховскому и заводам Рекс и Темм 12 тыс. пудов свинца. Свинец, выработанный сверх этого количества, делился пополам, и половина должна была поступать в государственную казну. Однако за пять контрактных месяцев вместо 60 тыс. пудов свинца было отправлено всего 735 пудов 5 фунтов, и это несмотря на готовность рудника производить обусловленное количество металла¹.

Считая это дело преступным, помощник заместителя на Кавказе генерал-лейтенант князь В. Орлов в марте 1916 г. обратился к министру торговли и промышленности, морскому и военному министрам и главному начальнику Кавказского военного округа с указанием о необходимости секвестра серебро-свинцового рудника «Эльбрус». Для обследования дел на руднике была создана особая следственная межведомственная комиссия под председательством профессора Петроградского политехнического института А. А. Байкова. В состав комиссии входили особоуполномоченный Министерства торговли и промышленности, военного и морского министерства генерал-майор Г. А. Епанчин, окружной инженер Границкого горного округа Б. О. Москвин, инженер при заместителе на Кавказе М. М. Брайловский, представитель военного ведомства инженер-металлург В. П. Набережнов и член заводского совещания Кавказского района инженер К. Н. Сапицкий.

Комиссия, детально обследовав состояние рудника «Эльбрус», пришла к выводу, что на руднике к моменту посещения комиссии производились незначительные очистные и подготовительные работы. По определению комиссии, с 1 января 1915 г. по

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 13, оп. 12, ед. 375, л. 3.

1 августа 1916 г. было выдано всего 318,3 тыс. пудов рудной массы, из них получено около 22 тыс. пудов обогащенной руды¹. Комиссия пришла к выводу, что на руднике наблюдаются признаки обеднения свинцовых и цинковых руд. «Отсутствие систематических разведочных работ и контроля за изменением характера жил, — указывала комиссия, — создало элементы неопределенности»². В своем заключении комиссия рекомендовала улучшить планомерность работы путем привлечения квалифицированного технического персонала и указала, что при существующей постановке дела нельзя ожидать интенсивной работы предприятия.

В чем же крылась причина низкой производительности рудника «Эльбрус», который в годы первой мировой войны был буквально засыпан ссудами от военных властей? Причина заключалась не столько в бедности рудоносных жил и в отсутствии квалифицированных инженерных кадров, планомерности работ, как указывала особая следственная комиссия, сколько в самой сущности капиталистического метода хозяйствования. Все крупные ученые, инженеры России неизменно отмечали богатство этого горного края. Но рудоносные жилы разрабатывались хищнически, поверхностно.

Промышленница Романова, начиная с 1912 г., широко развернула работу на руднике «Эльбрус». Первая мировая война позволила Романовой нажить огромные деньги. Главной причиной задержки производства свинца и цинка на руднике «Эльбрус» было ее желание получить в кратчайший срок больше прибыли. Для достижения этой цели она при помощи ссуды от военных властей подготовила рудник к работе. Однако условия контракта на поставку свинца и цинка не выполнялись.

По контракту Романова должна была поставлять свинец по 3 руб. 9 коп. за пуд, цинк — по 5 руб.,

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 181.

² Там же, л. 185.

тогда как в то же время на рынках царское правительство покупало такие металлы соответственно по 14 и 20 руб. за пуд¹. Подготовив рудник в техническом отношении, Романова не начинала производства, выжидая наступления подходящего момента, чтобы поставить вопрос о получении большей прибыли. Однако первая мировая война затянулась, поэтому Романова решила продать рудник московским капиталистам братьям Кузнецовым и Ганшину, которые стремились к той же цели, что и она. По представлению Комитета Министров Николай II 29 декабря 1916 г. разрешил передать рудник «Эльбрус» братьям Кузнецовым и Ганшину, которые учредили особое паевое товарищество. Московские капиталисты внесли в казну более 918 тыс. руб., т. е. сумму, равную выданной в свое время в виде ссуды Романовой². Таким образом, правительство вернуло все деньги, выделенные для развития рудника.

Кузнецовы и Ганшин эксплуатировали рудник до Великой Октябрьской социалистической революции и в период временной оккупации белыми территории Карачая и Черкесии. С изгнанием белогвардейцев рудник был национализирован и перешел в руки трудового народа.

2. Значение рудника «Эльбрус» в жизни коренного населения и положение рабочего класса

Несмотря на неудачи в эксплуатации рудника «Эльбрус», он имел огромное значение для народов Баталпашинского отдела, в особенности для карачаевского народа. С самого начала основания рудника трудовое население Карачая впервые получило возможность ближе познакомиться с промышленным производством, русским рабочим классом, с передовыми представителями революционно-демократи-

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 13, оп. 12, ед. 375, л. 3.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 203.

ческого движения. Карачаевцы, осетины и горцы других национальностей совместно работали на руднике, что, естественно, способствовало формированию рабочего класса из местных народов.

В 1891 г. на руднике «Эльбрус» работал конторщиком основоположник осетинской революционно-демократической литературы Константин Леванович Хетагуров, который был выслан в Карачай за революционно-демократическую деятельность. Работая здесь, К. Хетагуров пропагандировал среди рабочих революционно-демократические взгляды, призывал бороться с эксплуататорами.

В 1892 г. в журнале «Север» были опубликованы рисунки Косты Хетагурова, показывающие процесс изнурительного труда рабочих, их жилищно-бытовые условия. На рисунках запечатлены рабочие-шахтеры «Тохтаул-Чалгана», первобытным способом (молотком) отбивающие от породы рудную массу и столь же примитивным образом доставляющие ее на переработку; землянки для отдыха шахтеров после изнурительного рабочего дня.

1892 г. К. Хетагуров так писал о тяжелом труде и жизни рабочих рудника:

...Тохтаул-Чалган не в силах
Вдохновить певца,—
Здесь толкуют лишь о жилах
Меди и свинца...
Боже! Что у нас за печи,—
Дым стоит столбом!
Точно здесь осада Керчи,—
Выстрелы и гром
Беспрерывной канонадой
В разных «номерах»
Потрясают все громады
Скал, внушают страх...
Не ведет Кубань седая
Песню про любовь,
А шумит, орет как злая,
Старая свекровь.

Вот вам общая картина
Нашего житья —
Пожалейте ж осетина
Бедного, друзья!¹

Вместе с К. Хетагуровым на руднике в это время служащим работал Ислам Пашаевич Крымшамхалов, художник, просветитель и общественный деятель Карачая. И. Крымшамхалов говорил карачаевцам о необходимости правильной эксплуатации недр, богатства которых скрыты в горах Карачая.

И. П. Крымшамхалов принимал активное участие в исследовании рудных жил рудника, помогая профессору И. В. Мушкетову, проводившему геологические изыскания в Карачае. В газете «Северный Кавказ» он опубликовал статью «Новое богатство Карачая», в которой, пропагандируя богатства гор Карачая, отмечал необходимость их разумного использования.

Работа К. Хетагурова и И. Крымшамхалова на крупном предприятии добывающей промышленности Карачая, где выковывались национальные отряды рабочего класса из коренных национальностей, имела большое значение.

После образования акционерного общества «Эльбрус» там работало более 200 горнорабочих, в их числе было много осетин, карачаевцев и представителей других коренных народностей Баталпашинского отдела.

Первоначально акционерное общество вынуждено было пригласить опытных рабочих-осетин из Алагирского серебро-свинцового рудника, которые были хорошо знакомы с горнозаводским делом. В 1894 г. 500 рабочих из Алагирского рудника изъявили желание работать в Карачае². Для них была построена 21 землянка, три казармы, два барака с нарами. В этих наскоро сколоченных, сырых, хо-

¹ Коста Хетагуров. Собрание сочинений в пяти томах, т. 2, М., 1960, стр. 59—60.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2244, л. 22.

лодных помещениях рабочим после изнурительного труда приходилось отдыхать на нарах, покрытых соломой.

Постепенно, с разворачиванием работ на руднике, увеличивалось и число рабочих. Однако строительство новых жилых помещений не производилось. К началу 1895 г. в тех же землянках, казармах и бараках вместо 200 уже проживали более 788 рабочих¹. Сортировкой руды занималось более 100 мальчиков-карачаевцев из соседних аулов, которые ютились в специальном детском бараке. Прилив рабочих в последующие годы все время увеличивался, однако администрация не принимала мер для создания необходимых жилищно-бытовых условий. Рабочие получали мизерную плату за изнурительный труд. В большинстве случаев заработная плата не выплачивалась месяцами, а то и годами. К 1917 г. акционерное общество задолжало рабочим рудника в общей сложности 72 тыс. руб.² Оно отказывалось платить заработную плату, ссылаясь на отсутствие средств. Тогда из 270 человек, не получивших жалованья, 70 человек с петицией были отправлены в Петербург, где находилась контора администрации рудника «Эльбрус».

После бесконечных отказов администрации рудника представители рабочих пытались вручить петицию самому царю. Вот что писал по этому поводу главноуправляющий канцелярией императора Министру финансов С. Ю. Витте: «Бывшие рабочие свинцово-цинкового рудника «Эльбрус» неоднократно обращались в текущем году к государю императору. Им было разъяснено, что они должны защищать свои права в судебном порядке. Ныне от бывших рабочих поступило новое прошение, что 7-месяцев тому назад они в числе 70 человек, распродав свое имущество, пришли в Петербург для ходатайства по их делу...

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66, ед. 2217, л. 162.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 66 ед. 2436, л. 42.

...Уже продолжительное время в местах резиденции государя императора, настоятельных и неоднократных попыток подать лично Его Величеству по их делу прошение...»¹

Попытки рабочих рудника таким путем получить причитающуюся им заработную плату были безуспешными. Рабочие обращались к Министру финансов, Государственному министру земледелия и государственных имуществ и Министру внутренних дел, однако все было безрезультатно.

Нельзя без волнения читать второй документ, обличающий капиталистическую систему. Осетины братья Андрей и Соломон Агузаровы из Садонского прихода Владикавказского округа обратились к министру внутренних дел со следующей просьбой:

П р о ш е н и е

Будучи нанятыми уполномоченными общества «Эльбрус», мы точно и добросовестно исполняли принятые на себя обязательства в надежде правильного с нами, по условию, расчета и обеспечения тем самым куском хлеба оставшихся на родине наших семейств. Между тем, отдавая по различным причинам, своевременно не выплачена задолженность первому — 1007 руб. 58 коп. и последнему — 850 руб. 80 коп. ... Продав последнее имущество, мы явились с жалобой в Главное управление этого общества, находящееся в С.-Петербурге, но последнее умышленно затягивает расчет.

Мы живем в С.-Петербурге с 28 марта, истощив на пропитание весь скудный запас наших средств... Лишенные средств возвратиться на родину, мы обрекаем себя и оставшихся в горах без куска хлеба, семьи наши обречены на нищенство или даже на голодную смерть.

10 мая 1897 года²

¹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 24, ед. 148, лл. 147---148.

² ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 24, ед. 148, л. 129 (орфография подлинника).

Несмотря на настойчивые требования рабочих рудника в самых высших инстанциях царской администрации, они не получали причитавшейся им заработной платы.

Однако рабочие не падали духом. Они верили в счастливое будущее народа и смело боролись за него. В 1897 г. в журнале «Жизнь» была опубликована повесть писателя Н. А. Рубакина «Эльбрус», где он описал несгибаемый дух и уверенность рабочих рудника «Эльбрус» в своем будущем. «Проходя через толпу грязных, оборванных рудокопов,— пишет он,— я здесь и там встречал замечательные выразительные, смелые, энергичные лица, не помнящие даже голодом и нуждой... Кое-кто сидел и читал книжку: иные читали вслух, другие слушали, и по лицам всех этих читателей было видно, что они многое ищут, много ждут, чего и не снится ни пухлому Ивану Петровичу, ни холодному Эльбрусу... В этих людях чувствовалась какая-то сила, такая сила, которую если не покорил царь-голод, то не знаю, кто может покорить...»¹

{В годы, когда рудник был законсервирован, сторожа, охранявшие его, также не получали заработной платы.} Кавказовед А. И. Дьячков-Тарасов, посетивший рудник, приводит следующие высказывания сторожей: «Ждем, все не уходим, чайком да хлебом пробаваемся, форельки наловим, накопим, тем и живем»². Администрация четырем сторожам вместо зарплаты высылала по два пуда ржаной муки в месяц.

Как уже отмечалось, из заключенных от имени карачаевского народа договоров вытекало, что владельцы рудника обязывались платить за эксплуатацию месторождения 10—11 тыс. руб. каждый арендный год. Эти средства должны были расходоваться на содержание школ в Карачае. Что же получилось на самом деле? Первый владелец рудника «Эльбрус», инженер Томашевский, вначале платил

¹ «Жизнь», 1897, № 34—36, стр. 314.

² А. И. Дьячков-Тарасов. Указ. ст., стр. 102.

арендную плату, но с переходом рудника к акционерному обществу «Эльбрус» эта плата прекратилась. Начались тяжбы между карачаевцами и акционерным обществом (впоследствии администрацией рудника), которое отказывалось платить арендную плату.

Убедившись в невозможности получить арендную плату за свинцово-цинковые месторождения, представители карачаевского народа в 1902 г. были посланы в Петербург для взыскания арендной платы или для расторжения заключенных договоров. После долгих разбирательств администрация рудника «Эльбрус», под угрозой расторжения договора, боясь потерять вложенные средства, вынуждена была пойти на уступки. Однако она расплачивалась в основном акциями и векселями. Как известно, в годы консервации и перехода рудника «Эльбрус» к английскому акционерному обществу эти акции и векселя никакой пользы принести не могли. Таким образом, задолженность акционерного общества с каждым годом возрастала.

В результате до перехода рудника к Романовой администрация акционерного общества задолжала карачаевскому народу большую сумму денег. А Романова отказалась выплачивать долги бывшего акционерного общества¹. Таким образом, заключенные от имени карачаевского народа договоры оказались фактически пустой формальностью. Арендная плата выплачивалась, как видно, очень редко, и то акциями и векселями. Средства на развитие школ в Карачае не выделялись.

Согласно договорам, доверенные карачаевского народа имели право вести учет и контроль на месте выработки и вывоза свинцово-цинковых руд. Однако владельцы рудника не допускали такого контроля.

Попраание интересов целого народа были вынуждены отмечать даже представители царского чинов-

¹ ГАКК, ф. 449, оп. 12, ед. 4, л. 21.

ничества. Один из членов комиссии назначенный временным генерал-губернатором Кубанской области и Черноморской губернии, инженер Юшкин, в своем докладе писал, что «контракты заключены... с похищением интересов карачаевского народа, получающего всего 11000 рублей в год (старое общество «Эльбрус» до сих пор не выплатило по вексялям)... карачаевцы же в лице своих доверенных совершенно бессильны перед арендаторами, над фактическими действиями которых никакого контроля нет. В интересах целого народа и развития горнопромышленности было бы желательно урегулирование и этого дела»¹.

Царское правительство и не думало защищать интересы карачаевского народа. В то время в Карачае было 12 школ, из них 11 начальных². Как правило, в этих школах обучались дети горской верхушки и зарождающейся национальной буржуазии.

Но жизнь постепенно учила народ самому защищать свои интересы, бороться за свое будущее. Немалую роль в этом сыграл рудник «Эльбрус».

Подлинной школой подготовки кадров национального рабочего класса в Карачае и Черкесии рудник «Эльбрус» стал в годы первой мировой войны. Русские, осетины, карачаевцы и представители многих других народностей Кавказа под руководством передового русского пролетариата приобщались к экономической и политической борьбе с администрацией рудника и царизмом.

Революционное движение в Карачае и Черкесии не получило широкого развития в результате мобилизации наиболее революционной части рабочих рудника и других промышленных предприятий в армию. В начале империалистической войны все промышленные предприятия в основном были укомплектованы крестьянами, которые были больше

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 242—243.

² К. Т. Л а й п а н о в. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971, стр. 12.

привязаны к частной собственности и на первых порах менее революционны.

В такой обстановке большевики во главе с Григорием Чучулиным вели на руднике большую работу, пробуждая классовое самосознание крестьян и рабочих, вдохновляя их на борьбу с капиталистами и царизмом. Этому в немалой степени способствовало жестокое отношение администрации рудника к рабочим.

О неимоверно трудных условиях работы и жизни горняков красноречиво говорят документы, составленные комиссиями, которые в разное время обследовали рудник. Самые высокопоставленные чиновники признавали зверское отношение владельцев рудника к рабочим. Помощник по гражданской части, наместника Кавказа генерал-лейтенант князь В. Орлов, в докладе министру торговли и промышленности, морскому, военному министрам, писал: «...брань самыми отборными площадными словами, угроза заряженным револьвером, иногда кулачная расправа и даже лишение свободы, были на рудниках и заводе явлением обыденным. На руднике были даже изготовлены кандалы для неповинующихся рабочих. Рабочих увольняли без всякого предупреждения и буквально выгоняли за ворота завода, не стесняясь времени дня и ночи, не считаясь ни с погодой, ни с их семейным положением... Многие рабочие сами бежали с рудников и заводов, спасаясь от насилия над ними...»¹

Признавая жестокое отношение В. Ф. Романовой к рабочим, царские власти вынуждены были провести специальное расследование. Временный генерал-губернатор Кубанской области и Черноморской губернии для расследования положения на руднике направил специальную комиссию в составе начальника Кубанского областного жандармского управления полковника Белинского, атамана Баталпашинского отдела полковника Кривцова и областно-

¹ ЦГИЛ ГрССР, ф. 13, оп. 12, ед. 375, л. 3.

го горного инженера Юшкина. Члены комиссии представили рапорты, раскрывавшие нечеловеческое отношение администрации рудника к рабочим. Полковник Белинский доносил следующее: «...Удаление без предупреждения с работы, не стесняясь времени дня и ночи, как равно погоды и семейного положения служащих, которых с их имуществом и семьями, в прямом смысле слова, вышвыривали за ворота завода под открытое небо, при условии полного отсутствия вблизи каких бы то ни было частных жилых построек и средств передвижения настолько взвинтило нервы рабочего люда этого рудника, что трудно было бы ожидать какой-либо продуктивности в работе. Многие из рабочих сами по себе бросали работу и уходили с рудника во избежание насилия над ними... Казалось бы, можно было бы эту железную, с грубым произволом, дисциплину хотя отчасти смягчить известными жизненными удобствами, но и тут рабочие не получали полного удовлетворения, так как жить им приходилось в барачного типа постройках, с совершенно прозрачными стенами, не изолирующими в надлежащей степени семейных от холостяков и недостаточно теплых в холодное время»¹.

Несмотря на предупреждение высокопоставленных комиссий, жестокое отношение администрации к рабочим продолжалось. Князь Орлов, обращаясь к министру торговли и промышленности, морскому и военному министрам и главнокомандующему войсками, сообщал им о жестокости руководителей акционерного общества. Правда, Орлов руководствовался отнюдь не гуманными соображениями, а стремлением устранить причины непродуктивности работы серебро-свинцового рудника, который должен был поставлять продукцию для ведения империалистической войны. Орлов просил министров принять энергичные меры для нормализации поставок свинца и цинка.

¹ ГАКК, ф. 449, оп. 12, ед. 4, л. 2—4.

«Высокая» следственная комиссия, созданная правительством, установила, что с 1 января по 1 августа 1916 г. было принято 447 рабочих, из них уволено 240, т. е. 54%. Из 176 поступивших на работу в 1915 г. русских рабочих осталось 69, а из поступивших еще раньше — всего 7¹.

На основании всех собранных сведений и данных правительственная комиссия пришла к выводу, что «режим следует признать довольно суровым»². Она указала «на желательность... улучшений в этой области, особенно в отношении нар, на которых спят рабочие, а также необходимости установления для каждого отдельного дома и для каждой отдельной казармы предельного числа рабочих могущих быть в них помещены»³.

Констатируя необеспеченность предприятия квалифицированными кадрами, комиссия отметила невозможность привлечь рабочих из центральных районов России, по крайней мере до окончания империалистической войны, и предложила администрации рудника набрать «рабочих из близлежащих селений, улучшив землянки и специальные казармы, построенные для рабочих-карачаевцев»⁴.

Несмотря на все указания комиссии, положение рабочих оставалось прежним. Администрация и присланный для ведения порядка Виридарский были оставлены «учитывая требования военного времени». Комиссию интересовало не положение рабочего класса на руднике, а причина задержки поставок свинца и цинка для ведения империалистической войны. Прекрасной иллюстрацией этому может служить тот факт, что правительственная комиссия обвинила комиссию, которую возглавил начальник областного жандармского управления полковник Белинский, в том, что она «сочла нужным вести свое следствие в тоне непозволительно грубом в отноше-

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 194.

² Там же, л. 194.

³ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 194.

⁴ Там же, л. 193.

нии к заводууправлению и вряд ли тактичном, занескивающем, вплоть до рукопожатия с рабочими»¹.

Рабочие выступали против произвола администрации, устраивали забастовки. Передовые рабочие, приехавшие из центральных районов России, вели агитацию среди слесарей, машинистов, кочегаров и других рабочих, объясняя необходимость сочетания экономической и политической борьбы.

В рапорте начальнику областного жандармского управления инженер рудника «Эльбрус» М. Кох отмечал «гласное и дерзкое высказывание надежды на возможность добиваться от нас непомерного повышения жалования» и «беспокойную агитацию между слесарями, машинистами и кочегарами»². Выступление рабочих против администрации особенно усилилось со второй половины 1915 г. М. Кох 2 февраля 1916 г. доносил, что «с сентября 1915 г. по январь 1916 г. — длинный ряд внезапных отказов от работы то отдельными лицами...то даже малыми группами» — неизменно имеющих целью отразить разом «какую-нибудь отрасль установок»³. Далее М. Кох сообщал, что он направил специальный доклад Горному департаменту, чтобы приняли «строжайшие» меры (для) обуздания разнузданной массы»⁴.

Борьба русских рабочих с администрацией рудника способствовала развитию пролетарского самосознания и среди рабочих-горцев. Следуя примеру русских пролетариев, под непосредственным их руководством карачаевские рабочие смело выступали против владельцев рудника. М. Кох доносил, что «3 декабря 1915 г. в чрезвычайно дерзкой форме происходит забастовка 80 человек карачаевцев-рабочих...это является уже четвертым незаконным действием карачаевцев с мая 1915 года по отношению к предприятию»⁵. Забастовка карачаевцев про-

¹ ЦГИА ГрССР, ф. 13, оп. 12, ед. 375, л. 31 об.

² ГАКК, ф. 449, оп. 12, ед. 4, л. 2—4.

³ Там же, л. 81.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК, ф. 449, оп. 12, ед. 4, л. 80.

исходит и 4 декабря 1915 г. В другом документе мы читаем: «...бросили внезапно работу около 80 карачаевцев утром 4.XII, потребовали за 8 часов работы новысить плату им вместо платимых 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 75 коп.»¹

Таким образом, карачаевцы решительно выступили против эксплуатации и эксплуататоров, в частности против владельцев рудника «Эльбрус».

О большой агитационной работе, которую вели рабочие, прибывшие из Петрограда, говорил в своем показании следственной комиссии тот же М. Кох: «...самыми необузданными рабочими и вообще нетерпимыми на руднике, обыкновенно являлись привозные, уже распропагандированные мастера из Петрограда, а также местные карачаевцы»². Присланный из Главного артиллерийского управления для наведения порядка П. М. Виридарский заявлял: «ознакомившись с рабочим элементом рудника, состоявшим частью из местных карачаевцев, частью из беглецов и частью выписанных из России, уже распропагандированных рабочих... я понял, что только твердой и строгой дисциплиной можно подержать на руднике порядок»³.

Администрация пыталась наводить «порядок» своими методами. Рабочие рассказывали комиссии, что за отказ работать Виридарский «гонялся за ними с обнаженной шашкой «и винтовкой»⁴. Однако решимость рабочего класса бороться за свои права не смогли сломить ни угрозы, ни насилие. Участились случаи отказа работать на руднике. По этому поводу администрация рудника сообщала следующее: «...в первый же вечер устроили столкновение со стражей и пообещали нам перерезать здесь горло». Из этих 40 человек оказались действительно рабочими не более десятка. Остальные дезертиры и не желавшие работать, оказался один 6 раз (подчеркнуто в

¹ ГАКК, ф. 449, оп. 12, ед. 4, л. 33.

² Там же, л. 23.

³ Там же, л. 31.

⁴ Там же, л. 19.

документе — Т. Р.) отбывавшим тюремное заключение за организацию забастовок — все удалены»¹.

Администрация рудника, чтобы ослабить революционное движение, нередко применяла излюбленную тактику царизма: противопоставление одного народа другому и поощрение «покорных». Таким путем она пыталась разобщить силы пролетариата. Администрация издала приказ, который гласил, что «на высшую плату из чернорабочих могут рассчитывать только те, которые хорошо понимают русский язык, будут особенно одобрены заведующими работами...те же карачаи, которые будут исправно работать на специальных работах в качестве разных мастеровых, будут получать вознаграждение наравне с русскими»².

Карачаевским рабочим администрация рудника платила за 8-часовую смену 1 руб. 25 коп., за 10-часовую смену — 1 руб. 56 коп. — меньше, чем русским рабочим. Таким путем администрация надеялась противопоставить друг другу представителей рабочего класса разных народов. Однако на деле случилось другое. Рабочие рудника единым фронтом выступили против общего врага-эксплуататоров.

Процесс роста революционного сознания горцев хорошо описан в романе карачаевского писателя Хасана Аппаева «Черный сундук»³. Писатель в художественной форме раскрыл роль русского рабочего-революционера Остащенко в формировании революционного мировоззрения карачаевских рабочих рудника и всего Карачая.

Рабочие рудника требовали выплаты задолженности, улучшения условий труда. Экономические требования сочетались с политическими требованиями: равенства в положении рабочих разных национальностей, в частности равной оплаты за равный труд. Рабочие отказывались выполнять военные за-

¹ ГАКК, ф. 449, оп. 12, ед. 4, л. 86.

² Там же, л. 95.

³ Х. А. Аппаевы. Къара кюбюр. Микоян-Шахар, 1937.

казы. Имея в виду политический характер выступлений рабочих, министр торговли и промышленности отмечал, что «состав рабочих качественно ныне вообще резко ухудшился»¹. Большевистски настроенные рабочие, приехавшие из Петрограда, разъясняли ленинскую политику в отношении империалистической войны. Они объясняли, почему партия большевиков под руководством В. И. Ленина выступает за поражение России в мировой империалистической войне, тем самым популяризируя ленинский план превращения империалистической войны в войну против царизма и феодально-капиталистической системы. Под непосредственным воздействием агитационно-пропагандистской работы, пролетарии выступали против администрации, которая выполняла военные заказы.

Администрация была вынуждена обратиться к военным властям с просьбой прислать военнопленных для продолжения работ. В 1915 г. для работы на руднике прибыла первая партия военнопленных в количестве 200 человек, а в следующем году было направлено еще 400 военнопленных турок, однако в связи с эпидемией тифа они были отправлены назад². Администрация рудника продолжала доказывать необходимость присылки военнопленных, и их численность впоследствии превысила 500 человек.

В результате агитационной работы передовых рабочих среди военнопленных, работавших на руднике, некоторые из них начали выступать против администрации. 2 февраля 1916 г. 30 военнопленных устроили забастовку в знак протеста против жестокого отношения к ним представителей администрации³. Рабочим-военнопленным разъясняли, что рудник работает для удовлетворения нужд империалистической войны. Боясь воздействия пропаганды, администрация рудника была вынуждена отослать

¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 63.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 382, л. 58.

³ ГАКК, ф. 449, оп. 12, ед. 4, л. 66.

часть рабочих-военнопленных обратно в лагерь¹. Стремясь ослабить совместные выступления рабочих и военнопленных, администрация сеяла рознь между рабочими разных национальностей. Однако передовые рабочие, хорошо понимавшие эту тактику, призывали к сплочению сил, к выступлению единым фронтом против администрации.

В феврале 1917 г. рабочий класс России сверг царское самодержавие, однако плодами революции воспользовались капиталисты и крупные землевладельцы. Они сформировали Временное правительство, которое продолжало антинародную политику царизма, хотя и в завуалированном виде, и продолжало вести империалистическую войну.

В Баталпашинском отделе был создан Гражданский комитет во главе с эсером А. Белоусовым. Лидер эсеров Баталпашинского отдела всемерно поддерживал и проводил в жизнь политику Временного правительства.

Рабочие рудника восторженно встретили свержение царизма и сразу же создали Совет рабочих и солдатских депутатов², который сыграл свою роль в перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Группа рабочих рудника, руководимая большевиком Г. Чучулиным, продолжала разъяснять населению антинародный характер Временного правительства и продолжающейся империалистической войны.

Под руководством Г. Чучулина на руднике был создан первый на территории Карачая и Черкесии профессиональный союз, который защищал интересы рабочего класса, боролся за улучшение их жизненных условий и увеличение заработной платы. Профессиональный союз проводил большую работу по разоблачению эсеровских и кадетских программ. Он сыграл огромную роль в освобожде-

¹ ЦГИЛ СССР, ф. 37, оп. 77, ед. 387, л. 196.

² «По ленинским заветам». Черкесск, 1970, стр. 36.

нии части рабочих и крестьян Карачая и Черкесии от эсеро-кадетского влияния¹.

Благодаря большой агитационной работе большевиков, рабочие продолжали выступать против владельцев рудника, доставляющих свинец для ведения братоубийственной войны. Указывая на это, управляющий рудником Клопов и инженер Дютель телеграфировали А. Белоусову, что «спокойная плодотворная работа стала почти невозможна, так как было бы грехом (перед— Р. Т.) Родиной оставивать работы...»²

Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно уничтожила эксплуатацию и гнет, вернула богатства недр трудовому народу. Рудник «Эльбрус» после Великой Октябрьской революции стал принадлежать всему трудовому народу, который использует его в интересах построения коммунизма в стране Советов.

¹ «По ленинским заветам». Черкесск, 1970, стр. 32.

² ГАКК, Ф. Р. — 1259, оп. 1, ед. 2, св. 2, л. 60.

Г Л А В А III.

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

1. Зарождение кустарной промышленности в казачьих станицах

Развитие кустарной промышленности Карачая и Черкесии было связано со становлением капиталистических отношений в России. Начиная с 60-х годов XIX в., усилился процесс колонизации территории Карачая и Черкесии. За четыре года (1858—1861) здесь были основаны станицы Зеленчукская, Кардоникская, Исправная, Удобная, Преградная, Джегутинская, Сторожевая и др. В дальнейшем число станиц в Закубанском крае росло с немовой быстрой: в 1861 г. было основано 28, в 1863 г. — 22 и в 1864 г. — 52 поселения¹.

Колонизация территории Карачая и Черкесии крестьянами из южных районов России способствовала появлению первых кустарных предприятий, основанных на наемном труде. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» писал: «Рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа и усиленного роста его земледельческого населения шел также (прикрываемый этим ростом) процесс

¹ В. П. Невская. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956, стр. 86.

отвлечения населения от земледелия к промышленности»¹,

Увеличение населения Карачая и Черкесии и возросшие потребности жителей в сельскохозяйственном сырье и строительных материалах способствовали появлению в первую очередь предприятий по обработке этого сырья и строительных материалов.

Говоря о влиянии переселившихся на окраины России мелких промышленников и ремесленников на развитие местной промышленности, В. И. Ленин отмечал: «Центральные местности страны, обладающие вековой промышленной культурой, помогли таким образом развитию такой же культуры в начинающихся заселяться, новых частях страны. Капиталистические отношения (свойственные...и мелким крестьянским промыслам) переносились таким образом на всю страну»². Это положение полностью подтверждается на примерах Карачая и Черкесии. Именно переселенные крестьяне и кушцы начали создавать там первые кустарные заведения по обработке сельскохозяйственного сырья и строительных материалов.

Первое кустарное предприятие было основано переселенцем из Центральной России мещанином М. Портышевым в 1863 г. в станице Баталпашинской. Его салотопенный завод помещался в «турлучном сарае» и производил в год 500 пудов жира на сумму 2300 руб.; на заводе трудились пять вольнонаемных рабочих³.

В последующие годы в той же станице возникают новые предприятия такого же типа, принадлежащие А. Погорелову и Я. Юрченко. Эти заводы производили в течение года до 1 тыс. пудов жира каждый на сумму до 3 тыс. рублей и обслуживались 6 вольнонаемными рабочими⁴. Сырье достав-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., том 3, стр. 595.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 336—337.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 9, л. 73.

⁴ ГАКК, ф. 668, оп. 1, ед. 730, л. 93—94.

лялось населением соседних аулов и станиц. Появление салотопенных заводов способствовало увеличению экономических и культурных связей между переселенцами и местными жителями.

Массовое переселение крестьян и в результате широкое строительство домов и других сооружений способствовало увеличению потребностей в строительных материалах. Это было на руку первым промышленникам, и они, используя дешевый наемный труд только что освобожденных крестьян, основывали свои заводы. Первый кирпичный завод был основан в 1869 г. в ст. Баталпашинской Емануелем Ариорианцом. Этот завод выпускал в сезон до 300 тыс. кирпича на сумму 2 тыс. рублей. Обслуживали завод восемь вольнонаемных рабочих и сам хозяин¹.

Кирпичные заводы Кондратия Уклейна и Семена Крикуна, возникшие в последующие годы, были еще более мелкими предприятиями. Их производительность составляла до 7 тыс. сырца и 1 тыс. жженого кирпича в месяц. Оба завода обслуживались 10 рабочими². Начиная с 1873 г. производительность кирпичных заводов в отделе увеличивается. Ежегодно завод Ариорианца выпускал до 60 тыс. кирпичей, завод Уклейна — 40 тыс., а Крикуна — до 95 тыс³. Однако, несмотря на увеличение выпуска продукции, число рабочих оставалось неизменным. Рост производства происходил в результате интенсификации их труда.

В последующие годы в отделе шел процесс увеличения числа кирпичных заводов. По имеющимся данным, в 1895 г. в отделе действовали 20 кирпичных заводов, на которых работал 61 вольнонаемный рабочий.

Характерно, что в эти годы процесс увеличения продукции шел не за счет укрупнения кирпичных за-

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 9, л. 74.

² Там же.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 17, л. 44—46.

водов путем поглощения более мелких, а за счет появления новых мелких заводов. Это было прямым следствием слабости развития капиталистических отношений в Баталпашинском отделе, отсутствия конкуренции, наконец, малой емкости рынка.

С начала XX в., в результате повышения уровня развития капиталистических отношений, многие мелкие заводы, не выдержав конкуренции, перестают существовать. Вместо них появляются крупные кирпичные заводы с большим числом рабочих. Так, в 1901 г. в Баталпашинском отделе было 20 кирпичных заводов с 86 рабочими, а в 1910 г. — 15 заводов со 162 рабочими¹. Процесс сокращения числа кирпичных заводов происходил в результате разорения мелких предприятий. Этот процесс особенно ускорился в годы первой мировой войны. Многие рабочие были мобилизованы. Из-за нехватки рабочей силы заводы прекращали свою деятельность. Таким образом, в 1914 г. в отделе действовали всего 6 заводов с 58 рабочими, производивших продукции на 35 тыс. рублей².

В годы первой империалистической войны производство продукции на кирпичных заводах увеличилось. Этому способствовал рост цен на рынках, а также рост спроса.

Техническая вооруженность кирпичных заводов отдела была очень примитивной. Каждый завод имел не более одной-двух кирпичных печей и не более трех станков. Заводы помещались в простых сараях, крытых соломой или камышом. Весь процесс приготовления кирпича производился ручным способом, обжиг проходил в примитивных печах, топившихся соломой.

¹ «Отчет начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1910 г. Екатеринодар, 1911. Ведомость № 16 (далее «Отчет начальника Кубанской области»).

² «Отчет начальника Кубанской области за 1914 г.» Ведомость № 16.

Продукция заводов скуналась жителями станиц и аулов. Жженный скирпич стоил от 7 до 12 руб. за 1 тыс. шт., а сырец — 4 руб.

Начиная с 70-х годов XIX в. широкое развитие получили в отделе предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья. Кустарные предприятия по обработке сельскохозяйственных продуктов существовали у жителей Баталпашинского отдела давно. Однако все они обслуживались самими владельцами, без применения наемной рабочей силы.

Начиная с конца 60-х годов на некоторых маслобойных, шерстобитных, винокуренных и других предприятиях начинает применяться наемный труд. В 1869 г. в ст. Баталпашинской был пущен маслобойный завод Степана Шапошникова. Технология производства на заводе была примитивной. Масло добывалось из льняных и конопляных семян путем «прессования с тремя камнями». Механизм приводился в движение лошадьми. Измельченные семена жарились в чугунном котле и шли под пресс. Завод выпускал ежегодно до 600 пудов масла, на сумму 3,6 тыс. руб.¹ Обслуживали завод шесть рабочих.

В 1872 г. возникает второй маслобойный завод, принадлежавший купцу второй гильдии Ивану Кучкину. Производительность этого завода была еще меньше: в первом году — 300 пудов масла на сумму 2,1 тыс. руб. Число рабочих на заводе не превышало семи человек².

Наряду с такими заводами в отделе существовали многочисленные маслобойки. В 1877 г. только в Баталпашинской их было пять, но настолько мелких, что в год они выпускали всего по 10—12 пудов масла. Как правило, каждое предприятие обслуживал сам хозяин, оно давало продукцию на 80—110 руб. в течение года³. В 1898 г. в отделе действо-

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 9, л. 72.

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 10, л. 17.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 34, л. 147.

вали 65 маслобоек со 106 рабочими; они производили продукции на общую сумму 23;5 тыс. руб.¹

В начале XX в. наблюдается некоторое сокращение числа и укрупнение маслобоек: в 1904 г. их стало 55 с 107 рабочими. Соответственно увеличилась их производительность. Они давали продукции почти на 80 тыс. рублей².

К началу первой мировой войны в отделе действовала 31 маслобойка с 82 рабочими; продукции производилось почти на 38 тыс. рублей³.

Следовательно, маслобойные «заводы» оставались карликовыми и в большинстве своем работали без применения наемного труда. На них трудилось по 2—3 человека, в основном владелец и члены его семьи. В результате производительность их была очень низкой. Как правило, ни один «завод» не имел технического оборудования, поэтому они не могли превратиться в более или менее крупные капиталистические предприятия. Несмотря на это, маслобойные заведения способствовали увеличению товарности производства, что в свою очередь содействовало накоплению капитала. Увеличение или уменьшение числа маслобойных заведений зависело от наличия сырья, покупательной способности рынка, а также от желания самого хозяина.

Начиная с 70-х годов XIX в. дальнейшее развитие получило производство, связанное с обработкой продуктов животноводства, в частности кожи и шерсти. Первые кожевенные предприятия возникли в станицах Урупской, Отрадной, Исправной, а затем в других станицах отдела. Кожевенный завод купца второй гильдии Гавриила Бакланова в ст. Отрадной в 1878 г. выпускал продукцию на сумму около 5 тыс. руб. В течение года два вольнонаемных рабо-

¹ «Отчет начальника Кубанской области за 1898 г.». Ведомость № 16.

² «Отчет начальника Кубанской области за 1904 г.». Ведомость № 16.

³ «Отчет начальника Кубанской области за 1913 г.». Ведомость № 16.

чих производили 5960 штук подошвы и мягкой кожи — юфти¹. Кожевенные заводы Ивана Коваленко и Ивана Карасева были еще более примитивными и выпускали продукцию на сумму 200—2000 рублей в год².

Несмотря на обилие сырья, доставляемого местным населением, кожевенное производство не заняло в отделе значительного места. С развитием капитализма, ростом фабрик и заводов в Центральной России усиливается приток на окраины империи фабричных товаров, лучшего качества и более дешевых. Фабричные товары все активнее вытесняли местные, более примитивно и грубо приготовленные кустарные изделия. В результате местное производство кожевенных изделий не могло развиваться. Однако существовали кожевенные предприятия, которые восполняли недостаток в фабричном товаре.

Как и в других производствах, в этой отрасли в начале XX в. происходит процесс укрупнения. В 1895 г. в отделе существовало 12 кожевенных предприятий общей производительностью на 3,5 тыс. рублей³, а в 1914 — всего 4; они выпускали продукцию на 165 тыс. рублей⁴. При этом, если в 1895 г. на каждом предприятии работали 1—2 рабочих, то в 1914 г. — 9—10 человек.

Естественно, поступавшие в отдел фабрично-заводские товары все еще не удовлетворяли потребностей населения, в результате спрос на продукцию местных кожевенных заводов и домашней промышленности оставался большим.

Некоторое развитие получили овчинные и шерстобитные промыслы. Обилие сельскохозяйственного сырья способствовало их росту. К 1883 г. в отделе действовали 19 овчинных и 18 шерстобитных пред-

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 4, л. 231—232.

² Там же.

³ «Отчет начальника Кубанской области за 1895 г.». Ведомость № 16.

⁴ «Отчет начальника Кубанской области за 1914 г.». Ведомость № 16.

приятый. В общей сложности на них работали 36 мастеров, 30 рабочих и 3 ученика. За этот же год овчинные предприятия выпустили продукцию на сумму 4,6 тыс. руб., а шерстобитные—на 3,2 тыс. руб.¹

Особенно широкое развитие получили шерстобитные предприятия. В 1903 г. их стало 29 с 496 рабочими. Они производили продукцию на 93 тыс. рублей. Овчинные предприятия (мастерские) оставались более мелкими, их было 27 с 47 рабочими, годовым производством около 10 тыс. рублей².

В период первой русской революции и мировой войны эти промыслы приходили в упадок. В 1911 г. этих предприятий осталось всего 27 с общим производством на 5,7 тыс. руб. в год при наличии 45 рабочих. Шерстобитных стало 16; при наличии 17 рабочих они давали продукцию на 20 тыс. руб.³ В 1915 г. овчинных предприятий было 20 с 42 рабочими и общей производительностью 11 тыс. руб.⁴

Из этих данных видно, что число рабочих сократилось, а производительность росла; это было результатом жестокой эксплуатации рабочих. Продукция шерстобитных и овчинных предприятий употреблялась исключительно для удовлетворения нужд местного населения. Подъем или спад производства зависел от наплыва фабричных товаров из Центральной России. Но хотя приток товаров из промышленных районов возрастал, товары местного производства имели существенное значение для населения.

Бондарные предприятия 70—80-х годов в основном были расположены в станицах Отрадная, Зеленчукская, Кардоникская, Баталпашинская. Изготавливались бочки, кадушки и ведра для нужд населения.

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 171, л. 222.

² «Отчет начальника Кубанской области за 1903 г.». Ведомость № 16.

³ «Отчет начальника Кубанской области за 1911 г.». Ведомость № 16.

⁴ «Отчет начальника Кубанской области за 1915 г.». Ведомость № 16.

Бондарный завод крестьянина Ивана Маклецова в ст. Отрадной в 1879 г. изготовил 500 бочек, 1000 кадушек и 500 ведер. При наличии 7 мастеров завод в течение года произвел продукцию на сумму 5 тыс. рублей¹.

Менее значительными были бондарные заводы Григория Пчевенничева и Тита Кирякова в ст. Урупской. Эти заводы, обслуживавшиеся 2—3 рабочими, в год выпускали в среднем до 200 бочек, 100 кадушек, 100 ведер на сумму (каждый) до 800 рублей².

В 1883 г. в отделе существовали 24 бондарных предприятия; все они принадлежали иногородним. Обслуживали их всего 39 человек³.

В конце XIX в. заметного изменения в этой отрасли промышленности не произошло.

С начала XX в. число бондарных заводов растет. В 1902 г. их стало 45 и они выпускали продукцию на сумму более 16 тыс. руб.; на них был занят 71 рабочий⁴. В среднем каждое предприятие производило продукцию на сумму 300 — 400 рублей⁵.

К 1913 г. число предприятий увеличилось до 57; они производили продукцию всего примерно на 8 тыс. руб., каждое предприятие в среднем на 138 руб. Сокращение производства на бондарных предприятиях было вызвано усилением притока фабрично-заводских изделий. Однако продукция бондарных заводов продолжала восполнять недостаток фабрично-заводских товаров.

Среди винокуренных заводов самым крупным предприятием в 70-х годах XIX в. в Баталпашином отделе был завод в ст. Отрадной. Он принадлежал братьям Сурным и купцу Черкасову. Завод начал действовать в 1871 г. В первый год было выкурено 21 тыс. ведер безводного спирта на сумму

¹ ГАКК, ф. 668, оп. 1, ед. 730, л. 129.

² ГАКК, ф. 668, оп. 1, ед. 730, л. 129.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 171, л. 122.

⁴ «Отчет начальника Кубанской области за 1902 г.». Ведомость № 16.

⁵ Там же.

17,8 тыс. руб. серебром¹. Это единственный завод на территории отдела, который был механизирован и имел паровую установку. Работа производилась «парами и водяными приводами»². Обслуживали завод 130 рабочих, из них 60 горцев³.

Для производства спирта употреблялись рожь, пшеница, ячмень и кукуруза, которые приобретались у жителей Баталпашинского, Майкопского и Кавказского уездов. Продукция сбывалась в Ставрополе, Пятигорске и в других городах Кубанской области. В 1872 г. винокуренный завод увеличил выпуск продукции до 34 тыс. ведер безводного спирта⁴ а в 1878 г. было выпущено продукции на 90 тыс. руб. На заводе работало более 70 рабочих⁵. В последующие годы выпуск продукции все время увеличивался, несмотря на сокращение числа рабочих. Это было вызвано усилением эксплуатации при минимальной затрате средств на заработную плату рабочим. Рабочие получали мизерную плату за непосильный труд, их жизненные условия были очень тяжелыми.

Таким образом, в течение второй половины XIX в. и в начале XX в. в Баталпашинском отделе, куда входили аграрные по своему характеру Карачай и Черкесия, большое распространение получили предприятия, перерабатывавшие продукты сельского хозяйства и изготавливавшие стройматериалы. Увеличение или сокращение числа предприятий находилось в прямой зависимости от обилия продуктов сельского хозяйства, а также от наплыва фабрично-заводских товаров на рынки Баталпашинского отдела.

Мы рассмотрели первые заведения, основанные на капиталистических производственных отношениях, действовавшие в Баталпашинском отделе и попытались проанализировать изменения в них,

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 9, л. 66.

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 9, л. 66.

³ Там же, л. 67.

⁴ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 10, л. 13—14.

⁵ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 4, л. 280.

происходившие до Великой Октябрьской социалистической революции. Перейдем к краткому анализу изменений общего числа промышленных предприятий отдела и описанию более крупных из них.

Согласно отчетным данным, в 1871 г. в отделе существовали 7 мелких предприятий с использованием вольнонаемного труда: 3 кирпичных, 1 салотопенный, 1 маслособойный, 2 винокуренных завода и 1 угольная шахта.

В 1883 г. в отделе действовало 152 мелких промышленных предприятий¹. За короткое время число предприятий увеличилось в двенадцать раз. Появились новые производства: известковые, химические, инструментальные, экипажные и другие. Однако, как и в первые годы, они были мелкими. Среди этих заводов и фабрик (как они именовались до революции — *Т. Р.*) механическим двигателем был оборудован только Отрадненский винокуренный завод. Как правило, эти предприятия обслуживали 2—8 человек.

В дореволюционной статистике в категорию промышленных предприятий входили и маломощные мельницы. В 70—80-х годах, в период резкого роста товарного земледелия, число мельниц заметно увеличилось. В 1883 г. в Баталпашинском отделе существовали 270 водяных, 26 ветряных, 3 конных, 2 паровых мельницы, их обслуживали 406 человек². Территориально мельницы располагались следующим образом: в Урупской — 16, Успенской — 11, в ауле Карамурзинском — 1, всего в девяти станицах и аулах первого участка Баталпашинского отдела было 53 мельницы. Во втором участке отдела — в станицах Попутная, Отрадная, Исправная и других, и в аулах Эрсаконский, Кувинский, Мансуровский, Тохтамышевский, Клычевский, Лоово-Зеленчукский — действовали в станицах 7—10, а в аулах 1—2 мельницы.

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 171, л. 222 (выборочно).

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 171, л. 222.

В третьем участке — в ст. Преградная, Сторожевая, Кардоникская, Зеленчукская, Георгиевско-Осетиновская — действовали 4—12 мельниц. Только в ст. Баталпашинской было 15 ветряных мельниц. В четвертом участке отдела, куда входили аулы Большого Карачая, было особенно много так называемых горских мельниц. В Хурзуке, Карт-Джурте было по 15 мельниц. Всего в участке действовала 141 мельница. Обилие мельниц в аулах Карачая объяснялось не только наличием горных речек с большими водопадами, но и ростом товарообмена между карачаевцами и жителями равнинных районов отдела, специализировавшихся на производстве продуктов земледелия. Таким образом, рост числа мельниц в горских аулах свидетельствует об увеличении товарности животноводства и земледелия. Это явление, несомненно, играло большую прогрессивную роль в развитии капиталистических отношений в горских аулах.

Если исходить из указания В. И. Ленина о том, что можно считать признаком фабрики предприятие с числом рабочих не менее 16, то можно сделать вывод, что до Великой Октябрьской социалистической революции в промышленности Баталпашинского отдела господствовало мелкотоварное производство. Только одно винокуренное предприятие могло называться заводом. Однако, несмотря на незначительный объем продукции, все они служили важным источником накопления местного промышленного капитала. Развитие промышленности в Баталпашинском отделе в рассматриваемый период должно быть отнесено к капиталистическим промыслам: «В пореформенной России, — писал Ленин, — рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двояко: во-1-х, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины; во-2-х, в образовании новых мелких промыслов и расшире-

нии существующих раньше промыслов в местном населении»¹.

Эта ленинская характеристика целиком относится к промышленности Баталпашиинского отдела. В станицах, начиная со второй половины XIX в., развиваются кустарные промыслы. Наглядным примером может служить число фабрик и заводов в станице Кардоникской. В 1893 г. в станице существовали 3 маслобойки с тремя рабочими, причем каждая производила продукцию на 65 руб. в год. На 10 мельницах работали 10 человек, каждая выпускала продукцию на 1600 рублей. И в последующие годы эти предприятия оставались такими же миниатюрными.

В 1898 г. маслобойные заводы станицы выпускали продукцию на сумму 330 руб., т. е. каждая — на 110 рублей. Кроме перечисленных предприятий в станице существовал кирпичный завод, который выпускал в год продукцию на 200—300 рублей при паличии одного рабочего-хозяина².

С развитием капиталистических отношений число промышленных предприятий в отделе росло. В 1895 г. действовали 927 мелких предприятий, производивших продукцию в совокупности почти на 337 тыс. руб. Правда, в категорию заводов и фабрик входили 703 мельницы и молотилки. Кроме них, были маслобойные (59), овчинные (34), шерстобитные (27), бондарные (33), кирпичные (20), известковые (12) и другие предприятия³. Это свидетельствует о том, что в середине 90-х годов мелкая промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственное сырье, остававшаяся на крайне низком уровне, продолжала еще играть в отделе значительную роль. При отсутствии и здесь крупной промышленности, она помогала связывать сельское хозяйство с рынком.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 336.

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 210, л. 1—17 (выборочно).

³ «Отчет начальника Кубанской области за 1905 г.». Ведомость № 16.

В начале XX в. по-прежнему в отделе существовали сотни мелких и мельчайших заведений по переработке сельскохозяйственного сырья: салотопенные, шерстомойные, кожевенные, мыловаренные, маслобойные и др. Как и ранее, все они были небольших размеров, не имели технического оснащения.

В 1900 г. промышленность Баталпашинского отдела выглядела следующим образом¹:

Предприятия	Число предприятий	Стоимость продукции	Число рабочих
Мыловаренные	2	46 940	33
Кожевенные	15	17 800	30
Кирпичные	21	15 770	50
Кирпично-черепишные	4	2 200	15
Пиво-медоваренные	4	56 500	42
Маслобойные	54	33 482	77
Гончарные	9	725	13
Бондарные	43	7 135	64
Овчинные	28	10 980	37
Шерстобитные	18	1 320	22
Чембарные	7	640	7
Салотопенные	2	1 000	2
Кишечные	1	200	1
Шерстомойные	1	280 740	300
Сыроваренные	5	9 150	17
Мельницы паровые	6	170 500	38
« водяные	275	755 568	343
« ветряные	13	1 830	14
Экипажные	1	2 500	3
Камешпоугольные	1	320	8
Лесопильные	1	11 910	8
Смоло-скипидарные	3	4 400	14
Канатные	1	200	4
Итого:	515	1 431 410	1 146

¹ «Отчет начальника Кубанской области за 1900 г.». Ведомость № 16.

В отделе продолжали действовать сотни мелких и мельчайших заведений по переработке сельскохозяйственного сырья и различные гончарные, известковые, кирпичные предприятия, дававшие ничтожный производственный эффект. Но по сравнению с 80-ми годами в 90-е годы промышленность отдела достигла значительного прогресса, хотя развитие фабрик и заводов в ней было еще в значительной степени связано с аграрным характером экономики и сельскохозяйственными занятиями преобладающего казачьего и горского населения. В силу этого в отдел продолжали ввозить много промышленных товаров из центральных районов империи, а из отдела в города страны отправлялось большое количество продуктов животноводства и земледелия.

Довольно полное представление о территориальном расположении мелкой промышленности дает рапорт начальника Баталпашинского уезда в начале 1883 г. Из 116 предприятий (без мельниц) большая часть находилась в Баталпашинской (8), Суворовской (8), Николаевской (5), Урупской (5), Отрадной (7). В остальных станицах было от 1 до 4 предприятий¹. В отчете не содержится сведений (кроме данных о мельницах) о промышленности горских аулов. Таким образом, мелкие кустарные предприятия были расположены в основном в больших казачьих станицах.

Промышленные предприятия располагались главным образом в русских станицах. Продукты производства перерабатывающей промышленности шли, прежде всего, на удовлетворение местных нужд. Значительная часть товаров обменивалась на продукты животноводства у горцев. Карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы обменивали продукты сельского хозяйства на промышленные товары. Все это способствовало сближению народов, населявших Баталпашинский отдел.

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. 162, л. 60—63.

В официальных отчетах статистические сведения о промышленности даются только по русским станциям. При этом указывается на отсутствие промышленных предприятий на территории горских аулов. В качестве промышленных предприятий в горских аулах перечисляются только мельницы. Согласно отчетным данным, в горских аулах даже не было кузниц. Конечно, это далеко не соответствовало истине. В царской России статистические данные сводились механически, без всякого анализа, отсутствовало четкое определение понятий «завод» и «фабрика», поэтому во всей России эти термины применялись по-разному. «Нет никакого точного определения понятия «фабрика и завод», и потому органы губернской, и даже уездной, администрации применяют этот термин самым различным образом. Нет никакого центрального органа, который бы руководил правильным единообразным собиранием сведений и проверкой их», — писал В. И. Ленин¹.

Об отсутствии серьезного подхода к обработке первичного статистического материала свидетельствуют следующие факты. Согласно отчетным данным начальника Кубанской области, в 1911 г. в отделе было 320 заводов и фабрик с 1635 рабочими; в следующем году число фабрик и заводов увеличилось до 349, а число рабочих уменьшилось до 889 человек². В отчетах дореволюционного периода такие курьезы встречаются сплошь и рядом.

Таким образом, положение в Баталпашинском отделе вполне подтверждало замечание В. И. Ленина о том, «что в число фабрик попадают... мелкие ремесленные, кустарные и сельскохозяйственные заведения, причем *чем дальше мы отступаем от настоящего времени, тем большее число мелких заведений попадает в число фабрик*»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 457.

² Отчеты начальника Кубанской области за указанные годы.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 483—484.

2. Падение местных домашних промыслов и возникновение первых горских промышленных предприятий

Русский капитализм оказал большое влияние на экономикку горских аулов. В Карачае и Черкесии, как и на всем Северном Кавказе, проникновение российского капитализма вело к упадку местного кустарного производства.

Вместе с тем в аулах стали возникать отдельные капиталистические предприятия. Однако сведения о них очень незначительны. Их существование почти не отражено в официальной статистике. Хотя горские аулы входили в состав отдела, но, как уже подчеркивалось, об их мелких ремесленных кустарных и сельскохозяйственных заведениях в отчетах ничего не говорится. Тем не менее в горских аулах работали мелкие ремесленники, кустари по обработке шерсти, кожи и т. д., была развита домашняя промышленность. В карачаевских, черкесских, абазинских и погайских аулах широкое развитие получила обработка шерсти на дому, сукна, бурки, войлок и другие шерстяные изделия находили большой сбыт в соседних станицах отдела, а также в городах Центральной России.

Это в свою очередь способствовало развитию товарных отношений у народов отдела, что означало, как и для большинства колониальных окраин царской России, прежде всего втягивание, по определению В. И. Ленина, «в обмен *товаров*, но еще не в капиталистическое *производство*»¹. Иначе говоря, такие капиталовложения не вели к развитию промышленности, формированию пролетариата и промышленной буржуазии. Но русский капитализм втягивал Кавказ в мировое товарное обращение, создавая рынок для своих фабрик, и проникал туда главным образом в форме торгово-ростовщического капитала. Из Карачая и Черкесии начинает поступать сырье для фабрик и заводов России. По данным

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 35.

начальника Эльбрусского участка Н. Петрусевича, уже в 1867 г. из Карачая было вывезено шерсти в рунах 10,8 тыс. штук. Кроме того, на рынках России была продана 1001 бурка, 1364 локтей сукна, 3446 овчин и козьих кож, 12 башлыков¹.

Изготовление бурок, полстей, войлока и башлыков производилось на дому без привлечения наемного труда. Поэтому данные об этом производстве, несмотря на его рост, не отражались в отчетах.

К 1880 г. только Тебердинский аул сбывал ежегодно до 10 тыс. бурок². Изготовлением изделий из шерсти занимались горянки. В трех аулах Большого Карачая 2,5 тыс. женщины ткали сукно и до 2 тыс. горянок выделывали полсти и бурки.

По данным за 1888 г., в трех аулах Большого Карачая, кроме обработки шерсти, были следующие виды производства (в скобках указано, кто был на нем занят):

- скорняжное (до 1500 женщин);
- приготовление ремней (300 мужчин);
- кожевенное (1200 мужчин и 500 женщин);
- кузнечное и слесарное (6 мужчин);
- серебряных дел мастера (12 мужчин);
- плотничное (150 мужчин);
- выделка корыт (50 мужчин)³.

Простой перечень кустарных промыслов в карачаевских аулах показывает относительную слабость развития домашней промышленности. Да и сам автор приводимых данных отмечает, что «все эти производства, кроме выделки корыт, кустарного характера не имеют»⁴.

Среди жителей Черкесии промысловые занятия также не получили широкого развития. В ауле Тохтамыш и поселках Балтинском, Ураковском и Мансуровском работали всего три кузницы. Кузне-

¹ См. В. П. Невская. Карачай в пореформенный период (выборочно), стр. 139–140.

² СМОМПК, вып. VIII Тифлис, 1889, стр. 221.

³ Там же, стр. 229.

⁴ Там же.

цы изготовляли для жителей топоры, плуги, лемехи, ножи. А шерстяным производством здесь занимались только для собственных нужд¹.

Все это говорит не только о том, что в аулах Карачая и Черкесии отсутствовали заводы и фабрики, но что и существующие традиционные промыслы в связи с проникновением дешевых фабрично-заводских товаров с каждым годом приходили в упадок.

Отсутствие промышленных предприятий в горских аулах Баталпашинского отдела до 80-х годов XIX в. обуславливалось тем, что горцы с покон веков занимались земледелием и скотоводством и в силу господства феодальных отношений с многочисленными патриархальными пережитками все еще презрительно относились к иным занятиям. С ростом капиталистических отношений, с увеличением товарности животноводства, горцы убеждались в выгоде создания промышленных заведений. Первыми строились предприятия по переработке продукции животноводства. Их особенность составляло то, что они принадлежали целым аулам и обслуживались наемными рабочими. Начиная со второй половины XIX в. складываются благоприятные условия для создания маслосыроваренной промышленности в непосредственной близости от горских аулов. Имея значительное число коров, горцы Баталпашинского отдела могли дать много дешевого молока для этих предприятий. Отсутствие национальной буржуазии, нежелание русских капиталистов вкладывать деньги в неизвестном им еще крае надолго отодвинули проблему использования дешевого молока. С другой стороны, царское правительство, не осваивая легкодоступных внутренних богатств, за баснословные цены продолжало закупать продукты животноводства за границей, тем самым тормозя развитие маслосыроваренного производства во всей стране, в том числе на Северном Кавказе.

¹ СМОМПК, вып. VIII. Тифлис, 1889, стр. 219.

Первая попытка организовать на Северном Кавказе промышленное сыроваренное производство была сделана в 1868 г. Однако первенец сыроделия, построенный около станицы Георгиевской Терской обл., функционировал недолго. В результате стихийного бедствия завод был разрушен. Полезное начинание долгие годы оставалось в забвении. Причиной было слабое развитие капитализма, отдаленность от рынков сбыта, отсутствие хороших дорог.

Во второй половине XIX в. на рынках России продавались по очень высоким ценам швейцарские, голландские сыры и английские честеры. Стоимость одного пуда заграничного сыра составляла 22—23 руб. Для того чтобы сохранить рынки сбыта в России, иностранные фирмы пытались любыми путями затормозить там развитие сыроваренного производства. В этих целях в частности на Северном Кавказе они ликвидировали конкурентов, предлагая более высокие закупочные цены на молоко. Так, представитель швейцарских сыроваренных заводов обещал молокосдатчикам быстро построить сырозавод и платить высокие цены за молоко. Однако, через две недели, устранив своих конкурентов, он уехал¹.

В конце 70-х годов XIX в. на выставке молочных продуктов в Петербурге горский сыр своими прекрасными вкусовыми качествами привлек внимание покупателей. Учитывая большие выгоды, крупный землевладелец И. Львов предоставил свой капитал для строительства сыроваренного завода. Большой знаток сыроваренного дела Н. В. Верещагин² направил на Северный Кавказ специалиста Кирша, чтобы выбрать наиболее удобное место для постройки сырозавода. Кирш осмотрел весь Северный Кавказ и горные районы до Каспийского моря. В результа-

¹ А. А. Кирш. Сыроварение на Кавказе. ТВЭО, вып. 3, т. 2, 1883, стр. 296.

² Сельский хозяин-практик, занимался технической переработкой молока. («Новый энциклопедический словарь», т. 10, СПб, стр. 217).

те он пришел к выводу, что на Северном Кавказе существуют большие возможности для использования дешевых местных продуктов. По его предложению недалеко от станции Боргустанской Баталпашинского отдела началось строительство завода. На завод молоко могли доставлять станичники, жители абазинских и карачаевских аулов и карачаевских кошей.

Прекрасные вкусовые качества местного молока А. А. Кирш описывал следующим образом: «Когда я в первый раз попробовал его..., то был просто поражен его сладостью и ароматичностью, каких до того времени не приходилось видеть нигде. Между тем, изучая молочное дело в течение десятка лет в разных странах Европы, как-то: в Англии, Голландии, Дании и Гольштейне, я имел случай попробовать молоко всевозможное. Разве только молоко, которым угощали фермеры Соммерсейтмера, на юге Англии, этой родине прекрасных английских честеров, можно сравнить по густоте и сладости с карачаевским молоком, но и тому было далеко до вкуса молока, которое я нашел у подножья снежного хребта»¹.

При непосредственном участии Кирша в 1880 г. около Боргустанской станицы был построен первый большой сыроваренный завод. Однако с самого начала функционирования завода выявились непредвиденные трудности. Враждебно относящиеся к появлению завода лица начали распространять дикие слухи: кто будет доставлять молоко, у того падет весь скот, или по меньшей мере перестанет доиться, а телята пропадут, что деньги за молоко вовсе не будут выданы, а при приеме молока жителей будут обвешивать и т. д. Такая агитация дала свои отрицательные результаты: за первый год на заводе было приготовлено всего 90 пудов сыра.

Убедившись в несостоятельности слухов, местные жители в следующем году резко изменили отноше-

¹ А. А. Кирш. Сыроварение на Кавказе, стр. 299.

ние к заводу. Благодаря этому было изготовлено в пять раз больше сыра. Стремясь получить больше денег, поставщики молока начали увеличивать падои молока путем улучшения содержания коров. За вырученные деньги они могли приобретать промышленные товары. Это пробудило интерес горского населения к сыроваренному производству, увеличило желание строить сыроваренные заводы. Но построить сыроваренный завод, не имея денег и опыта, было невозможно. Местные богачи, как и российские капиталисты, все еще боялись вкладывать капиталы в строительство новых заводов.

Обилие продуктов животноводства в отделе и постепенное увеличение товарности производства в условиях развивающегося капитализма требовали коренной перестройки животноводства на более прогрессивной, капиталистической основе. Капиталистические отношения не могли не прийти в противоречие с тормозившими их развитие феодальными отношениями. Рост товарно-денежного обращения товарности продуктов животноводства в Баталпашинском отделе заставлял местную администрацию Кубанской области шаг за шагом идти на уступки.

Горское население отдела все больше убеждалось в полезности сыроваренного производства и просило местную администрацию построить в некоторых аулах сырозаводы. Для решения этого вопроса начальник Баталпашинского отдела Кузовлев созвал собрание представителей всех горских аулов отдела, было решено построить общественные сыроваренные заводы в Кубинском и Джегутинском аулах. Средства на постройку завода должны были изыскиваться самими аульчанами. В результате бесконечных просьб из средств горцев Кубанской области было отпущено 7900 рублей серебром¹.

В 1880 г. в абазиинском ауле Кубини начал функционировать первый горский общественный

¹ А. А. Кирш. Сыроварение на Кавказе, стр. 305.

сырозавод. Администрация завода делала все возможное, чтобы получать больше сыра. За первый же год было изготовлено 300 пудов честера на экспорт, и продукт был продан по 12—13,5 руб. в Англии¹. А следующая партия сыра была испорчена по дороге, так как в Англию его доставляли по Средиземному морю в течение двух месяцев. Высокая температура, плохие условия хранения были причиной порчи ароматного вкуса кубинского сыра. Несмотря на это, сыр был сбыт полностью. Третья партия сыра тоже при транспортировке в английский город Ньюкастль была полностью испорчена, в результате чего завод понес огромный ущерб¹ (в 1880—1881 годах — 4 тыс. руб.).

Первые успехи сыроварения воодушевили население карачаевских аулов. Жители аула Джегутинский также обратились к отдельской администрации с просьбой построить и у них общественный сыроваренный завод. Администрация отдела ходатайствовала перед начальником Кубанской области о выделении из горского фонда определенной суммы на строительство завода. Недостающая сумма денег была собрана у населения.

Таким образом, в 1881 г. начал действовать Джегутинский общественный сыроваренный завод. Так как он находился в самом ауле, жителям было удобно сдавать излишнее молоко от 800 дойных коров. Имея в достатке молоко, завод смог за короткий срок изготовить большое количество сыра: в течение лета около 500 пудов².

Первая партия джегутинского сыра была продана оптом по 15 рублей за пуд на петербургских и московских рынках. Потом сыр стал продаваться также на рынках кавказских городов.

В мае 1882 г. на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве джегутинский и

¹ «О порядке доходности скотоводства и развитии сыроделия и маслоделия». КОВ, 1895, № 117; ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 47, ед. 15347, л. 36.

² А. А. Кирш. Указ. ст., стр. 306.

боргустанские сыры своими вкусовыми качествами, пикантностью и ароматом привлекли внимание старинных крупных фирм центральных городов. В результате фирма Татариновых в Петербурге и фирма братьев Бландовых и Андреева в Москве сделали заказы на сыр, обещая платить по 14—15,5 рублей за пуд. По такой цене сыр не продавался ни одним из существующих в России заводов. В то время стоимость швейцарского сыра русского изготовления ни разу не поднималась до такого размера.

Отмечая большой успех сыроварения в Баталпаинском отделе, П. В. Верещагин писал, что даже «производителями швейцарского сыра в Северной России, несмотря на огромные затраты на постройку заводов с дорогостоящими кирпичными подвалами, на выпуску мастеров-швейцарцев за громадные оклады, несмотря на навык и опытность в деле, так как оно ведется почти сотню лет, не удастся сделать продукт, вполне заменяющий швейцарский сыр. Очень немногие производители, лишь десятками лет труда, добились того, что выпускают сыры заводом по оптовой цене от 9 до 10 рублей за пуд и удовлетворяются»¹.

Основой большого успеха, по определению другого знатока сыроварения, Қирша, были «богатая кавказская природа, мягкий горный климат, чистая проточная вода, вечно зеленеющие пастбища, что сказывалось на вкусе сыра, который подходил по своему аромату, сладости и пикантности, к вкусу настоящего швейцарского сыра»².

Горские сырозаводы были оснащены всем нужным оборудованием для производства швейцарского сыра. Для выдержки сыров были построены хорошие подвалы из кубанского камня. Обслуживающий персонал был укомплектован специалистами извест-

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 47, ед. 15347, л. 30.

² А. А. Кириш. Сыроварение на Кавказе, стр. 307.

ной в России Единоповской школы молочного хозяйства Министерства государственных имуществ¹.

Из мастерской знаменитого организатора молочного производства в России Н. В. Верецагина заводам было выдано около 1000 ведер. Это было связано с тем, что горское население и станичники из-за отсутствия фабричных ведер вынуждены были сдавать молоко в самодельной посуде, которая, по мнению сыроваров, была менее гигиенична и отрицательно действовала на качество сыра. Кроме того, получивший ведро в какой-то степени был вынужден постоянно сдавать молоко. За пуд сданного молока население получало по 40 коп.

До появления заводов горское население обрабатывало молоко примитивным способом, и сыр получался невысокого качества. Такой сыр продавался по 1,5—2 руб. за пуд, т. е. доход с одной коровы в течение года составлял всего 4—5 рублей². Это было невыгодно населению и требовало больших затрат труда.

Несмотря на сравнительные успехи, производство швейцарского сыра на Кубинском и Дзегутинском заводах не получило дальнейшего развития. Тяжелые транспортные условия, длительность доставки на центральные рынки и порча сыра по дороге затрудняли реализацию.

Вначале, учитывая прекрасные вкусовые качества сыра, основатели завода предполагали покрыть расходы на строительство завода путем реализации продукции. Но слабый сбыт завел начатое дело в тупик. Чтобы выйти из создавшегося положения, Кубинское аульное общество просило наказного атамана Кубанского казачьего войска и начальника области выделить ссуду в размере 7 тыс. руб. из капитала Кубанской области³. Однако просьба была отклонена. Не находя помощи для обновления

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 47, ед. 15347, л. 19—20.

² ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 47, ед. 15347, л. 3.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. 16, л. 50.

производства и места сбыта, Кубинский общественный сыроваренный завод прекратил свою работу на втором году, а Джегутинский — на третьем. Так хорошее начинание было загублено.

В 1883—1884 гг. начали функционировать еще два сыроваренных завода: в станице Передовой и в селе Великокняжеском. Эти предприятия продолжали работать и в последующие годы, но первые два горских сыроваренных завода так и не возобновили работы, хотя о необходимости производства швейцарского сыра в горских аулах много писали в газетах.

Крупные специалисты Верещагин и Кирш тоже долгое время ходатайствовали перед наместником Кавказа, а также перед Министерством земледелия и государственных имуществ об оказании финансовой помощи для возобновления работы горских общественных сырозаводов. Чтобы шире использовать местные возможности по переработке молока, они предлагали открыть школу молочного дела в Хумаринском укреплении (ныне аул Новый Карачай) и заняться подготовкой местных кадров по обработке молочных продуктов¹. Однако такие просьбы оставались без ответа.

Кавказская администрация, а также вышестоящие инстанции не были заинтересованы в создании промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов на Северном Кавказе.

Передовые представители народа понимали важность создания молочной промышленности у горцев. Карачаевский просветитель Ислам Крымшамхалов в 1895 г. обратился в Кубанское областное управление государственных имуществ с просьбой выделить ему участок земли в районе Теберды для устройства молочного хозяйства. По этому поводу полковник Кубанского казачьего войска писал в Министерство земледелия следующее: «Он предполагает заняться молочным хозяйством, ко-

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. 16, л. 25.

торое могло бы демонстративно научить его соплеменников, и намеревается приобрести двух производителей для улучшения местного скота»¹.

Отмечая необходимость устройства молочного хозяйства в Карачае, И. Крымшамхалов писал: «...для того, чтобы приохотить карачаевцев к разведению молочной породы, нужно ознакомить их, что молоко ценный продукт, что сделать я имею в виду»².

Имея целью лучше ознакомиться с молочным хозяйством в разных районах Российской империи, он посещал отдел молочного хозяйства и скотоводства на Нижегородской выставке, образцовые фермы А. Герна в Смоленской губернии, молочную школу Верещагина в селе Единоновка Тверской губернии и др. И. Крымшамхалов собрал большую библиотеку по отраслям молочного хозяйства и скотоводства³. Он был хорошо знаком с практическими приемами производства молочных продуктов, варил сыр в небольшом количестве, готовил масло разных сортов, один год занимал сыроваров из школы Н. Верещагина — С. Морозова⁴.

Однако просьбы И. Крымшамхалова были отвергнуты во всех инстанциях. Атаман Баталпашинского отдела полковник Кривцов доносил начальнику Кубанской области, что Крымшамхалов «преследует не намеченные цели, а исключительно личные выгоды, как не специалист по молочному хозяйству, *нельзя допускать мысли* (курсив мой — Т. Р.), что молочное дело нашло между его соплеменниками подражание»⁵. Исламу Крымшамхалову было отказано в выделении участка земли в аренду для устройства школы молочного хозяйства

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. 946, л. 2.

² Там же, л. 7.

³ Г. Зеттегаст. Животноводство, СПб, 1870; он же: Скотоводство, ч. 1—2, СПб, 1880; он же: Учение о скотоводческом искусстве, ч. 1—2. СПб, 1880.

⁴ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 946, л. 12.

⁵ Там же, л. 14.

под предлогом того, что он преследует личные выгоды. Так, чиновники пресекли прогрессивное начинание И. Крымшамхалова.

Об искренности намерений Крымшамхалова свидетельствует то, что он в качестве представителя карачаевского народа в течение 15 лет защищал его интересы, «заботился о строительстве школ, дорог и мостов..., принимал активное участие в геологическом исследовании территории Карачая»¹.

Только в конце XIX в. для переработки дешевого молока были построены в Карачае маслосырозаводы.

Московский капиталист В. И. Бландов открыл два маслосырозавода: в Элькуш-Баши, в 12 км от Кисловодска, и на Бичесыне, где берет начало речка Эшкакон. Открытие Бландовым маслосырозаводов в Баталпащинском отделе не было случайностью. Высокие качества сыра, масла и других молочных продуктов и большой спрос на них в курортных городах способствовали возникновению этих заводов. Монопольное право на многие сырозаводы России позволяло Бландову устранять конкурентов и продавать молочные продукты во всех уголках империи по высокой цене. Бландовы имели 25 заводов в Ярославской, Костромской, Тверской, Рязанской, Нижегородской губерниях². В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» писал, что «фирма Бландовых является самой крупной в сыроваренном производстве»³.

Другой московский капиталист, Губарев, в те же годы открыл сыроваренный завод в Гошаяк-Сырты. Для переработки молока на завод были приглашены специалисты из Германии, под их руководством работали русские и карачаевские рабо-

¹ «Очерки истории Карачаево-Черкессии», т. 1. Ставрополь, 1967, стр. 574.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 277.

³ Там же.

чне (управляющим на заводе был карачаевец Кочкаров)¹.

Заводы изготавливали швейцарские и голландские сыры, масло и другие молочные продукты. Приготовленные продукты сбывались в первую очередь в городах Минераловодской группы: Кисловодске, Пятигорске, Горячеводске, а также на рынках центральных городов Российской империи.

Эти заводы были настоящими капиталистическими предприятиями. Бландовы и Губарев, покупая у горского населения молоко за бесценок, получали большие прибыли, при этом интересы трудового народа не учитывались. Выплачивая мизерную сумму за пуд молока, капиталисты разработали утонченную систему штрафов. Молокосдатчик мог быть оштрафован под тем предлогом, что он разбавил молоко водой: первый раз — на 5 руб., второй — до 10 руб., третий — на 15 руб., а четвертый раз взимался бесплатно месячный удой². Такая установка позволяла хозяевам в «нужном» случае обвинить молокосдатчика и взимать с него штраф. В результате штрафов поставщики молока в конце месяца получали за сданное ими молоко очень маленькую сумму.

В 1906 г. в Кубанской области действовали 10 сыроваренных заводов, которые выпускали 11,3 тыс. пудов различных сортов сыра и масла³. Отмечая мизерность такого количества сыра и масла для Кубанской области, Кирш с надеждой писал, что «не за горами то время, когда область,

¹ В. П. Невская. Карачай в пореформенный период, стр. 83.

² Автор воспользовался полевым материалом, предоставленным ему В. П. Невской, за что и приносит ей благодарность.

³ А. А. Кирш. Работа сыроварен, маслоделен и ферм Северного Кавказа. «Юго-Восточный хозяин», 1907, № 10, стр. 7.

имеющая более 600 тысяч коров, перестанет вын-
сывать сливочное масло из Вологды и Риги»¹.

Однако мечта А. А. Кирша сбылась не скоро. Только Октябрьская социалистическая революция дала возможность трудовому народу широко использовать свои несметные богатства.

Появление первых сыроваренных заводов в Карачае и Черкесии, несмотря на все неудачи, имело прогрессивное значение. Возникновение их было тесно связано с развитием капиталистических отношений в Российской империи. Проникновение в экономику окраин капиталистических отношений способствовало увеличению товарности продуктов животноводства, открывало дорогу монополистическому капиталу.

Рост мелких предприятий в отделе требовал создания монтажно-ремонтной базы. Учитывая такую необходимость, в начале 90-х годов немецкий инженер Тиссен основал в селе Великокняжеском завод по обслуживанию окружающих промышленных заведений, их ремонту и оборудованию. По мере увеличения спроса на продукцию завода строились новые цеха. В 1898 г. завод был расширен, были построены новые цеха: модельный, литейный, токарный, слесарный; в результате увеличился объем выпускаемой продукции.

В начале XX в. предпринимались попытки наладить массовое производство сельскохозяйственных машин и оборудования (сеялок, бункеров, кукурузных молотилок, терок, четырех лемешных плугов и др.), но вследствие нерентабельности производства владелец завода прекратил выпуск новой продукции. После этих неудач на заводе было налажено производство черепичных прессов и оборудования для маслобоек крестьянского типа.

В годы первой империалистической войны завод Тиссена выпускал военное снаряжение: мины, руч-

¹ А. А. Кирш. Работа сыроварен, маслоделен и ферм Северного Кавказа, стр. 8.

ные гранаты и др. На заводе работали от 40 до 60 рабочих.

В начале столетия в отделе возникает крупная шерстомойная фабрика братьев Лапных при впадении Большого Зеленчука в Кубань. Прекрасные очистительные свойства зеленчукской воды, наличие в окрестностях огромного количества сырья сделали фабрику одним из крупных предприятий не только в Кубанской области, но и на всем Кавказе. Шерсть, очищенная на фабрике Лапных, поступала на рынки Центральной России и имела большой спрос. С каждым годом производительность шерстомойной фабрики увеличивалась. На фабрике в основном работали русские рабочие.

Несмотря на отдаленность от горских аулов, фабрика имела огромное значение для экономики Карачая и Черкесии, для черкесов, абазин, ногайцев и карачаевцев. Развитие шерстомойного производства способствовало росту торговых отношений и заинтересованности горцев в увеличении настрига шерсти, а это в свою очередь содействовало развитию товарных отношений в горских аулах.

На базе обилия товарной шерсти в Баталпашинском отделе в начале XX в. в ауле Нижне-Мансуровском была организована шерстопрядильная фабрика. Она принадлежала капиталисту Мамонтову, который, покупая дешевую шерсть, выручал затем большие деньги. В 1908 г. фабрика выпустила продукцию на 796,7 тыс. руб. На фабрике работали 249 рабочих, в том числе 131 мужчина¹. В основном вся работа производилась вручную, механизация была слабой: фабрика имела всего один паровой котел. К большому сожалению, о работе шерстопрядильной фабрики не имеется полных сведений, поэтому нет возможности привести подробные данные о ее деятельности. Несомненно, что фабрика, находясь в центре черкесских и ногайских аулов,

¹ «Статистический сборник Юго-Востока России», вып. 2. Ростов-на-Дону, 1923, табл. 1, стр. 118.

способствовала втягиванию коренных жителей в промышленное производство, созданию национальных кадров рабочего класса.

Наряду с крупной шерстопрядильной фабрикой в Нижне-Мансуровском работал чугунолитейный завод Герцена, основанный в конце 80-х годов XIX в. В 1895 г. завод выпустил продукцию на сумму 10 тыс. руб., его обслуживали 30 рабочих¹. В последующие годы возник второй чугунолитейный завод. В 1906 г. два чугунолитейных завода, на которых работали 110 рабочих, выпускали продукцию на сумму 110 тыс. руб².

Обширные лесные массивы в отделе способствовали зарождению лесной промышленности.

В конце XIX в. на территории отдела возникли мелкие смоло-скипидарные заводы. Первый такой завод был основан в начале 90-х годов XIX в. в Карачае, между балками Багыр-Кулак и Тохтаул-Чалган. Завод принадлежал промышленнику Переселенкову³. Другие заводы были построены в Теберде губернским секретарем Утяковым и владельцем рудника «Эльбрус» инженером-технологом Кондратьевым. В Теберде скипидарный завод имел И. Крымшамхалов.

В начале XX в. такие же заводы начали действовать в других частях отдела. Скипидарный завод, оборудованный шестью печами, был построен на берегу Большого Зеленчука промышленником Бедросовым, второй — там же, на Софийской поляне, Д. П. Колгановым⁴.

Скипидарные заводы приносили большой вред лесному хозяйству. Прекрасные сосновые участки хищнически вырубались для переработки бревен

¹ «Отчет начальника Кубанской области за 1895 г.». Ведомость № 16.

² «Отчет начальника Кубанской области за 1906 г.». Ведомость № 16.

³ Д. А. Кондратьев. Месторождения серебро-свинцовых, медных руд на Кавказе, в Карачае. «Горный журнал», т. 3, 1892, № 8, стр. 283.

⁴ «Долина Зеленчуков». Петроград, 1917, стр. 42—43.

на заводах. Кавказская администрация создала все условия промышленникам для развития скипидарного производства. Лесные массивы были разделены на дачи, а дачи продавались за бесценок. Лесопромышленники рубили лесные дачи и горские леса, безжалостно разрушая красоту и гармонию горного края. При этом они жестоко эксплуатировали труд рабочих. В неимоверно трудных условиях производилась рубка и сплав леса. На скипидарные заводы Бедросова и Колганова лес сплавляли по Большому Зеленчуку, где рабочие за гроши трудились от зари до зари. Длительное пребывание в холодной горной воде подрывало здоровье рабочих.

Наряду с отрицательными сторонами появление скипидарных заводов в непосредственной близости от селений местных жителей имело и объективно прогрессивное значение. В результате расслоения деревни бедняки и батраки становились рабочими. Ускорялся процесс формирования национальных кадров рабочего класса.

В конце XIX в. использование лесных богатств и выработка лесоматериалов для продажи увеличиваются. Этому способствовало массовое строительство новых домов и животноводческих помещений в отделе. Богачи и предприниматели, дешево покупая лесные дачи и нанимая за бесценок местных жителей, получали большие барыши.

Лесопильные заводы были построены в Теберде Крымшамхаловым и в Учкулане Бостановым¹. Эти заводы производили доски, дранку и другие строительные материалы для индивидуального строительства. Производственные процессы не были механизированы. Доски, дранка, штакетник и другие пиломатериалы продавались в аулах и станциях отдела по высоким ценам. Дороговизна лесоматериалов определялась недостатком лесопиль-

¹ «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I, стр. 508.

ных заводов в отделе и большим спросом на пиломатериалы.

В 1916 г. на лесозаводах отдела работало всего 25 рабочих¹, наряду с русскими рабочими здесь трудились представители коренных народностей.

Процессу формирования национального рабочего класса способствовали и лесосплавные работы. Многие предприниматели, покупая в казенных лесных дачах строительный лес и сплавливая его по рекам, в низовьях продавали его по очень высокой цене. Для сплава леса создавались артели сплавщиков, куда входили от 20 до 200 человек². В основном сплавом леса занимались жители Карачая и Бибердовского сельского общества³. Члены артелей, разделившись на несколько групп, сплавливали лес по Кубани, Теберде и Зеленчукам.

Тяжелым был труд сплавщиков. Предприниматели платили ничтожные деньги за сплавленное бревно. За сплав одного толстого бревна из верховьев Теберды до станции Баталпашинской лесопромышленники платили 4 руб., а за каждое потерянное бревно члены артели платили неустойку владельцу в размере 10 руб.⁴ Таким образом, лесопромышленники жестоко эксплуатировали сплавщиков, которые по целым месяцам с утра до поздней ночи не вылезали из воды стремительной горной реки при температуре воды 7—10° тепла.

Отмечая тяжелые условия труда, Я. К. Васильев писал: «С точки зрения цивилизованного человека, поимка бревен при таких условиях казалась бы безумной мечтой. Они (рабочие) за обещанную надбавку по 10—15 копеек смело бросаются в грозную стихию наперерез плывущему бревну, в полу-

¹ Д. А. Н а п с о. Борьба областной партийной организации за восстановление народного хозяйства в послевоенный период. «По ленинскому пути». Черкесск, 1963, стр. 215.

² Я. К. В а с и л ь е в. Значение рек Кубанской области в лесном хозяйстве. «Кубанский сборник», т. 4. Екатеринодар, 1898, стр. 24.

³ Я. К. В а с и л ь е в. Указ, ст., стр. 24.

⁴ Там же.

раздетом виде... труден и опасен сплав бревен по горным рекам для человеческой жизни»¹. В таких неимоверно трудных условиях работали карачаевцы, черкесы и ногайцы. Не имея земли и скота, они были вынуждены зарабатывать на пропитание себе и семьям, продавать свой труд, пополняя тем самым ряды рабочего класса Карачая и Черкесии.

Таким образом, отмена крепостного права в России открыла простор развитию капиталистических отношений на Северном Кавказе, в частности в Баталпашинском отделе.

Если до отмены крепостного права основным занятием населения отдела было сельское хозяйство, то начиная с 70-х годов в экономике станиц появляются новые отрасли: капиталистическая мелкая промышленность, основанная на использовании наемного труда. После реформы некоторое развитие получила промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья и строительных материалов. Для развития этой отрасли промышленности не требовалось большого капитала. Первые промышленные предприятия были основаны русскими купцами и зажиточными крестьянами в станицах Баталпашинского отдела.

Небольшие предприятия: кирпично-черепичные, кожевенные, шеретомойные, маслобойные и другие—создавались зажиточными жителями станиц. Как правило, промышленные заведения были мелкими, поэтому они не имели большого значения для развития промышленности в целом. Однако они способствовали расширению рынка сельскохозяйственной продукции, побуждая местное население повышать товарность хозяйства.

Лишь в конце 80-х годов XIX в. первые промышленные предприятия типа капиталистических были устроены в горских селениях. В отличие от настоящих капиталистических, эти предприятия принадлежали не одному владельцу, а целому горскому

¹ Я. К. Васильев. Указ, ст., стр. 24.

обществу, которое давало оборотный капитал для деятельности предприятия. Несмотря на определенные успехи в производстве, первые горские предприятия этого рода потерпели неудачу. К числу причин их гибели следует отнести отсутствие опыта капиталистического хозяйствования, а также отсутствие необходимого капитала и отказа местных властей выделять средства на их развитие.

Несмотря на неудачи, сам факт появления капиталистических предприятий в горских аулах был явлением новым и примечательным: капиталистические производственные отношения в конце 70-х годов XIX в. властно проникали в экономику горцев.

Процесс капиталистического развития сельского хозяйства Баталпашинского отдела шел быстрыми темпами. Резко росла товарность сельского хозяйства. В результате в начале XX в. среди горцев появились первые капиталисты, например, Байчоров, который построил маслосырозавод под Кисловодском; Узденовы, которые имели кожевенный завод и завод безалкогольных напитков; Лайпанов—владелец лимонадного завода и др. Горцы выпускали промышленную продукцию, связанную с переработкой сельскохозяйственного сырья, а также строительные материалы. Так, абазинка Аджиева построила завод по производству стройматериалов.

Нарождавшаяся буржуазия жестоко эксплуатировала труд горских рабочих. Рабочие—карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы—трудились на предприятиях, принадлежавших национальной буржуазии. Это было новым явлением в социально-экономической жизни горцев Карачая и Черкесии.

В конце 90-х годов XIX в. в России кончилась эпоха промышленного капитализма, начался новый период, период перерастания капитализма в империализм. В результате развития империализма усилилась концентрация производства. Этот процесс затронул и Баталпашинский отдел. На рубеже

XIX и XX вв. монополистический капитал России создал крупные предприятия в отделе.

Наряду с монополистическими предприятиями продолжали функционировать многочисленные мелкие предприятия и домашние промыслы, основанные на ручном труде.

Сохранению многочисленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья способствовал аграрный характер отдела и политика царизма, стремившегося превратить Карачай и Черкесию в рынок сбыта и источник сырья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зарождение промышленных очагов на территории Карачая и Черкесии, незначительные успехи и большие трудности, которые вставали на пути развития промышленных предприятий в дореволюционное время, отражали общее состояние колониальных окраин России. Развитие российского капитализма «вширь» втягивало в сферу своего влияния не только обширные равнинные районы степного Предкавказья, но и такие горные отдаленные районы, какими были в XIX в. Карачай и Черкесия.

Богатства недр Кавказских гор были известны правительству с начала второй четверти XIX в., однако планомерная разработка их в условиях тяжелой и длительной Кавказской войны была невозможна. Первые попытки начать разработки угольных месторождений были предприняты в 40-х годах XIX в. Но господство крепостнических методов, откупная система и использование в качестве рабочей силы солдат обуславливало очень низкую производительность труда и ничтожную добычу.

После окончания Кавказской войны началось постепенное освоение горных районов Кавказа российским капитализмом. Однако процесс этот,

названный В. И. Лениным «экономическим завоеванием»¹, растянулся на многие десятилетия, не завершившись к началу XX в. Ему препятствовало сохранение феодальных отношений, в том числе феодального землевладения, низкий уровень развития социально-экономических отношений в горском обществе, удаленность этого высокогорного района от больших дорог. Тем не менее горцам капитализм принес большие новшества, превращая Кавказ в сырьевую базу и рынок сбыта промышленности центральных районов России.

Российский капитализм проникал в горы прежде всего в форме торгово-ростовщического капитала, позднее — промышленного. Большую роль в процессе вовлечения Северного Кавказа в общее русло капиталистического развития страны сыграло железнодорожное строительство: постройка Ростово-Владикавказской железной дороги с ветками на Новороссийск, Ставрополь и т. д. Проникновение капиталистических отношений в аулы вело к росту товарности сельского хозяйства, к ускорению процесса расслоения крестьянства. Малоземельное и безземельное крестьянство стало резервом пролетариата.

Превращая Северный Кавказ в свой рынок, российский капитализм развивал там добывающую промышленность и переработку сельскохозяйственного сырья. Поэтому на территории Карачая и Черкесии стала налаживаться добыча угля в горах и глауберовой соли, которой были богаты озера равнинной части отдела. После проведения железной дороги добыча угля возросла, но ненадолго. Конкуренция донецкого антрацита, а главное — колониальное положение Карачая тормозили строительство новых шахт. Отсутствие дорог и дороговизна их проведения в условиях гор также тормозили прогресс производства. Шахты были небольшими, с очень примитивной техникой, низкой выработкой.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594.

Наиболее крупным предприятием добывающей промышленности был в Карачае серебро-свинцовый рудник «Эльбрус». Однако попытки создать на базе Худесских залежей крупное капиталистическое производство наткнулись на серьезные препятствия. Социально-экономическая отсталость колониальной окраины, запутанность поземельных отношений, сохранение пережитков феодальной земельной собственности, отсутствие национально-го капитала и рабочего класса, бедное дорожное хозяйство оказались почти непреодолимыми препятствиями.

Только в период промышленного подъема, в 90-х годах XIX в., было создано акционерное общество «Эльбрус», начата серьезная добыча руды. Организаторам общества пришлось вести переговоры и заключать договоры с карачаевским обществом, которое считалось собственником недр Карачая, просить разрешения у Министерства государственных имуществ на беспошлинный ввоз машин, просить помощи у Министерства финансов. Несмотря на большой спрос в стране на свинец, правительство не оказало серьезной помощи в тот период акционерам. Вопрос о дорожном строительстве оставался нерешенным, что очень усложняло вывоз и сбыт продукции.

Последующие за подъемом годы упадка и кризиса в промышленности привели к полному застою работ на руднике. Несмотря на нужду России в своем свинце, правительство не предприняло никаких шагов для развития рудника, предпочитая ввозить свинец из-за границы. Не препятствовало оно и проникновению в промышленность иностранного капитала. Слабостью российских капиталистов воспользовались представители английского капитала, которые создали в Лондоне акционерное общество «Горное общество горы «Эльбрус». Но и это общество не смогло наладить работу рудника. Иностранные капиталисты скупали за бесценок богатые месторождения и, прибегая к жестокой эксплуатации трудящихся, получали огромные при-

были. В то же время они не делали необходимых капитальных вложений в развитие промышленности, хищнически истощали природные богатства.

Удельный вес промышленности в общей экономике Карачая и Черкесии был незначительным. Территориальная разобщенность, отдаленность железнодорожных путей, оторванность от промышленных центров России, слабое применение техники, хищническая эксплуатация природных богатств — все это обусловило отсталость промышленности Карачая и Черкесии, ее сезонность и крайне низкую производительность труда.

С наступлением эпохи империализма особенно острыми стали противоречия между трудом и капиталом, между монополиями и колониями. Эти противоречия, острые и в Центральной России, особенно ощутимы были на колониальных окраинах.

Наряду со старыми военно-феодальными методами эксплуатации колонии на территории Карачая и Черкесии стали распространяться империалистические методы: вывоз капитала, организация монополистических предприятий.

Используя колониальное положение Карачая и Черкесии, бесправие горского населения и его темноту, промышленники прибегали не только к капиталистическим, но и к крепостническим методам эксплуатации. Так, владельцы маслосырозаводов, получая от правительства права на владение землями, исполу отдавали их безземельным крестьянам, за что приобретали у них по крайне низкой цене продукцию их хозяйства.

Кроме сравнительно крупных сырозаводов Бландов и Губарева сохранялось большое число кустарных и полукустарных предприятий по производству масла, вина, мыла, а также кожевенных и кирпично-черепичных заводов, водяных мельниц, на которых работали по 2—3 рабочих. На 515 таких предприятий в 1900 г. трудилось 1146 человек.

Рабочие кадры Карачая и Черкесии создавались как многонациональный пролетарский отряд,

в котором были русские, украинцы, карачаевцы, осетины, черкесы, абазины, ногайцы и представители других народностей. Это способствовало развитию интернационализма и укреплению дружбы между народами. Их объединяла также совместная борьба против эксплуататоров.

Проникновение капиталистических отношений в аулы привело к упадку исконных промыслов, особенно производства металлических изделий, которые не выдерживали конкуренции привозных заводских изделий. В несколько лучшем положении было производство бурок, войлока, черкесок, которое не страдало от конкуренции привозных товаров; эти изделия по-прежнему находили широкий сбыт у казачьего населения.

Наряду с традиционными домашними промыслами в аулах стали появляться отдельные фабричные предприятия: шерстопрядильная фабрика в Нижне-Мансуровском ауле, лесопилки и скипидарные заводы в Теберде. Только небольшая часть этих предприятий принадлежала местным предпринимателям: маслосырозавод Байчорова под Кисловодском, лесопилка Крымшамхалова в Теберде и т. д. Отсталость социально-экономических отношений в Карачае и Черкесии привела к тому, что возникновение национального капитала осталось на самой начальной стадии.

В годы первой мировой войны экономика Карачая и Черкесии пришла в полный упадок. Крестьянское хозяйство страдало от разорительных реквизиций и поставок на армию, от нехватки рабочих рук и высоких налогов. Местная промышленность также пришла в упадок.

Крайняя нужда в свинце заставила правительство обратить особое внимание на серебро-свинцовый рудник. Владельцы его получали государственные субсидии, для работы на обогатительной фабрике и в штольнях были присланы рабочие с центральных заводов и военнопленные. В значительно

больших масштабах стали использоваться на работах горцы.

Появление в горах Карачая и Черкесии промышленных очагов сыграло большую роль не только в развитии экономики, но и в социально-политической жизни горцев. Приобщение горцев к промышленному производству изменяло социальный состав населения, а самое главное — поднимало национально-освободительное движение горцев на более высокую ступень, вносило в него организованность и пролетарскую сознательность.

Рабочие рудников, шахт и фабрик оказывали большое влияние и на крестьянское движение в горских аулах, проводя в селениях большую агитационную и разъяснительную работу.

После Февральской революции на Эльбрусском руднике возникли первые в Баталпашинском отделе Советы рабочих и солдатских депутатов, первые профсоюзные организации на территории Карачая и Черкесии. Так крестьянское и национально-освободительное движение горцев сливалось с рабочим движением и благодаря мудрому руководству коммунистов вливалось в могучий поток освободительной борьбы народов России против царского самодержавия, против социального и национального гнета.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

- Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., том 27, стр. 241.
Ленин В. И. ПСС, Развитие капитализма в России, т. 3.
Ленин В. И. ПСС, Крестьянская реформа, т. 20.
Ленин В. И. ПСС, Итоги дискуссии о самоопределении, т. 30.
Анфимов А. И. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1964.
Х. А. Анпаланы. Къара кюбюр, Микоин-Шахар, 1973.
Атманских А. А. Желательное производство. «Кубанские областные ведомости», 1903, № 264.
А. К. О поднятии доходности скотоводства и развитие сыроварения и маслоделания. «Кубанские областные ведомости», 1895, № 117.
Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957.
Бакланов Д. Р. и Юшкин Е. М. Отчет о состоянии горных промыслов войсковых и других землях Кубанской области и о работах горной части Кубанского областного правления за 1909 год. Екатеринодар, 1910.
Барбот-де-Марни Н. Карачаевские серебро-свинцовые месторождения в Кубанской области. «Материалы для геологии Кавказа», сер. 2, кн. 9. Тифлис, 1895.
Баталпашинские горькосолёные озера. «Бюллетень Тифлисского общества любителей природы», № 1. Тифлис, 1913.
Баталпашинские горькосолёные озера. «Врач», 1904, № 4.
Баталпашинский отдел. «Кубанский сборник», т. 19. Екатеринодар, 1914.
Булгаков А. А. Кубанская огнеупорная глина. «Сборник трудов Терского отделения Русского технического общества». Грозный, 1901.
Васильев Я. К. Значение рек Кубанской области в лесном хозяйстве. «Кубанский сборник», т. 4, 1898.
Вейденбаум Е. Заметки об употреблении камня и металла у кавказских народов. «Кавказский календарь на 1901 год». Тифлис, 1900.
Весь Кавказ. (Промышленность, торговля и с/х-во Северного Кавказа и Закавказья). Баку, 1914.
Вестник горного дела и орошения на Кавказе, 1901, № 19.

Виды Большого Карачая и нарождающийся в Карачае горный промысел. «Север», 1892, № 24.

Виттыи Я. Я. Материалы по исследованию вод и горных богатств Кубани. «Труды Северо-Кавказского промышленного научно-исследовательского ин-та», т. 3, вып. 3. Краснодар, 1922.

Войсковые Баталпашиинские горькосолёные озера. «Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горной части Кубанского областного правления за 1913 год». Екатеринбург, 1914.

Высочайшее утверждение условия деятельности в России Английского акционерного общества, под наименованием «Горное общество горы Эльбрус», с ограниченной ответственностью. «Полное собрание законов Российской империи», т. XXIX, отд. 1, СПб., 1912.

Гамов. Месторождения серебро-свинцовой руды на Кавказе. Газ. «Горнозаводской листок», 1888, № 15.

Глауберова соль Баталпашиинских озер. «Вестник финансов, промышленности и торговли», т. 1, № 8, СПб., 1889.

Глауберова соль в Кубанской области. «Горный журнал», т. 3, № 8, СПб., 1886.

Горная промышленность на Северном Кавказе за 1914 г. «Известия Кавказского отдела русского горного общества», т. 23, № 2. Тифлис, 1915.

Горнозаводская промышленность в России в 1902 году. «Горный журнал», т. 4, № 11, СПб., 1904.

Горнозаводской промысел на Кавказе в 1885 г. «Горный журнал», т. IV, № 12, СПб., 1886.

Горнозаводской промысел на Кавказе в 1886 г. «Горный журнал», т. 3, № 7, СПб., 1887.

Горный промысел и дороги в Кубанской области. «Кавказ», 31 окт. 1900 г.

Горный промысел на Кавказе в 1889 году. «Горный журнал», № 12, СПб., 1890.

Гречишкин Г. М. Теберда, горная климатическая станция и дачная местность. Ст. Лабинская, 1912.

Группа Баталпашиинских горькосолёных озер в Кубанской области. «Горнозаводской листок», 1889, № 7.

Демьянов Г. С. Баталпашиинские минеральные грязи. Баталпашиинск, 1915.

Деятельность сыроварни и лесопильни среди горцев Баталпашиинского уезда. КОВ, 1881, № 41.

Долина Зеленчуков. Петроград, 1917.

Дополнительный промысловый палог и обложение им торгово-промышленных предприятий Кубанской области за 10-летие с 1899 по 1908 гг. «Кубанский сборник», т. 19. Екатеринбург, 1914.

Дьячков-Тарасов А. Н. В горах Большого и Малого Карачая. СМОМПК, вып. 28. Тифлис, 1900.

Житнев Е. Очерк обогащения свинцовых, цинковых и др. руд. «Горный журнал», т. 3, № 7, СПб. 1897.

Житнев Е. Прямой путь из Карачая в Кисловодск. КОВ, 1895, № 113.

Житнев Е. Рудообогатительный завод на Индыше. КОВ, 1895, 15 мая.

Заметка по поводу статьи г. Фон-Кошкүля «О кубанском каменном угле». «Горный журнал», 1868, СПб, № 1.

Записка об осмотре горною частью на Кавказе гор. инженера Штейнмана. «Горный журнал», 1869, СПб, № 10.

Записка о начале эксплуатации карачаевского серебро-свинцового месторождения. СПб, 1892.

Зуев Н. О серебро-свинцовых и цинковых месторождениях в верховьях р. Кубани. «Известия общества горных инженеров», № 6, 1899.

Зуев Н. и Эккь П. В. О серебро-свинцовых и цинковых месторождениях в верховьях реки Кубани. СПб, 1899.

Извлечение из отчета начальн. Кубан. обл. за 1906 г. «Кубанский календарь на 1908 год», Екатеринодар, 1909.

Извлечение из отчета начальн. обл. и наказного атамана Кубанской обл. за 1908 г. «Кубанский сборник», т. 15. Екатеринодар, 1910.

Исследование глин, доставленных из станци и аулов между р. Кубанью и Кавказским хребтом. «Кубанский сборник», т. 15. Екатеринодар, 1910.

Кавказская перевальная железная дорога (1872—1913). Тифлис, 1913.

Капгер С. П. Каменно-угольная кустарная промышленность в нагорной полосе Кубанской области, 1916.

Каранетян О. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. «Кавказский вестник», вып. 11. Тифлис, 1901.

Кирш А. А. Работа сыроварен, маслоделен и ферм Северного Кавказа в 1906 г. «Юговосточный хозяин», 1907, № 10.

Кирш А. А. Сыроварение на Кавказе. «Труды вольного экономического общества», вып. 3, т. 2, СПб, 1883.

Китаев А. Нужды свинцовой промышленности. «Новое время», 1902, 4/17 декабря.

Клухорский перевал. «Ежегодник Русского горного общества», т. 1. М., 1903.

Кондратьев А. Д. Месторождения серебро-свинцовых и медных руд на Кавказе, в Карачае. «Горный журнал», № 8, СПб, 1892.

Кондратьев А. Д. О серебро-свинцовых рудах в Карачае, в долине р. Кубани, на Северном Кавказе. «Горный журнал», т. 2. № 4—6. СПб, 1891.

Коншин А. Исследование Баталпаинских горькосоленых озер. «Материалы для геологии Кавказа», сер. 2, кн. 2, вып. 2. Тифлис, 1888.

Костан Н. Вести с рудника «Эльбрус». «Свободная Кубань», 7 июня 1917.

Кох М. Горные месторождения Баталпашинского отдела Кубанской области. СПб, 1911.

Кубанская область. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 8. Тифлис, 1889.

Кубанские месторождения угля. «Очерки месторождений ископаемых углей России». СПб, 1913.

Кузовлев. Из Баталпашина. КОВ, 1882, №№ 2 и 4.
Ляшенко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1956.

Меллер В. И. Полезные ископаемые Кавказского края. СПб, 1889.

Меллер В. И. Полезные ископаемые Кавказского края. СПб, 1896.

Меллер В. И. Полезные ископаемые Кавказского края. СПб, 1900.

Месторождения серебро-свинцовых, цинковых и медных руд Карачаевского рудоносного округа Кубанской обл. Баталпашинского отдела. СПб, 1894.

Невинномысско-Сухумская железная дорога. «Кавказ», 1913, № 73.

Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964.

Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956. Новый энциклопедический словарь. СПб, т. 10.

О серебро-свинцовых рудах в Карачае в долине р. Кубани, на Северном Кавказе. «Горный журнал», СПб, 1891, т. 2, №№ 4—6.

О состоянии области и войска за 1908 г. «Кубанский сборник», т. 15. Екатеринодар, 1910.

Об открытии каменного угля на Кавказе. «Вестник горного дела и орошения на Кавказе», Тифлис, 1901, № 19.

Об утверждении устава общества «Эльбрус». «Горный журнал», 1893. СПб, т. 4, № 11.

Описание участка Главного Кавказского хребта между Нахором и Марухским перевалами. «Известия Кавказского отдела русского географического общества», т. 9, вып. 11. Тифлис, 1896.

Опыты сыроварения в Баталпаинске: качество этого сыра по сравнению с иностранным. КОВ, 1882, № 1.

Отчет г-ну министру Государственных имуществ о деятельности Управления горной частью на Кавказе и за Кавказом в 1885 г. Тифлис, 1886.

Отчет о деятельности управления горною частью Кавказского края в 1886 г. Тифлис, 1887.

Отчет о деятельности управления горною частью Кавказского края в 1887 г. Тифлис, 1888.

Отчет о деятельности управления горною частью Кавказского края в 1888 г. Тифлис, 1889.

Отчет о деятельности управления горною частью Кавказского края в 1889 г. Тифлис, 1890.

Отчеты Кавказского горного Управления за 1906—1915 годы. (Выходило ежегодно). Тифлис, 1907—1916 гг.

Отчет о произведенных разысканиях каменного угля в окрестностях Хумаринского укрепления на реке Кубани, в конце 1846 года. «Горный журнал», № 6. СПб, 1847.

Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горной части Кубанского областного правления за 1910 г. Екатеринодар, 1911.

Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и о работах горной части Кубанского областного правления за 1912 год. Екатеринодар, 1913.

Открытие автомобильного движения на Теберду. «Кубанский курьер», 1911, № 729.

Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска. (Выходило ежегодно, начиная с 1889 по 1915 годы в Екатеринодаре).

О технико-экономических условиях разработки серебряно-цинковых и цинковых месторождений в верховьях Кубани. «Известие общества горных инженеров», № 6, СПб, 1899.

Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967.

Пилленко. Заметка по поводу статьи г. Фоп-Кошкуля «О кубанском каменном угле», помещенной в № 5 «Горного журнала». «Горный журнал», ч. 1. СПб, 1868.

Пилленко. Каменноугольные месторождения близ берегов р. Кубани между ст. Баталпашинской и Каменной башней. «Горный журнал», № 3. СПб, 1858.

По ленинскому пути. Сборник. Черкесск, 1963.

Производство сыра, его качество. КОВ, 1881, № 48.

Рейнекс. Отчет о произведенных разысканиях каменного угля в окрестностях Хумаринского укрепления на р. Кубани в конце 1846 года. «Горный журнал», № 6, ч. II, СПб, 1847.

Сборник сведений о Кавказе, т. 2. Тифлис, 1872.

Сборник статистических сведений о Кавказе, т. 3. Тифлис, 1869.

Сборник узаконений и распоряжений правительства. СПб, 1897.

Сведения о производительности горных заводов и промыслов Кавказского края за 1898—1900 гг. «Кавказский календарь на 1902 год». Тифлис, 1901.

Сегаль. Черноморско-Эльбрусская железная дорога. Газ. «Кавказ», 1912, № 162.

Сельскохозяйственный и промышленный справочник Кубанской области. «Кубанский сборник», т. 15. Екатеринодар, 1910.

Сивков К. Кавказская экспедиция Академии Наук в 1829 г. «Вестник Академии Наук». СПб, 1835, №№7—8.

Снятков. Поверхность и недра. Петроград, 1917, №№ 5, 6.

Соловьянов И. Карачай. КОВ, 1901, № 196.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1866 году. «Кавказский календарь на 1869 г.» Тифлис, 1868.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1868 г. «Кавказский календарь на 1871 г.» Тифлис, 1870.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1869 г. «Кавказский календарь на 1872 год». Тифлис, 1871.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1870 г. «Кавказский календарь на 1873 г.» Тифлис, 1872.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1872 году. «Кавказский календарь на 1875 год». Тифлис, 1874.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1873 г. «Кавказский календарь на 1876 год». Тифлис, 1875.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1874 году. «Кавказский календарь на 1877 год». Тифлис, 1876.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1875 году. «Кавказский календарь на 1878 год». Тифлис, 1877.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом за 1879 и 1882 гг. «Кавказский календарь на 1883 год». Тифлис, 1882.

Статистические сведения о состоянии, производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом за 1885 год. «Кавказский календарь на 1887 год». Тифлис, 1886.

Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом за 1912 год. «Кавказский календарь на 1914 год». Тифлис, 1913.

Статистический сборник Юго-Востока России. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1923.

Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. «Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа», вып. 43. Тифлис, 1913.

Техническая беседа 15-го февраля 1869 г. по сообщению В. И. Богачева о Кубанском каменном угле. См. «Записки Кавказского отдела технического общества», т. 1, № 6. Тифлис, 1871.

Техническая беседа 29-го декабря 1870 года по сообщению Штейнмана: «Кубанские каменноугольные месторождения». «Записки Кавказского отделения Русского технического общества», т. 3. Тифлис, 1871.

Ученая экспедиция к Эльбрусу в 1829 году. «Москвитянин», 1844, № 11.

Федоров П. Я. Природные богатства Северного Кавказа, их использование. Пятигорск, 1935.

Фелицин Е. По поводу статьи А. Экзархопуло о Хумаринских месторождениях каменного угля. КОВ, 1893, № 68.

Фенин. Каменный уголь по р. Индышу. «Горный журнал», кн. 5, СПб, 1896.

Фон-Коскуль. О кубанском каменном угле. «Горный журнал», № 5. СПб, 1867.

Хетагуров К. Собрание сочинений в пяти томах, т. 2-й. М., 1960.

Ход дела сыроварки, устроенный на средства горных обществ. КСВ, 1881, № 49.

Чурсин Г. Ф. Поездка в Карачай. «Известия Кавказского отдела русского географического общества», т. 23, № 3. Тифлис, 1915.

Чурсин Г. Ф. Экономическая жизнь Карачая. «Кавказ», 5 декабря 1900 г.

Шепелев А. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973.

Штофф П. А. и Бегров М. М. Из Петербурга в Карачай. СПб, 1912.

Эккь П. В. О технико-экономических условиях разработки серебро-свинцовых и цинковых месторождений в верховьях Кубани. «Известия общества горных инженеров», № 6, 1889.

Экспедиция к Эльбрусу. «Тифлиссские ведомости», 1829, № 34.

Юшкин Е. Горные богатства Кубанской области. Екатеринбург, 1909.

Юшкин Е. Серебро-свинцовое дело «Эльбрус». «Горные богатства Кубанской области», вып. 2. Екатеринбург, 1912.

Юшкин Е. и Малышев. Баталпашинские горькосолёные озера и железнодорожный тариф. «Труды Кубанского отделения русского технического общества», вып. 1. Екатеринбург, 1914.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В В Е Д Е Н И Е	3
---------------------------	---

Г Л А В А 1.

Возникновение добывающей промышленности на территории Карачая и Черкесии

1. Влияние российского капитализма на экономическое развитие Карачая и Черкесии	14
2. Промышленная разработка угольных залежей и их значение для местного населения	21
3. Участие иностранного капитала в эксплуатации горько-соленых озер и попытка разработки залежей огнеупорной глины	35

Г Л А В А 2.

Зарождение крупного капиталистического предприятия в Карачае

1. Борьба за право эксплуатации серебро-свинцовых месторождений в верховьях Кубани и создание акционерного общества «Эльбрус»	49
2. Значение рудника «Эльбрус» в жизни коренного населения и положение рабочего класса	99

Г Л А В А 3.

Кустарная промышленность и домашние промыслы

1. Зарождение кустарной промышленности в казачьих станицах	116
2. Падение местных домашних промыслов и возникновение первых горских промышленных предприятий	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
БИБЛИОГРАФИЯ	159

Тебуев
Рамазан Сагитович

**ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ
(40-е годы XIX в. — 1917 г.)**

Редакторы Н. М. Вайль, И. М. Кагнева.

Художник Ф. И. Марков

Худож. редактор М. П. Бертник

Техн. редактор Г. М. Хомякова

Корректор В. И. Буяльская

Сдано в набор 16-1-1975 г.

Подписано в печать 26-V-1975 г.

Формат 84×108 1/32. Физ. п. л. 5,25

Усл. п. л. 8,82. Уч.-изд. л. 7,62.

ВУ 30160, Заказ 111. Тираж 500 экз.

Цена 59 коп.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства,
Черкесск, пл. Кирова, Дом печати.

Типография Ставропольского крайкома КПСС,
гор. Минеральные Воды, ул. 50 лет Октября, 67.

Т 30

Тебуев Р. С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в.—1917 г.). Ставропольское книжное издательство (Карачаево-Черкесское отделение), 1975.

168 с.

В своей монографии на большом фактическом материале автор раскрывает пути развития очагов капиталистической промышленности и проникновения иностранного капитала в Карачаево-Черкесию, показывает объективный процесс роста классового самосознания горских рабочих под руководством представителей русского пролетариата.

9(с) 17 (с 163.1)

Т $\frac{1-8-1-106}{М 159 (03)-75}$ 106—75

